

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

1. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство территориального развития, национальной политики и массовых коммуникаций ЧР.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г. Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_azn@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК «Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

23.01.14

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ДАЛА КЪИНХЕТАМ ЛАБТТА БОССИЙНА ХАН
Делан Элча (Делера Салам-Маршалла хуьлда цунна)
вина бутт.....2

ПРОЗА

Муса АХМАДОВ. *Читай, брат, читай еще...* Рассказ.....5

Ахмет АСХАБОВ. *Дорога домой.* Рассказ.....13

Муса АРСАНУКАЕВ. *Одна ошибка*.....47

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *Миниатюры*.....53

Адам САЛАХАНОВ. *Зов могилы.* Рассказ.....57

ЮБИЛЕЙ

Гапур АЛИЕВ. *Певец непридуманной любви.* Стихи.....9

ПОЭЗИЯ

Адиз КУСАЕВ. *Творческие портреты...* Стихи.....24

Малика ГАЙСУЛТАНОВА. *Кавказ.* Стихи.....45

ГОЧДАР

Важа ПШАВЕЛА. *Лун кIорнин дийцар*.....27

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Канат КАНАКА. *Урус-Мартан.* Стихи.....32

Хаджи-МУРАТ ХАМХОЕВ.

Непридуманные рассказы.....35

ДЕБЮТ

Казбек ШАРИПОВ. Стихаш.....51

ЭССЕИСТИКА

Тауз ИСС. *Философия жеста*.....59

3 ЯНВАРЯ - ДЕНЬ ПОЧИТАНИЯ

СВЯТОГО УСТАЗА КУНТА-ХАДЖИ

Вахит АКАЕВ. *Шейх Кунта-Хаджи в*

духовно-культурном пространстве чеченцев.....67

ПУБЛИЦИСТИКА

Казбек ГАЙТУКАЕВ. *Яркий представитель «могучей волны».* Очерк.....74

ИСТОРИЯ

Мадина АХМАДОВА, Ася АБУБАКАРОВА. *Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20-30 гг. XX века*.....85

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Али ЗАРМАЕВ. *Прометей во плоти*.....90

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Я верну тебя в жизнь.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Роза МЕЖИЕВА. *Арт-проводник в мире красоты*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Дала кьинхетам лаьтта боссийна хан**Делан Элча (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) вина бутт**

Нохчийн халкъо гуттар лоруш а, сий деш а хилла Делан Элча Мухьаммад-пайхамар (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) дуьненчу ваьлла бутт – рабиуль-авваль. Вайнаха цунах мовладан бутт олу. Оцу баттахь тайп-тайпана даарш кечдой, бусулба нах чу а кхойкхуш, Элча (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) хастош, цуьнан сийлахь амалш, хаза гиллакхаш, дахарехь хилларш дуьйцу назманаш а олуш, Кьурьанан сураташ а доьшуш, зикарш а деш, гуламаш длаьхош хилла нохчаша гуттар а, ледало и дихкинчу заманахь а тлаьхьа.

Мовлад ешар вайн кьоман гиллакх а хилла длаьлоьттина дуккха шераш хьалха дуьйна. Иза йоьшура, мовладан баттахь ешна ца лаш, доьзалехь лараме хийцамаш хилча а, масала, бер дуьненчу даьлча, цуьнан пхийтта шо кхаьчча, клант Эскаре воьдуш, иза цигара ца веьча, зуда ялийча и дl.кх.

Мовлад ешар массо а вирдехь болчу нехан хаза гиллакх хилла длаьлоьттина.

Ишттачу сохьбате вовшахкхеттачу наха олуш ю XIX бlешо чекхдолуш вегахш хиллачу, Элчанан (с.l.v.) тlаьхьенех хиллачу, авлияо Жамалуллайлас lаьрбийн маттахь язйина назма. Цул сов нохчийн lеламнаха яьхна тайп-тайпана назманаш а ю халкъалахь олуш. Массо а халкъашна, адамашна дин кхайкхо, царна массо хlуман тlехь а масал хилийта, дерриге а lаламах кьинхетам беш Дала дуьненчу ваийтина Элча (с.l.v.) хьехор, цуьнан сий-ларам бар, цунна салаваташ дахкар алсамдаьлла тlаьхьарчу хенахь. Вайн республикин куьйгалхочун Кадыров Рамзанан лаам а, кьинхьегам а бахьанехь Нохчийчоьнан а, уллорчу мехкийн а бахархойн аьгту хилира Элчанан (с.l.v.) асараш ган а, царах беркат эца а. Вай дегнаш хазахетарх, даккхийдерах дузу царах цьхаерш вайн махкахь гуттаренна а lалашьеш а, вайн мехкада Кадыров Р.А. церан lуналдархо хlоттийна а хиларо.

Оха кхузахь дешархойн кхиэле юьллу, Мухьаммад-пайхамаран (с.l.v.) боккха кьинхетам буйцуш, нохчийн халкъо кхоьллина шиь назма. Уьш дlаязйина lеламстага Ахмадов Сираждис, цунна уьш Варандарчу баккхийчу наха: Солсаев lабдул-Даяна а (аренан масарх лаьцнарг), Дутаев Хьамида а (кхокханах лаьцнарг) – олуш хезна.

Делан Элчас (Делера Салам-маршалла хуьлда цунна) аренан масар кlелхара яккхарх назма

Хьол сийлахь кхоьллина дегl ма дац Дала,
Шен lарш-курс хьан нуьрах кхоьллина Дала,
Хьо вазварца кьинхетам совбаьккхи Дала.
– Мархьаба, маршава, я Расулуллахl.

Аренан масаро бала балхийра хьоьга,
Гlийлачу эшаршца и кхайкхира хьоьга,
Ахь цунна жоп делира, хьуо кхетта уьшарех.
– Мархьаба, маршава, я Расулуллахl.

«Нур долчу бlаьргашца хьажахьа, ва Элча,
Ша кхузахь йихкина, вижина lаьрбо,
Ши klорни яра шен, шех якхош, кхобуш...»
– Мархьаба, маршава, я Расулуллахl.

«Беркате куьйгашца ястахъа, ва Элча,
Х1ара самавалале юхайог1ур яра ша,
Ши к1орни якхийна, царах б1аьрг тоьхна...»
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

Элчано ма элира аренан масаре,
Хьо юха ца яг1ахъ нийса дац аьлла,
Элчанца тешнабехк мегар бац аьлла...
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

Масаро ма элира шен жимчу к1орнешка:
«Шу сиха хилалаш, шен жима к1орнеш,
Элча юкъара ва хилла, шуьша якхо еьна ша».
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

«Элча юкъара ва хилла, хьо еьна ва елахъ,
Хьо сиха юхаг1олахъ, шайн нана, ва масар,
Шаьш якхош хьо 1ийча, хьо дукха хьелур ю».
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

Мерзачу набарха ша самаваьлча,
Шена т1е х1оьттина ва Элча вайча,
1аьрбичо ма элира: «Х1ун г1уллакх ду техъ хъан?»
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

«Цхъа г1уллакх дара шен, шен ваша 1аьрбо...
Г1ийла ю, миска ю аренан масар,
Шен бена ерзай, и парг1атяккха...»
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

Элчанан беркатах ша маршаяьлла,
Шен бена йоьдучу масаро аьллера:
«Хьо бакъ веш шах1адат даладо ша, Элча!..»
– Мархъаба, маршава, я Расулуллах1.

Делан Элчас (Делера Салам-маршалла хуьлда цунна) кхокха к1елхъара баккхарх назма

Малхбузу ва хенахъ,
Малхбузар ва ламаз,
Дина ваьлла 1аш ма хиллера,
Къинхетаме ва Элча.

Беана схъаиккхира
Цхъа сийна ва кхокха
Кара-мара хъаьрчина,
Гоьлт1е охъа ма хиира:

– Шен са хьалха дитахъа,
Къинхетаме ва Элча.
Шен са хьалха ахъ ца дитахъ,
К1орнеш х1алакхъуьлу шен.

– Хьо бохий ма хьовзал,
Хьо бекий ма хьовзал,

Парг1ат балий охъахаал,
Ва сийна ва кхокха.

Цу шиннан ва къамел
Чекхдаьлла далале,
Деана схъаиккхира
Цхъа мокха ва куьйра:

– Схъалохъа, Мухъаммад,
Шен рицкъа схъалохъа!
Схъалохъа, Мухъаммад,
Шен рицкъа схъалохъа!

– Даца уьстаг1ан ва жижиг
Ша шорта лур хъуна,
Кхокха хьалха битихъа,
Ва мокха ва куьйра.

– Даца уьстаг1 ва жижиг
Шен рицкъа дац хьуна.
Схьалохъа, Мухьаммад,
Шен рицкъа схьалохъа!

Цъхана а шар1ахъ дуй техъа,
Къинхетаме ва Элча,
Цъхъа са хьалха ва дитий,
Важа са х1аллакде аьлла?..

Цу шиннех къахетта,
Шен б1аьргех хиш хьаьдда
Ша воьлхуш ма хьаьвзира,
Къинхетаме ва Элча.

– Шен дег1ан ва жижиг
Ша шорта лур хьуна,
Кхокха хьалха битахъа,
Ва мокха ва куьйра!

– Схьалохъа, Мухьаммад,
Хъайн дег1ан ва жижиг,
Кхокха хьалха буьтур бу,
Къинхетаме ва Элча.

Шен дег1ан ва жижиг
Ша цунна ва дала,
Ира мукх схьаэцна.
Элча охъа ма хиира.

Стиглара охъа мохъ кхечира
Цу ирчу мукхане,
Шен пайхамар хадавахъ,
Мегар дац ва аьлла!

Цуьнан дег1ах ва лата,
Урс къобал ца хилира,
Цуьнан жижиг ва даа
Куьйра къобал ца хилира.

Ва Дела гечдехъа,
Делан Элча г1о дехъа,
Лаиллах1а Илаллах1у,
Мухьаммадуррасулуллах1.

Муса Ахмадов**Читай, брат, читай еще...**

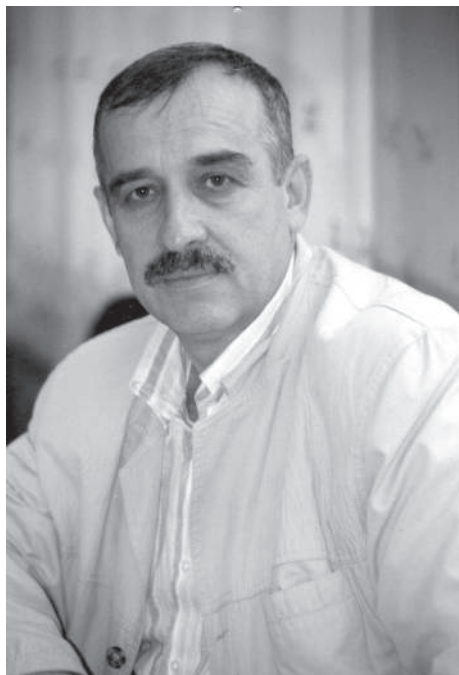
Рассказ

Навет, начавший гулять по свету, был велик и чудовищен по своей лживости и надуманности. А еще более невероятным было то, что человек, породивший эту клевету, был тебе знаком вот уже тридцать пять лет и был из числа тех, от кого ты меньше всего ожидал этого. Такова природа человека. Не узнаешь, что у него на душе, до урочного дня. Переживая этот удар, не давая себя сломить (именно с этой целью и была запущена эта клевета, катившаяся от уха до уха и росшая, как снежный ком), ты вдруг вспомнил о старшем брате и решил навестить его. А прежде чем возникло это желание, да, именно до этого, тебе было видение во сне, и сон был необыкновенным. Это было некогда являвшееся видение, правда, на этот раз сон был ярче яви своими красками... Дома в их старом ауле были ослепительно-белыми, склон горы, поднимающийся прямо от окраины их аула, был покрыт какой-то особенной яркости зеленой травой, и цветы на склоне сияли, сияли неземными оттенками красного, желтого, синего, белого цветов. Он поднимался по этому склону – его младший брат, высокий, стройный, – черной шевелюрой, черными глазами, которые излучают какой-то особенный свет, и он разливается вокруг, да, этот свет отражают трава и цветы. В руках у брата дечиг-пондур¹, он поднимается по склону, перебирая струны. Звуков не слышно – ты находишься в доме, у окна, потом замечаешь еще кого-то, смотрящего в окно, на улицу, и узнаешь в нем отца... Тут сон обрывается... Но он имел продолжение наяву... Тогда, тридцать лет назад, в тот вечер, отец упрекнул вошедшего младшего: «Что-ж ты шатаешься с дечиг-пондуром, когда отец болен?» Брат, опустив глаза, печально произнес в ответ: «Неизвестно, кто кого опередит». Отец не услышал его, ты услышал.

Потом, не прошло и месяца, он и опередил, уехав из дома и оставшись навсегда на дне какого-то дальнего озера. Опередил всего лишь на два дня. От отца, уже отходящего в мир иной, скрыли, хотя он и просил несколько раз: «Приведите его ко мне, я знаю, что он приехал». Но он не в состоянии был выдержать эту весть, поэтому и скрыли. Когда они вернулись, насыпав могильный холмик младшему брату на кладбище на окраине аула, скончался и отец.

У ворот ты останавливаешься, вытирая платком навернувшиеся слезы, толкаешь калитку – не закрыто, значит брат дома. Ему удалось восстановить разоренное войной хозяйство и построить новый дом. И перемены произошли на этом подворье: не видать большого ореха, абрикосового дерева и вишни. На войне первыми гибнут деревья, они не могут убежать, укрыться под землей, как люди, удерживаемые корнями, они с тоской смотрят вслед птицам, садящимся и улетающим с их ветвей...

Услышав голос брата, ты задерживаешься у дверей... Брат читает Коран, как и тогда, тридцать лет назад... Стоит такое же жаркое лето, как и тогда, в тот

день, когда похоронили отца. И после того, как брызнул слепой дождь, окропив его могильный холмик, еще месяц стояла хорошая погода. Тогда, на рассвете, до восхода солнца, они отправлялись в путь, пересекая аул из конца в конец (их дом находился на краю, у опушки леса, а кладбище на другом конце, у большой дороги, ведущей в аул и уводящей из него. Поэтому каждый уходящий и приходящий путник читал дуа² за упокой почивших на этом кладбище).

Старший брат ставил между двумя чуртами³ низенькую скамеечку, садился и читал Коран, пока первые лучи солнца не касались чуртов, а он сидел напротив, повторяя про себя короткие суры⁴, какие он знал наизусть, и ощущал, как аяты⁵ Корана приносят облегчение его болящему сердцу. Потом они возвращались домой по росистой тропе, чтобы вернуться по ней же обратно, когда солнце опустится над лесистым хребтом. Каждый раз, выходя за кладбищенскую ограду, он оглядывался и видел высвеченные восходящим или заходящим солнцем ветви деревьев, кусты, высокие стебли трав, качаемые теплым ветром, просеивающийся сквозь них, как кукурузная мука через сито, утренний свет. Так они поступали в течение семи дней, затем брат стал читать Коран дома, сидя на ковре, расстеленном на паднаре⁶ под большими окнами застекленной веранды. А ты садился напротив, на другом конце паднара, с солнечным светом лился на тебя голос брата, читающего Коран, глаза невольно закрывались, охватывала дремота с приятными сновидениями, в которых ты находился одновременно во многих местах, где текли белые реки, цвели сады. Просыпаясь и осознавая, что это сон, ты чувствовал, как сердце вновь сжимала боль, и некуда было деться от этой боли. И не было облегчения, как только от одного Корана. И ты просил брата, который, завершив чтение, шептал дуа: «Читай еще, брат, читай Коран...»

Брат начинал читать, боль понемногу отступала, на сердце становилось спокойней, горечь от утраты близких хоть и не исчезала совсем, но оседала.

Ты тихо открыл дверь и вошел в комнату напротив. Это широкая, просторная комната, застеленная ковром. Как толькоходишь, голос брата доносится справа. Хотя дверь и открыта, брату его не видно – он сидит спиной к двери, на столе перед ним лежит Коран. Он очень стал походить на отца, чем старше становится, тем больше в нем проявляется отцовских черт.

Ты неходишь к нему, не хочешь прерывать его, переступив порог, стоишь некоторое время, потом опускаешься на ковер. Монотонно звучит голос брата, как и тогда, тридцать два года назад, успокаивающий утомленное лишениями и людской завистью сердце... Этот голос уводит тебя под бывшее некогда безоблачным голубое небо... Тогда он, старший, собирал их в маленькой комнатке во дворе, рассказывал им о жизни предков, особенно об отце. Когда тому исполнился год умер его отец, а в семилетнем возрасте он лишился и матери... Рос с дедушкой по отцу. И ни перед кем не склонял головы, чувствуя себя сиротой. Пятнадцать лет постигал исламскую науку в медресе в Урус-Мартане. Сам выучился латинской грамоте. И ремесло ветеринарного врача освоил. Он вбирал в себя благодать своего деда Абдул-Хакима-хаджи (домочадцы и односельчане в знак уважения называли его Хаки, скрывая полное имя), пока тот не сдался властям, устав скрываться. Неужели, столь глубоко постигнув науку, он не познал мира тьмы, неужели считал он, что если делал в жизни только добро, то никто не мог желать ему зла без причины на то?... Оказалось, зло возбуждалось без причины, и носители его, увидев свет на пути, без обиняков бросались гасить его, задуть. Они преуспевают в этом гашении света, и посланники тьмы начинают праздновать победу над светом плясками, но свет появляется там, где они не ожидают, и разгорается, не оставляя и следов тьмы. Слава тебе, Всевышний, что ты приводишь свет к победе!

Свет... Почти полная луна льет свет на навесы, построенные на краю аула... Между этими навесами проходит широкая дорога. Во всю эту дорогу сидят по одну сторону девушки, по другую – юноши... Девушки, протыкая длинной иглой большие листья, нанизывают их на шнуры. Что это за листья? Какой-то

юноша с дечиг-пондуром в руках. Он поет голосом, напоминающим журчание родника:

Белые облака на небе
 Ветер унес, растрепав в клочья,
 Они превратились в белых птиц
 И расселись вокруг родника...
 И рассказывали белые птицы роднику,
 И родник говорил с ними,
 И они понимали друг друга...

Такие слова в песне, которую исполняет тот юноша, его брат... Здесь ты просыпаешься... Над тобой стоит старший брат:

– Мада, это ты?

– Я, Харон... – ты встаешь.

– Белые облака на небе уплыли, распадаясь на части, – шепчешь ты и, удивленный, размышляешь: «Странно, что я помню слова, услышанные во сне, и раньше слышал такое, но они пропадали вместе со сном, проваливаясь в ущелье забвения, и не помнились, как теперь».

– Ты что-то сказал? – спрашивает Харон.

– Нет, ничего...

– Давай пройдем в комнату.

Ты следуешь за Хароном. На столе, стоящем посреди комнаты, лежат Кораны, жайны⁷, аудиокассеты, все – религиозного содержания.

– Вижу, ты чем-то озабочен, – замечает Харон, – может, еще какая мразь объявилась по твою душу?

– Нет, ничего. Кажется, ты слишком располнел... Полнота вредит сердцу...

– Эту тяжесть я сброшу... Ты скрываешь от меня свои проблемы. Помнишь, ты не согласился, когда я хотел разобраться с одним типом, а впоследствии из-за него пострадал весь народ...

– Если иметь терпение, Всевышний все уладит... И он нашел то, что искал...

– Нашел, причинив многим неприятности и разбив много сердец... Люди не такие добрые, как тебе кажется, Мада. Не создавай себе головную боль, пытаясь исправить их, не мучай себя... Довольно... Дай хоть теперь отдохнуть своей душе...

– Харон, Харон... Как давно ты мне об этом говоришь, а я все же не сворачиваю со своего пути...

– Какая-то обида у тебя на душе... ты скрываешь от меня... Хоть и не молод твой брат, но он не подчинится несправедливости... Кто бы он ни был, пусть даже задевает рогами небо. Бывает, что нужно применить силу вместо объяснений...

– Нет с нами того, кто мог бы силой уладить дело... Помнишь, тогда в ауле мы сидели в нашей маленькой пристройке и ты говорил: «Мада, ты трудись в науке, ты, Майрбек, иди в спорте, я же буду вас обеспечивать материально... я ни в чем не позволю вам нуждаться...»

– Помню... То было время, когда зацвела яблоня у нас во дворе... Майрбек ушел... – Глаза Харона наполняются слезами: – Вчерашней ночью, во сне, мы были вместе у нас в ауле. Сон, видимо, к тому, что мы вспомнили его сейчас, – Харон утирает слезы платком. Потом добавляет тихо:

– Хотя Майрбека и нет, но твой старший брат не даст тебя в обиду... Я буду нести обязанности Майрбека...

– Не о чем тебе беспокоиться, Харон... Всевышний дает разные испытания в жизни. Видимо, он хочет, чтобы эти люди испытали меня... А испытания нужно пройти со смирением...

– Отец тебя должен был обучить исламской науке... Ты смог бы продолжить дело Хаки, я же его не осилил... По разным причинам застрял в начале пути...

– Если бы ты пошел по этому пути, достиг бы больших успехов, а ты взял на

себя другие обязанности: заботиться о всех младших, помогать им материально. Теперь ты пытаешься взять на себя обязанности Майрбека.

– Что поделаешь, взявшись за все дела одновременно, я рискую не завершить ни одно... Я слышал, ты побывал в старом ауле?

– Да, был, Харон... Давно я собирался повторить пешком тот путь, по которому Хаки ехал сдаваться властям. Начиная от нашего аула, через Хората, Хошкана, Поппар-Ин, Верхние Варанды, Хакка до Шатой-крепости.

– Не спеша, с привалами, через пять-шесть часов дошел я... Наши места заросли кустарником, лесом, совсем одичали. И знаешь, что поразительно: на всем этом долгом пути я ощущал умиротворяющий, дающий силы свет Хаки. У меня возникла мысль: ничто не исчезает, если человек оставил свет после себя. Этот свет присутствует вокруг в природе, с листвою деревьев, на склонах и в ущельях... Также, если оставил человек после себя тьму, и она останется... Еще до первой войны⁸, пять-шесть человек рассказывали мне, что видели, как его уводили под арестом... Все рассказывали о сиянии, исходившем от него... Тогда я решил повторить этот путь...

– Пусть зачет тебе Всевышний эти труды... – говорит Харон.

– Видевший его в тот день старик Боча из Хаккоя рассказывал мне... Когда Хаки привезли из Шатой в Грозный, один из начальников НКВД сказал, мол: «Люди, выдавшие властям такого светлого, необыкновенного человека – плохие люди. Надо было хоть под землей укрыть его». Все сотрудники НКВД ходили смотреть на него и поражались чистоте и красоте, исходившей от него. Когда ему перевели слова этого русского, Хаки, говорят, сказал: «Меня близкие так и берегли, как ты говоришь, а сюда меня привело повеление Божье...»

Когда Мада замолкает, в комнате воцаряется тишина. Он чувствует, как его брат Харон заново пропускает через свое сердце страдание своего третьего предка, чувствует, как оно, ожив, сдавливает его, наворачивая слезы на глаза и может раздавить его. Чтобы прервать воспоминания, Мада перебивает его:

– Оставь прошлое, расскажи лучше, как живешь.

Харон не отвечает, продолжает о своем:

– Те, кто тогда доносил на Хаки, и те, кто теперь становится на твоём пути – это одни и те же люди. Нельзя им уступать, их нужно одолевать... Если потребуются – и при помощи оружия...

– Брат, мне кажется, поздно уже и тебе и мне перевоспитываться... Почитай мне лучше Коран, какое-то особое блаженство я испытываю, когда ты его читаешь...

– Что-о? Что ты сказал?

– Читай Коран, я же за тем пришел, чтобы ты почитал...

– Коран? Почитаю... Конечно.

Харон садится за стол, надевает очки и начинает читать Коран. Ты слушаешь, подставляя лицо целебным волнам его голоса и, опустив веки, прикрываешься от всего остального.

Август, 2013 год.

Перевод с чеченского Исы ОКАРОВА

¹ Дечиг-пондар – трехструнный чеченский музыкальный инструмент

² Дуа – молитва, мольба.

³ Чурт – надмогильный памятник.

⁴ Сура – глава Корана.

⁵ Аят – стих из главы Корана.

⁶ Пандар – деревянный топчан.

⁷ Жейна – книга религиозного содержания.

⁸ До первой войны в Чечне 1994 года.

Гапур Алиев

Певец непридуманной любви

В этом месяце исполнилось бы 65 лет известному чеченскому поэту, драматургу и исполнителю своих песен Гапуру Алиеву. Долгие годы он радовал многочисленных почитателей и слушателей своим поэтическим талантом и неповторимой манерой исполнения. Его жизнь оборвалась внезапно в середине марта 2011 года – в расцвете творческих сил, на 63 году жизни. Для читателей нашего журнала и его бывших коллег по редакции (Гапур несколько лет работал в «Вайнахе» заместителем главного редактора и заведующим отдела поэзии на чеченском языке), он навсегда останется как автор замечательных сонетов под псевдонимом Гуинплен. Для тех, кто был знаком с ним лично, автобиографичность его поэтических произведений очевидна. Основной лейтмотив лирики Гуинплена – это, конечно же, любовь, поиск идеала и гармонии в несовершенном мире людей. Отдавая дань памяти чеченскому барду, предлагаем вашему вниманию следующую подборку из нескольких стихотворений и сонетов, вошедших в его последний сборник «Письма в никуда».

Бывает, ты проснешься среди ночи
От буйных, необузданных тревог,
Уставившись в неведомые очи,
Стоишь среди непройденных дорог.

Добро и зло твоих поступков грозно
Вопросом висят над тобой.
Тебе решать, что честно и бесчестно,
Ты это ты иль просто ты – любой.

Становишься ты сам и подсудимым,
И над собой безжалостным судьей.
И в этот миг ты,
ставший очень строгим,
Беседуешь с раздетою душой.

А утром наваждение пропало,
Ты праведный не вынес приговор.
Дорог еще не пройденных немало,
К чему весь этот дикий разговор!

А где-то там – в мистории Вселенной,
До боли безразличной и пустой,
Вершится суд и над Землею брэнной,
И над тобой, и над твоей душой.

Бывает, ты проснешься среди ночи,
Беседуешь с раздетою душой...
Упрямые застряли твои кони
Среди дорог не пройденных тобой.

Я тот, кого никто не ищет,
И кто не ищет никого.
Я свет, который мглою дышит,
Мираж я только лишь всего.

Я странник в этом мире странном,
В плену у бешеной души.
Зачем пришел – забыл о главном.
Куда иду? Что впереди?

Н.

Постучалась тихо, тихо.
 Попросила: «Отвори.
 Среди ночи шла я мимо,
 На минуточку впусти»,

Дверь открыта. Что же дальше?
 Что ты ищешь? Что найдешь?
 Или здесь забыла раньше
 Дорогую тебе вещь?

Мы молчали, ну так что же,
 Все понятно и без слов.
 Тихо молимся, похоже,
 На прошедшую любовь.

Ничего не изменилось.
 Здесь давно уже покой.
 Сколько б раз ты мне не снилась,
 Не нужна ты мне такой.

Вся согнувшись, посидела,
 Молча встала и ушла.
 Не нашла чего забыла.
 Ничего не унесла.

Где-то одинокая судьба
 Мечется как белка в колесе.
 Где-то одинокая душа
 Молится неистово судьбе.

Просит одинокая душа
 У судьбы хоть чуточку тепла.
 Без ответа бедная душа
 Все стучится тихо в небеса.

Время тихо, как карманный вор,
 Ночь ворует у ночной тиши.
 Мир огромный за моим окном
 И бездомный, как мои стихи.

Скоро утро. Вор сворует ночь.
 Мир огромный за моим окном,
 Как стихи, уйдет куда-то прочь –
 Будет ждать, когда наступит ночь.

Последний миг,
 Последняя минута –
 А там расплата
 За твои грехи.
 И жизнь твоя,
 Несчастливая «секунда»,
 И боль твоя –
 Кусочек чепухи!

Ты не будешь моею,
 И не буду я твоей, –
 Будешь чьей-то женою,
 Будешь чьей-то судьбой.
 Только знаешь, родная,
 Этот миг только мой,
 Ничего не возьмешь
 Ты отсюда с собой.

Сонет № 68

Когда-нибудь умолкнут мои песни,
 И заржавеет звонкая струна.
 Забудутся мои слова, как сплетни.
 Забудутся и эти письма.

Сей миг исчезнет, как чужая тайна.
 Закончатся земные чудеса.
 Пришел сюда я, кажется, случайно.
 Уйду отсюда, верю, в небеса.

И там, в раю, я расскажу всю правду.
 Как предала меня ты, расскажу.
 И за твое предательство награду
 У Бога я тихонько попрошу.

Из всех богатств,
 что Он предложит мне,
 Тебя в награду я возьму себе.

Сонет №70

Я хочу заглянуть тебе в душу,
 И увидеть там раны свои.
 Ты не бойся. Я трогать не буду.
 Не нужны мне богатства твои.

Я хочу посмотреть и увидеть
 Как распяли убогость мою.
 Я хочу в дикой пляске услышать,
 Как кричишь ты: «Спасите! Горю!»

Где-то есть остров дикий, мятежный,
 Где воркует бесстыдство с молвой.
 Где-то кто-то безликий, безгрешный
 Торг устроил со мной и с тобой.

Не хочу я смотреть тебе в душу, –
 Там увижу навозную кучу.

Сонет № 81

Когда тебя твой друг
 последний предаст,
 Последние умолкнут голоса,
 Разверзнутся твои года, как пропасть,
 Ты позови, ты позови меня.

Когда одна останешься с собою,
 И все уйдет неведомо куда,
 Когда вдогонку закричишь тоскою,
 Ты позови, ты позови меня.

Когда твою красу года изгложут,
 И врать начнут ворчливо зеркала,
 Ты им не верь. Я знаю, что поможет, –
 Ты позови, ты позови меня.

Твоей последней стану я мечтою.
 Я назову тебя своей судьбою.

Сонет № 82

В конце концов, закончатся печали,
 И затоскует по тебе земля,
 И мысли, что порою докучали,
 Уснут, не помолвившись за тебя.

И соловьи, что пели песню жизни,
 Закончат свои трели для тебя.
 Здесь, на Земле забудут, что мы были,
 Забудут про тебя и про меня.

На поколенья вечное проклятье
 Тогда с тобой поделим пополам.
 И если там, на небесах есть счастье,
 Тебе, родная, ничего не дам.

Ты попроси, сегодня попроси,
 Сегодня все, что хочешь, забери.

Сонет № 83

Дождливой хмарью
 осень злобно плачет,
 Как будто в первый и последний раз.
 Я знаю, она музыку закажет
 На чей-то скорбный
 похоронный марш.

Колеса дробь по рельсам отстучали,
 И час за часом унеслись года.
 Кукушка чьи-то дни откуковала,
 Закрыв надеждам вечные врата.

Там где-то замер
 крик души напрасный,
 А где-то чей-то не достроен дом...
 Ах! Светофор зажегся
 светом красным,
 И роковой случился перелом.

Не стоит так за эту жизнь цепляться, –
 Как ни тяни,
 придется с ней расстаться.

Сонет № 84

Я никому свой мир не завещаю.
 Он будет жить в моих стихах всегда.
 И никому стихов не посвящаю.
 Мои сонеты – письма в никуда.

Как сумерки, небрежно
 в стих ложатся
 Усталые слова мои порой.
 Ночные мысли рвут меня на части.
 Зовут домой из стороны чужой.

Я все еще в плену у тех желаний,
 Что радовали молодость мою.
 Хоть и наметил путь себе я дальний,
 На том же месте до сих пор стою.

Стихи свои пишу не ради славы.
 И мой сонет крик души усталый.

Сонет № 89

Судьбою я не полностью испытан,
 Еще одной я не сказал: «Люблю».
 Мне приговор последний не дочитан.
 А значит, я пока еще живу.

Пока еще я миру удивляюсь,
 Не разучился иногда грустить,
 Пока еще кому-нибудь я нравлюсь,
 Я на земле на этой буду жить.

И если на Земле меня не станет
 И на могиле вырастет трава,
 «Люблю» кому-то если кто-то скажет,
 Моя любовь пока еще жива.

Тебя мне жалко. Рано ты устала.
 Как я любил тебя, ты не узнала.

Сонет № 91

Я слушал раньше трели соловья,
 Теперь надрывно каркает ворона.
 Теперь у нас с вороною ничья
 И на двоих – последняя дорога.

Всю жизнь глумилась
 надо мной мечта.

Ошибок в жизни было очень много.
 И каждый раз я думал – ты пришла,
 И каждый раз – ошибка у порога.

Ты не придешь, я знаю, не придешь.
 Я никогда не встречу тебя в жизни.
 Ты не меня – другого позовешь.
 Ошибся я. Ты ошибешься трижды.

К тебе я в этот подлый мир пришел,
 Искал тебя, но так и не нашел.

Сонет № 93

Сонет последний мною не дописан,
 Последние не сказаны слова.
 Любовью я последней не испытан,
 Не ранила последняя молва.

Я жил на свете,
 будто бы бессмертный,
 Как будто в мир пришел я навсегда.
 Я, как тот рыцарь –
 честный и потешный,
 Присваивал пустые города.

Погаснут звезды, как глаза любимой,
 Навеки опустеют города,
 И свой сонет последний, нелюдимый
 Я отошлю куда-то в никуда.

Тебе, которой нет на этом свете,
 Я написал безумные сонеты.

Сонет № 97

У меня сегодня распродажа:
 Продаю последние стихи.
 Подходите. Не замечу кражу.
 Если денег нет, то так бери.

Хочешь, вон сонет такой-то номер?
 Или этот мерзостный стишок?
 Говорят, я после него умер.
 Ну, бери! Бери же все, дружок.

Против рока в них бунтуют дерзко
 Каждый слог и каждая строка.
 Мыслям моим в этих строках тесно,
 Кончились поспешные слова.

У меня сегодня распродажа –
 Сам себе устраиваю кражу.

Ахмет Асхабов**Дорога домой**

Рассказ

Как в темном царстве светлый луч,
Мысль об Отчизне сердце греет...

Нельзя было еще отличить белую нить от черной, когда Хамзат открыл глаза, просыпаясь от тяжелого кошмарного сна. Вот уже несколько дней, как он потерял сон: просыпается задолго до света и кряхтя ворочается на жесткой постели, пока не рассветет. И тому, конечно, есть причина: чем ближе день отъезда, тем беспокойней, нетерпеливей он становится. Рассвет только намечился, когда он, стараясь не нарушить сладкий, предрассветный сон семьи, чуть ли не на цыпочках вышел из комнаты съемного дома во двор. Глубоко вздохнув, он прислушался к прерывистому дыханию сонного многотысячного города. Казалось, город тоже беспокоится во сне. Над городом стояло зарево от многочисленных, разноцветных ночных фонарей. Хамзат поднял голову вверх: в сереющем небе одна за другой гасли звезды, как будто кто-то незримой рукой гасил их, словно свечи. Ночь отступала неохотно, цепляясь за каждое укромное место. День только рождается, но Хамзату хочется, чтобы ночь еще продлилась. Последняя ночь перед дальней дорогой. Сам по себе Хамзат очень терпеливый человек, но сегодня терпение изменило ему. Даже усилием воли он не может успокоить себя: ему кажется, что в природе что-то изменилось не в его пользу. Глазу это, конечно, незаметно, но он чувствует это всей своей кожей, нервами: день уже вступил в свои права, но солнце затягивает с пробуждением, запаздывает с восходом, а взойдя, застывает над горизонтом, словно зацепилось за что-то. Наконец, оторвавшись от горизонта, медленно-медленно ползет вверх к зениту. «И когда же оно таким путем до следующего заката доползет?» – смотрит Хамзат недовольно.

Семья Хамзата давно проснулась, а он все слоняется по двору в плену своих неотвязных мыслей. Не знает, чем занять руки, чтобы убить время. Гонит мысли прочь, но они снова возвращаются. Так и слонялся бы он неприкаянно по двору, перебирая в памяти прошлое, если бы не позвала домой Халимат. «Что ты ни свет ни заря меряешь двор? Зайди, отдохни! Зачем изводишь себя?» – сочувственно говорит ему жена. Очнувшись, Хамзат молча посмотрел на жену, подумал: «Мое беспокойство отражается и на ней, а она и так не здорова. Да и сыновья видят мое состояние, надо взять себя в руки». Он нехотя зашел вслед за женой в дом. Накрытый стол давно стоял в ожидании хозяина, но есть не хотелось. Халимат почти насильно усадила его за стол. Вяло перекусив, Хамзат, растянувшись на постели, закрыл глаза. Попытался заснуть. Долго лежал неподвижно, не открывая глаз. Но скачущие мысли прогоняли сон, хотя глаза и болели от недосыпания. Много было в жизни Хамзата всяких дней: ненасытных и солнечных, коротких и длинных. Но такого длинного дня, каким был сегодняшний, кажется, у него за всю жизнь не было. Чего он только за этот день не перебрал, не передумал! «Длиннее года» – не то слово. Кажется, все тридцать два года, что он прожил здесь, в Казахстане, были короче этого дня. Хамзату не лежит, не сидится на месте. То начнет читать что-нибудь и бросит, то хватается за четки и, медленно перебирая их, возносит хвалу Всевышнему. Потом, сам себя прерывая, ни с того ни с сего выходит-заходит. В общем, тесно ему в четырех стенах, тесно во дворе, тесно на всей казахской земле. Он живет ожиданием. «Хуже нет – чем ждать и догонять», – оказывается не зря это

сказано. Ему не терпится увидеть завтрашний день. Он всю жизнь ждал этого дня. Дня, когда позволит ему наконец Аллах покинуть опостылевшую степь. Он физически еще здесь, но душой, сердцем – там, на своей родной земле, где его никто никогда уже не упрекнет, что он живет не на своей земле. Не станет обида в горле комом от подобных упреков. С трудом верится ему, что это не сон, что наконец свершится его заветная мечта. Оно и неудивительно. Попробуй поверь, когда годами бьешься как рыба об лед, стремясь вырваться из сетей судьбы. «О Аллах! – восклицал он про себя часто. – Люди наши возвращались на Родину из Турции, Иордании и из других стран, неграмотные, преодолевая границы! Почему же я не могу вернуться домой, что меня тут держит? Ведь я же как не расцветшее в чужой земле деревце – не корнями, а сердцем сохну. Неужели я наказан за какой-то грех таким длительным сроком отлучения от Родины и родных? Кто мне поверит, что я хотел, но не мог годами вырваться отсюда? Ведь не такой уж дальний это свет! Ты видишь все, Аллах, знаешь, как я искренне стремлюсь домой, как тоскую, в каком я отчаянье! Но люди, родичи этого не знают! Осуждают, не понимают и не поймут! И я бы не понял, если бы сам через это не прошел. Могу ли я их винить? Ведь меня же ждут старые родители, которые давно не видели меня, семью мою, сколько близких моих ушло в мир иной за это время. Как я боюсь, что и родители могут уйти, не дождавись меня! Да и сам я могу уйти в любую минуту. Смерть на возраст не смотрит! За всеми как тень по пятам ходит. Каким ужасным должен быть мой грех, если мне выпал такой длинный срок искупления! Или так на роду мне написано было? Может, это судьба, как говорят люди? Сколько раз хоронила она мою мечту? Не дай, Аллах, чтобы и на этот раз сорвала она мои намерения, будь моим и семьи моей покровителем в пути!»

Хамзат, тяжело вздохнув, поднялся и вышел во двор. Яркий, знойный день резанул по глазам после мягкого полумрака комнаты. Солнце уже перевалило зенит. В свете дня заметно было, как сдал и постарел за последнее время Хамзат. Еще года два-три назад он выглядел моложе своих лет, держался прямо, был очень подвижен. Целыми днями ходил пешком за отарой и не уставал. А сегодня чуть ли не стариком выглядит: редующие на голове волосы и короткая борода совсем уже поседели, плечи опустились, руки, как плети. Две глубокие морщины подковой легли от носа к уголкам рта, а от потускневших глаз морщины разбегаются лучами, лоб испещрен широкими бороздами. От глаза поперек лба тянется глубокий шрам – память о давней схватке с серым хищником. Чуть без глаза не оставил его тогда волк. Когтем разордал лоб до кости. Трудно сейчас поверить, глядя на Хамзата, что когда-то он запрыгивал в седло, не касаясь стремян, держась лишь одной рукой за луку седла, что был он единственным чабаном в округе, зимовье которого вора всегда обходили далеко стороной. Да, укатали сивку кривые горки. Не тот теперь Хамзат. Все в этом мире преходяще. Нелегкую, беспокойную жизнь прожил он в степи. В постоянном напряжении, особенно после развала Советского Союза. А тоска по родной земле извела его вконец. Будь ты неладна такая жизнь! Кроме себя и винить-то некого, не на ком сорвать свою злость. Но кто знал, кто знал, чем все закончится?!

Устав ходить на солнцепеке, Хамзат зашел домой. Пройдя к задней стене, лег на неубранную постель и, прикрыв глаза, снова отдался воспоминаниям. Вспомнил, как он приехав в Казахстан, впервые в жизни погнал пасти овец. В то давнее время ему было всего лишь двадцать пять лет, и он не знал даже, с какой стороны подойти к коню, не то чтобы заседлать его самому, хотя горец и обязан уметь обращаться с конем. Но меняются времена – меняются и люди. Сейчас люди имеют дело больше с техникой.

Было это в конце августа во время уборки урожая. Днем раньше от маточной отары отбили уже повзрослевших ягнят, и овцы всю ночь беспокойно блеяли, мешая чабанам отдыхать. А утром когда чабаны подошли к загонам, там

поднялся такой плач – хоть уши затыкай! Хамзат и Халимат в те дни были в гостях у отца Халимат, который жил на чабанской точке. Чтобы дать тестю отдохнуть, в этот день вызвался пасти отару Хамзат. Кое-как заседлав мерина, он, открыв скрипучие ворота, выпустил на волю овец. Овцы же, тоскующие по ягнятам, с шумным блеянием ринулись в степь. Перепугавшись, что овцы вновь смешаются с отбитыми ягнятами, угнанными раньше них на пастбище, Хамзат кое-как взгромоздился в седло и погнал своего мерина вдогонку, чтобы завернуть отару на скошенные поля. Но овцы взяли такую прыть, что Хамзат совсем упал духом. Не зная, как их остановить, он скакал в хвосте отары, весь окутанный пылью. Не знал он так же, что такое «галоп» и что такое «рысь» – не понукая лошадь, полностью ей доверился. А она скакала такой тяжелой рысью, так подбрасывала Хамзата в седле, что он, сползая то в одну, то в другую сторону, хватался руками за седло, боясь выпасть из него на скаку. И ему совсем не думалось тогда, что лошадь медленно бежит, наоборот, когда взгляд его падал на землю, ему казалось, что земля стремительно уходит из-под ног, и он пугался, что расшибется насмерть, если не удержится в седле. А овцы, вместо того чтобы устать и остановиться, услышав ответное блеяние ягнят, припустили пуце прежнего. Тогда он, потеряв всякую надежду обогнать их, увидев далеко впереди отбитых ягнят, поднял в панике такой крик, что его услышал чабан, пасший ягнят – тот быстро вскочил в седло и поскакал наперерез овцам. Кое-как завернув передних овец, погнал растянувшуюся отару обратно к Хамзату. Вдвоем с Иваном – так звали чабана – они погнали отару на убранные поля, подальше от ягнят, и, когда овцы успокоились, Иван ускакал к своему молодняку. После всего этого Хамзат, отпустив лошадь, залез на столканную высокую кучу соломы. Лежа на ней, он наблюдал за вольно пасущимися овцами: рассыпавшись, как горох, на большой площади, то далеко расходясь, то снова сходясь, они хорошо выпаслись за день. Когда солнце склонилось к закату, Хамзат соскочил со своего соломенного поста и, сев на коня, поехал собирать овец, чтобы потихоньку гнать их домой. Но овцы что-то не желали идти: завернет Хамзат один край, поедет заворачивать другой, а тот снова разворачивается, завернет их обратно – пока вернется, те снова разворачиваются. Видит Хамзат – бесполезно. Начал по кругу скакать, чтобы быстрее сбить их в кучу. Скакал, скакал, но и это не помогло. Только себя и лошадь в пот вогнал. Не зная, что ему предпринять, он остановил коня и начал озираться вокруг. Но некому было помочь или подсказать, что и как делать. А солнце между тем нижним краем касалось горизонта, и ждать, пока Хамзат что-нибудь сообразит, не собиралось. Не находя выхода из создавшегося положения, Хамзат, неожиданно даже для самого себя в отчаянии громко и длинно засвистел. И овцы так испугались, что в один миг развернулись, устремились друг к другу навстречу и сбились в плотную массу. Он удивленно смотрел на овец и думал: «Как просто все оказалось! А я? Какой паникер однако!» Потом он снова распустил их и через время вновь издал протяжный свист: овцы сбились в кучу. Ошеломленный этим открытием, Хамзат то свистом, то лаем почти бегом погнал овец на зимовку и успел дотемна загнать их в загон.

...Открыв глаза, он с трудом вернулся из прошлого в настоящее. Солнце, оповещая о приближении вечера, склонившись к закату, заглянуло в окно, освещая закатным пламенем почти пустую комнату. Вся семья Хамзата – двое сыновей и жена – были тут же, возились с вещами, упаковывая их в огромные китайские сумки. «Мама, а что вот с этим и вон с тем делать?» – спросил у матери Султан – старший сын Хамзата. «Забирай, в хозяйстве все пригодится, не на готовое едем. Всего-то и радость, что домой едем, а как там все сложится – один Аллах знает», – ответила Халимат не отрываясь от дела. Хамзат сердито посмотрел на жену: «А тебе этой радости мало?! Да я без этих вещей, без копейки за душой, пешком готов идти, если надо! Ползти готов, лишь бы дал Аллах

возможность и силы! А ты думаешь – как сложится?! Как бы ни сложилось, но мы будем дома – на своей земле, со своим народом, среди родных! Будем слышать родной язык, видеть родные горы! Это ли не радость?! Если даже один только день мне будет дано там прожить, он будет самым счастливым днем моей жизни. Лишь бы дал Аллах умереть на своей земле, а не на чужбине». Хамзат достал из кармана носовой платок и протер повлажневшие, красные от бессонницы глаза. Халимат растерянно хлопала глазами, не понимая, чем она обидела мужа. Младший сын Салман, увидев, что отец расстроился, подошел и приобнял его: «Папа, ну зачем ты расстраиваешься? Не в обиду же тебе мама так сказала. Все мы радуемся, что домой едем, и готовы за тобой хоть идти, хоть ползти, если надо. Но, даст Аллах, не пойдем, а – поедем! Не сердись напрасно на маму!» Хамзат ничего не ответил, молча вышел во двор, остановился у автомобиля. В свете заходящего солнца черный кузов машины отражался, как зеркало. «Поедем, если она не подкачает, ведь эта лошадка далеко не первой свежести, а дорога – далекий свет», – сказал он тихо, глядя на машину. Но тут же мысли его переключились на жену: «А ведь она права с одной стороны. Кому мы там, нищие, нужны будем? Зовут домой, ждут с нетерпением. А долго ли радость встречи продлится, когда узнают, что пустыми приехали? А жена последние деньги расходует на подарки родственникам, которых у нас, хвала Аллаху, немало. А ведь мы не с заработков едем. Нам же надо будет на что-то жить, пока не устроимся. Переезды всегда связаны с хлопотами, а такие тем более! Но язык не поворачивается сказать – не трать деньги! Не столько своим покупает, сколько моим родственникам, а им, после стольких лет разлуки хочется хоть что-нибудь привезти, обрадовать. Но угодишь ли футболками, да рубашками, да отрезами материй? Разборчивый нынче народ пошел. Не подумает, что дареному коню в зубы не заглядывают. Хотя чего бы, казалось, беспокоиться об этом? Не только ради родственников и не в гости к ним едем. А едем к себе домой. И все же, если сказать правду, беспокойство жены я тоже разделяю. И у меня глубоко в сердце холодной змейкой шевелится тревога, хотя я и гоню ее прочь. Ведь здесь мы жили сравнительно хорошо, безбедно. О завтрашнем дне не тревожились. Только вот радости нам это не приносило, потому что всегда мы жили ожиданием того дня, когда сможем вернуться домой. С чемоданным настроением жили. А теперь вот беспокоимся – как сложится жизнь там? Неуравновешенное существо человек. Чем больше думает, тем больше загоняет себя в тупик. Нет бы положиться на провидение и не терзать себя напрасно, если ни предвидеть, ни изменить ничего не можешь. Ведь едем мы ради того, чтобы плохо ли, хорошо ли дожить остаток жизни на родной земле. Даже мертвого наш народ не предаст земле, по возможности, на чужбине. Такую великую тягу к отчей земле вложил в нас Аллах, что мы, как тот старый конь, покружив по свету, рано или поздно возвращаемся к родному стойлу. Жаль только, что иные из нас покидают это «стойло» на долгие годы, а некоторые так и не находят обратной дороги. Забывают понемногу родную речь, обычаи, прерывают связь с родиной. Незавидная кончина ожидает таких: заруют их где-нибудь, как падаль, в землю, уронят, если будет, кому уронить скупую слезу и забудут. А потомство превратится в людей без роду без племени. Как счастлив тот, кто сумел воссоединиться со своим народом! Счастливее стократ тот, кто не был обречен на разлуку с родиной. Но мало кто об этом задумывается. Только переживши долгую разлуку, изведав всю горечь тоски, можно в полной мере осознать, какое огромное достояние отчизна, как она притягательна. Эх, если б можно было жизнь начать сначала, хотя бы с того дня, когда я повернулся спиной к своим горам! Кажется, я бы пустил корни, вгрызся бы в эту землю так, что никакими ветрами судьбы меня не унесло бы. Но в том-то и беда наша, что прозрение приходит, когда дело уже сделано».

Солнце давно скрылось за горизонтом, и заря уже угасла. Постепенно начали сгущаться сумерки. Еле оторвавшись от своих тяжелых мыслей, Хамзат, вспомнив про намаз, помянул нелестным словом нечистого и заспешил в комнату. Напомнив и семье о наступлении времени намаза, встал на молитвенный коврик. Но и за молитвой не отпускали его невеселые мысли.

Не так уж давно начал Хамзат молиться, но, раз принявши на себя, старался ревностно и в свой срок соблюдать каждый намаз. Совершив вечерний ритуал, Хамзат вышел во двор, перебирая в руках белые крупные горошины четок. Сумерки и прохлада после знойного дня немного освежали его тяжелую голову. Перетащив лежащий в середине двора камень поближе к стене, он сел на него и, прислонившись спиной к стене, перебирая четки, снова предался размышлениям. Былое-далекое начало мельтешить перед его взором. Долго сидел он, вспоминая разные курьезные случаи из своей нелегкой жизни. Вот взгляд его остановился на машине, и горькая усмешка тронула губы. В голову полезли новые мысли: «Вот эта машина – все, что осталось от былого моего достатка, от того, что добыл долгими годами упорного труда. Как вода в песок, все ушло. А сколько было всего! И денег, и скота, и птиц, и коз, и овец! Чужого – и крошки не брал. Но никогда не стремился накопить, не жадничал, всегда старался помочь просящему, да и непроящим немало помогал. Но вот закят¹ не давал со своего имущества. Не оттого, что жалко было, а потому, что не приходило это в голову. Да и не знал в те годы всего, что знаю теперь. Может, потому и лишил Аллах меня этого добра, а может, я сам такой безалаберный? Или, может, людская зависть сказала? Или может гордыня собственная? Нет же! Я никогда не соблазнялся своим достатком, не давал поселиться в сердце гордыне! Я как будто знал, что все это уплывет от меня. С достатком, нажитым на чужбине, рано или поздно приходится расставаться. Не всем, конечно, но многим. Многим, которые ради достатка пошли на разлуку с отчизной – уготовано разочарование и сожаление. Вот и я, оказалось, трудился для аферистов и судий, которые обобрали меня как липу. Ну, да бог с ним, с достатком этим! Лишь бы живым-здоровым домой вернуться».

Вот уже полгода, как Хамзат продал жалкие остатки своего хозяйства. Думал, что ничто уже не помешает ему уехать на родину. Переехал с семьей в город и застрял здесь: непредвиденные обстоятельства задержали, а непредвиденные расходы вконец истощили и без того худой бюджет. Но наконец-то ему выпала возможность уехать, а время так долго тянется. «Эх, жизнь! Думай, не думай – все едино: время уже не догонишь, не повернешь вспять! Придется на старости лет все начинать сначала. Дурная голова не дает покоя и ногам, и рукам, да и спине тоже, будь она не ладна!» Хамзат тяжело поднялся на затекшие ноги и побрел к семье. Эх, закурить бы сейчас, так гадко на душе! Может, от сигареты полегчало бы? Помогало же раньше. Да вот, не закуришь уже – сколько лет прошло, как бросил. Что-то невеселый праздник получается, подумал он, входя в комнату. В комнате все было уже упаковано, готово к погрузке. Уставшая Халимат сидела на скамье, положив свои натруженные руки на колени. Сколько перенесли эти бедные руки, сколько передоили коров, сколько дел переделали за свою жизнь! Если бы по заслугам давалось в этой жизни, им бы в кольцах да перстнях золотых красоваться! А у нее на пальце одно единственное колечко, да и то серебряное. Хамзат глянул на жену, на руки ее в набухших венах и виновато отвернулся. Глянул на сыновей. У старшего уже седина наметилась в волосах. Оба уже взрослые, давно женить пора, а они ходят неустроенные. Острая жалость к сыновьям и жене полоснула по сердцу Хамзата: «Всю жизнь работал я в поте лица, без выходных, без отпусков, старался ради семьи. А что им дал? Да и сам что имею, что видел, кроме овец да степи? И они. Что они видели, кроме работы? Жили бы дома, на своей земле – с голоду не пропали бы! Не хуже людей жили бы...

Перехватив взгляд Хамзата и поняв его по-своему, Халимат, виновато вздохнув, встала со скамьи, начала собирать на стол. За столом за поздним ужином потихоньку все расслабились, разговорились, повеселели. Поужинав и передохнув немного, совершили последний намаз перед дорогой. Было уже совсем позднее время, когда начали выносить вещи во двор и загружать машину, чтобы с рассветом по прохладе тронуться в дорогу. Закончив погрузку, легли отдохнуть – время было далеко за полночь. Дорога дальняя, тяжелая, ехать предстоит двое суток. Надо хоть пару часов поспать, взбодриться немного. Но Хамзат так и не смог заснуть. Предстоящий переезд, столько лет им желанный, выбил его из привычной многолетней колеи. И радость ожидания встречи, и щемящая жалость расставания с привычным, и тревога неизвестности – все чувства перемешались в нем. Так и пролежал, он ворочаясь в постели, пока не подошло время вставать. И когда рассвет забрезжил в окно, прогоняя из комнаты крошечную тьму, Хамзат, щелкнув выключателем, зажег свет и разбудил домочадцев. Все сразу пришли в движение. Быстро сделав омовение, совершили утренний намаз и, наспех перекусив, торопливо собравшись, вышли из комнаты. Последний раз окинули взглядом дом и двор, где невольно прожили полгода, прочитали на дорогу молитву и, выехав со двора, закрыли ворота. Тронулись. Начался новый отсчет времени. С каждым намазываемым на колеса километром настоящее, превращаясь в прошлое, все больше отдалялось от Хамзата. До восхода солнца успели выехать за город, взяв направление в сторону Уральска. За рулем машины ехал младший сын Хамзата – Салман. За окном мелькали знакомые, ставшие родными селения, речушки и поля. Вся степь раскинулась перед взором Хамзата выгоревшим от зноя ковром. Только сейчас освободился он от тревоги, расслабился, поверил наконец, что действительно едет домой. Стрелка спидометра ползет все выше, переваливает «зенит» и останавливается на ста тридцати километрах в час. В другое время Хамзат сделал бы сыну редкое замечание за превышение скорости. Но сегодня он безучастно молчит, словно не видит этого. Сегодня особенный день. Он сам сегодня весь в полете, всецело занят своими мыслями: то они в один миг улетают на Кавказ – в Чечню, то снова возвращаются к нему – в сегодняшний день.

Еще только к середине лето подошло, а листва на деревьях, трава в кюветах трассы поблекли, потеряли свою свежесть. В открытой степи, где влаги уже не хватает, зелени встретить почти невозможно. Сплошная желтизна, иногда теряющаяся в серебристом сиянии седого ковыля, да солончаковые латки, густо покрытые серой пылью. Вроде, и дожди в этом году не редкость, а все равно, зной и саранча делают свое черное дело.

Смотрит Хамзат в окно машины, как убегают назад знакомые места, и вспоминает: примерно в это время, двадцать четыре года назад, приехал к нему в гости армейский друг его, тоже Хамзат. Сколько воды утекло с тех пор? Какая радостная была эта встреча! Даже сейчас воспоминание о ней тепло разливается в груди. Через всю свою жизнь пронес он братскую привязанность к другу, хотя и не видел его больше после этой встречи. Вспомнил, как над ними подшучивали в армии ребята: «Два брата – два Гамзата – два мюрида Газавата». И действительно, как два брата они привязались друг к другу. Родство душ. Вспомнил вдруг, как, осматривая его хозяйство, друг сказал тогда: «Хорошо живешь, брат, достаток большой! Быстро ты на ноги поднялся, окреп, завидую тебе по-хорошему! Но и труд, конечно, адский. Одну жару да жажду терпеть целый день – чего стоит». Хамзат невесело улыбнулся тогда и ответил другу: «Не радуется, брат, меня этот достаток! Ярмом на шее висит! Да и не верится мне, что он на пользу пойдет моей семье, хотя все нажито своим потом. Вот если бы с этим достатком я жил бы дома, на своей земле – тогда бы я мог согласиться, что мне очень повезло в жизни, хотя он и не упал на меня с неба. А то, что здесь – сегодня он есть, а завтра – нет. Да и не быстро все нажито, как

тебе кажется. Быстро растет только трава, да и то не всегда. За восемь лет труда без отпуска, без праздников и выходных нажито. Как говорится, пахали все от темна до темна. За эти годы ни я, ни жена ни разу не были дома. Не имели возможности. Хотя бы на недельку съездить. А ты знаешь, как мы соскучились по своему селу, по горам нашим? Хорошо, хоть родичи приезжают каждый год, а то не жизнь, а мука была бы. Не веришь, поживи в моей шкуре, убедись. Я тебе помогу подняться, поделюсь с тобой. Посмотри, как приятна эта «зурна» вблизи».

Не захотел тогда друг разделить с ним его нелегкую, невеселую жизнь на отшибе. А Хамзат как в воду глядел тогда, отвечая другу. Что бы друг сказал сегодня, увидев Хамзата с нынешним остатком того добра? Жив ли он, после этих ужасных двух войн, что, словно смерч, огнем и мечом прошлись по многострадальной земле вайнахов? Эх, война, война! Сколько ты хороших, честных, мужественных людей сделала калеками, сколько детей сиротами! Сколько нанесла незаживающих душевных ран людям! Как рвался туда всем сердцем Хамзат, к своему народу – знает один Аллах. Не раздумывая, бросил бы он и жену, и детей малых со всем добром своим, если бы рисковал только своей жизнью! Если бы, рискуя ею, мог принести хоть какую-нибудь пользу своему народу! Но он такой, что и овцу режет невольно, с великой жалостью. А как лишать людей жизни, данной Аллахом? Как поднять руку на человека с намерением убить его? Он-то ни разу и детей своих не ударил! Строг, суров, где надо – но рукам воли не давал. А своей жизнью рисковать ему приходилось нередко. С чем только не сталкивала одинокая жизнь в степи! Сколько раз смотрел в глаза и людям, и волкам побеждая страх? Но что мог сделать против войны, не воюя сам? Один единственный раз смог он за все эти годы съездить на пару недель в Чечню. Было это четыре года назад. Какое страшное волнение он испытывал тогда! Почти трое суток ехал он на поезде, потеряв и сон и аппетит. Чем ближе подъезжал к дому, тем беспокойней становился. Не мог оторваться от окон вагона, высматривая далекие еще горы. А когда, въезжая в Грозный, он увидел стены двух-трех разрушенных войной высотных зданий, которые еще не успели восстановить, и рядом с ними вековые деревья со срезанными кронами и черными от копоти стволами, стоящими как памятник человеческой жестокости – ком встал в горле у Хамзата, из глаз, помимо воли, потекли слезы. Девять лет прошло после войны. Хамзат не видел ее ужасов. Но и того, что он сейчас увидел, хватило, чтобы застрять в горле комом и пролиться жгучими, запоздалыми слезами. Горькую радость встречи с родиной пережил Хамзат тогда. Война очень много горя принесла людям. Почти в каждый дом в его родном селе надо было зайти с соболезнованием. Сразу не выйдешь: расспросы, соболезнования. Быстро прошли две недели. В ту поездку он очень хотел увидеть друга, съездить к нему. Или узнать о нем что-нибудь, по крайней мере. Но дальше задерживаться не мог и уехал в полном неведении о его судьбе. Как он себя потом за это нещадно бичевал!

Едет машина, бегут мысли! Что они только не вытаскивают на божий свет из дальних закоулков памяти, как из потайных чуланчиков бабушки? Хамзат считал, что уже все перебрано, передумано за долгие годы одинокой жизни в степи. Устал перелистывать снова и снова страницы своей неудавшейся жизни. Но что поделаешь? Пока жизнь не закончилась – не заканчиваются и думы. И мечты, и желания, оказывается, тоже не умерли, как он считал. Их всех заслоняла одна – главная мечта – вернуться на родную землю во что бы то ни стало живым. Теперь, когда цель его жизни вот-вот исполнится, ожили и другие мечты. Не те розовые мечты молодости, которые владели им прежде, они уже перевоплотились, приняли другую окраску, другое направление. О себе теперь он мало думает: для него большое счастье уже то, что он будет жить теперь со своим народом, будет слышать родной, гортанный язык, будет видеть свои любимые, седые вершины и альпийские луга прекраснейших на планете гор. В

любое время. Для него это – верх блаженства! Лишь бы смерть дала насладиться ему всем этим вдоволь! Ведь он уже, увы, не молод! Скоро шестьдесят лет! И большую часть жизни прожил на чужбине. Все его сокровенные желания, все мысли теперь – о детях, которых надо как-то определить в жизни. Хамзат отвлекся от своих мыслей, обратил внимание на степь. Давно остались позади знакомые места, другой ландшафт предстал перед взором. Но это все еще казахская земля. Изредка попадаются на глаза группы верблюдов, табуны лошадей, крупный скот, большие отары овец. Глядя на них, особенно на овец, в груди Хамзата теплеет. Голова как бы проясняется. Какие только трудности он с ними не перетерпел: дожди, зной, стужу... Сколько раз в туманы и метели блуждал по степи с отарой? И все равно он не может равнодушно смотреть на овец, на степь! Чужбина... Нет, эта земля никогда не станет для него чужбиной. Как может быть чужбиной земля, на которой ты тридцать два года – большую часть жизни – прожил, на которой родились и выросли твои дети, на которой когда-то родился ты сам, на которой нашел приют в лихолетье твой народ? Нет, Хамзат не может, не умеет быть таким неблагодарным! Он и детям своим всегда внушал уважение к этой земле и народу, проживающему на ней. И уверен, что старшие поколения его соплеменников тоже не считают Казахстан чужбиной. У них тоже не короткая память. Чужбина – холодное слово, оно неприятно Хамзату. Но так говорят все, а Хамзат не лучше других. Но он хорошо осознает, что не будет в полной мере счастлив на отцовской земле, что ему будет всегда не хватать этих людей, этой степи, с которой он сроднился накрепко. Он уже переживает расставание, разлуку с нею. Грусть уже входит, вошла уже в его сердце, рождая противоречивое двойство чувств! Но, конечно, радость ожидания встречи с отчизной перешивает все. Смотрит Хамзат на степь и думает: «Эх, сколько простора, сколько бесхозной, безлюдной земли! Хоть небольшую часть бы ее моей отчизне, моему народу. Хотя бы тот кусок ее, что исходил я своими ногами за эти долгие годы!»

Уже вторые сутки, можно сказать, без сна, без отдыха едет Хамзат с семьей. Трудно, тесно в перегруженной машине. Нездоровая Халимат тяжело переносит дальнюю дорогу. Хорошо хоть погода установилась как на заказ: несколько раз дождь освежил знойный воздух. Словно природа Казахстана решила с плачем устроить проводы семье Хамзата, чтобы она не забыла эту землю никогда. Так же и российская природа ласково встретила их, словно желанных, дорогих гостей, тоже побаловала пару раз хорошим дождем в дороге. Пока все идет очень неплохо, и машина не подкачала. Только все разбитые, ужасно уставшие – и часу не поспали толком за все время. Да и сон не идет. И еда не лезет в горло. Но ничего, скоро они увидят родную землю, и это придаст им силы. Уже Калмыкия, с похожими на казахстанские степи, осталась позади. Астраханские земли проехали еще ночью. Теперь вот по кизлярской степи мчится машина, торопится довезти Хамзата до родных гор. И мысли его роятся в голове, как пчелы, просятся наружу, и Хамзат произносит, как молитву слова рождающегося стихотворения:

Как ветром сорванный листок,
Немало на своем веку
Отмерил я чужих дорог,
Отмерил за верстой версту...

Как же чувствовали себя мухаджиры на чужбине и как вели себя вернувшись на родину через много лет из Турции, Иордани и других стран?

А Хамзат – мухаджир? Он-то уезжал не за «бугор». В то время была одна Великая страна, в которой везде люди чувствовали себя дома. Это после распада страны он оказался вне дома, за границей.

Я подсознанием слышал зов
Настойчивый, далекий, неумолчный.
В объятиях даже крепких снов
В час поздний, тихий, неурочный

Звала, звала земля отцов –
Взывала к памяти моей.
Стучалась в сердце вновь и вновь
Так много лет, там много дней!

Будь же прокляты те, кто развалил такую огромную страну, кто разрушил многие судьбы! Чтоб им в могиле тесно было! Хамзат не любит проклятий, но тут не может удержаться, чтоб не проклясть хотя бы мысленно. Уж очень зол он на этих, что сотворили огромное зло, лишив так много людей опоры жизни – Отчизны. Посеяли раздоры среди народов. Сорвали людей с насиженных мест. До сих пор не улеглось эхо прошлых событий. Он слышал рассказы, что до сих пор уезжает много людей. И не куда-нибудь, а за границу. Сами добровольно покидают родину – святая святых! Ладно бы – другие, но и чеченцы тоже! Уму непостижимо! Куда, зачем? Ведь это не свойственно чеченцам! Может, у них какое-то помутнение рассудка? Иначе как можно повернуться спиной к земле предков? Хамзату очень досадно это, и жаль все равно их, тех, кто в наше время сам себя лишает добровольно родины. Ну молодые, ладно, куда ни шло. Они, может быть, на что-то надеются. А пожилые, старые – куда? За каким благом? Вспомнил своего свояка, который уехал в прошлом году во Францию! Ну ради чего он-то уехал? Помирать на чужбине? Он же на несколько лет старше Хамзата! Пенсионер. Каких благ он ищет под конец жизни? Нет, не понимает и не поймет никогда Хамзат тех людей, которым все равно, где принять смерть, тех, кто считает, что земля везде одинакова. Деревце и то не везде может прижиться.

На собственном примере убедился он, как глубоко ошибаются те, кто считает землю одинаковой. Зачем же тогда Аллах разделил человечество на народы, дал каждому народу свой язык, свой уклад жизни, наделил каждый народ своим местом под солнцем, соотнося ментальность и обличье каждого народа с данной территорией? Даже птицы возвращаются к родному гнездовью. И зверь, где бы ни кружил, находит свое логово. Хамзат уверен, что не один он так считает. Таких большинство. А хотелось бы, чтобы все так считали. Слова Родина, Отчизна... Что человек чувствует, когда произносит эти слова?.. Какие ассоциации возникают?.. Те, кто покидают родную землю, не знают еще горечи разлуки, не знают, что тоска съедает сердце как ржа железо, не знают, как одиноко чувствуешь себя среди моря людей, когда нет рядом соплеменников. Жаль, что чужой пример мало кому уроком служит! Сколь людей убереглось бы от необдуманного шага! В стихах и песнях собственного сочинения, изливая свое горе, искал Хамзат спасенья от тоски по земле отцов:

Мне бы горных родников журчанье,
Вновь услышать музыки звучанье:
Сунжи плеск и Терека ворчанье,
Пульс Отчизны и ее дыханье.

И вот дал наконец Аллах ему эту возможность. Тысячу раз благодарен Ему Хамзат за это возвращение. Тяжесть, давившая камнем сердце все эти десятилетия, тает словно лед, отпускает из холодных объятий сердце. Какими бы высокопарными ни казались слова, но они не в состоянии передать все, что пережил и переживает сейчас Хамзат. Чувства трудно отразить словами так, как хотелось бы...

Так, за своими мыслями, Хамзат и не заметил, что въехали на территорию Чечни. Очнулся, когда Салман сказал: «Вот мы, считай, и дома! Это наша земля, которой часто упрекали нас нехорошие люди. Теперь не упрекнут!» Халимат с приглушенным всхлипом глубоко вздохнула, посмотрела незаметно на Хамзата – как он воспринял эти слова? Она знала, с какой душевной мукой он жил все эти долгие годы в разлуке, хотела, чтобы радость возвращения отразилась на его лице. Конечно, все они тосковали по дому, но Хамзат – глава семьи... Его чувства... Его переживание шире, глубже, и Халимат это понимала и радовалась больше за Хамзата, чем за себя и сыновей.

Хамзат сказал сыну, чтоб остановил на обочине, и вышел из машины. Стесняясь перед семьей открытого проявления чувств, он прошел немного вперед и с бьющимся, как пойманная птица, сердцем, в глубоком волнении срывающимся голосом поздоровался с Отчизной: «Асалам 1алайкум, сан хьоме Даймохк! Здравствуй, здравствуй, во веки дорогая, милая моя Отчизна! Хвала Тебе, Аллах, что дозволил увидеть, ступить на родную землю! О, как я соскучился по ней...» Наклонившись, Хамзат дотронулся трясущимися руками до теплой сухой земли, шепча молитву. Выпрямился, взяв в руки пыльную землю, и тут на него накатила слабость: задрожали колени, руки, губы. Голова пошла кругом, но он устоял, справился с собой. Сыновья, стоявшие в сторонке, не упустили его из поля зрения. Они быстро подошли к нему, взяли мягко под руки и отвели к машине. Прислонившись к машине, сидела и Халимат, не в лучшем состоянии. «Ничего, ничего, все будет хорошо! Не расслабляйся, потерпи, скоро будем дома!» – говорила она, видя бескровное лицо мужа, стремясь подбодрить его. Впервые за много дней на лице Хамзата появилась улыбка: «Меня стараешься поддержать, а сама как мокрая курица! Давай, старая, лезь в машину! Доведем до дому – высушим! Не торопись, расселись и поехали дальше в направлении Грозного. Грозный, ты большое сердце Чечни, а сердце Хамзата – твой маленький осколок!»

Я, распахнув души просторы,
Весь жар накопленной любви
Тебе отдам, любимый город,
И сам избавлюсь от тоски!

Проезжая через попутные села, видя своих соплеменников, слыша родную речь, Хамзат едва верил своим глазам и ушам. Все в нем ликовало, пело! Какая-то необъяснимо теплая волна накрыла его, вошла в сердце, когда он увидел на арке портреты Ахмат-хаджи и Рамзана Кадыровых с доброжелательными улыбками на лицах. Что-то в его сердце дрогнуло, сжало и отпустило, словно лопнул долго зревший нарыв. Все сомнения, все опасения полностью развеялись, как прогоняемый ветром туман:

Я сквозь разлуки долгой призму
Любить родное все привык.
Теперь я вновь обрел Отчизну,
Услышал свой родной язык.

Теперь он окончательно поверил, что он находится на родной земле, что скоро будет в своем селе, увидит близко дорогие горы, родных, которым он до поры не дал знать о том, что едет. Ведь в дороге все может случиться, зачем заставлять, переживать, волноваться родных. Пусть уж лучше для них это будет сюрпризом.

Когда проехали Грозный, Аргун и Шали, дорога повернула в горы. Хамзат попросил сына ехать не торопясь. Откинувшись на спинку заднего сиденья и открыв окно, Хамзат расслабленно созерцал горные вершины. Прохладный

горный ветер врывается в салон, и Хамзат с упоением дышал целебным воздухом родины. Взгляд его потеплел, посветлел. Морщины словно разгладились. Дорога узкой, ровной лентой, петляя уходила все дальше в горы. С одной стороны дороги высились склоны гор, одетые в густые темно-зеленые леса, с другой стороны – широкое и глубокое обрывистое ущелье, по дну которого, прыгая по камням, разбрасывая брызги, бежала студеной горная речка. Красота неопишная! Как же Хамзат мог столько лет жить оторванным от всего этого! Да это же Рай на земле! Где еще можно найти такое место под солнцем? С каждой минутой все ближе к родному селу. До самого села проложена новая шоссейная дорога, ровная как стекло. В прошлый его приезд этой дороги не было. Была гравийная дорога, вся в колдобинах. Чуть в стороне параллельно дороге тянется в село уже давно работающий газопровод. Вырубавшиеся годами прежде на топливо леса снова подошли молодой порослью близко к селу. Очень изменился в лучшую сторону за эти годы облик всей республики. Трудно поверить, что здесь прошли две жесточайшие войны. Только возвращающемуся домой после долгой разлуки настолько очевидны все происшедшие здесь перемены, что приходится волей-неволей удивляться этому.

Наконец дорога, вырвавшись из теснины на широкое плато, повернула к родным местам. Далеко впереди показались крайние дома большого, разросшегося за годы отсутствия Хамзата села. Возле арки с названием населенного пункта, увенчанной портретами Ахмат-хаджи и Рамзана, он попросил сына остановиться. Выйдя из машины, он два-три раза прошелся взад-вперед, разминая затекшие ноги и остановился перед портретом Ахмат-хаджи. Задумчиво посмотрев на портрет, он глубоко вздохнул и хотел уже сесть в машину, но, остановившись, вдруг начал что-то шептать, словно молитву. Слова сами просились на язык:

Ты волей Аллаха воздвиг пьедестал
Делами своими себе.
Великим чеченцем в народе ты стал,
Мир возвратившим Чечне
В село я въезжаю в плену своих грез,
Познавши тоску и разлуку...
Мне мнится вот-вот ты с портрета сойдешь,
С улыбкой пожмешь мою руку.

Тебе посвящаю я строки свои
Сегодня по сердца веленью,
Пусть светлое имя Ахмата-хаджи
Память не предаст забвенью!

Да будет так во веки веков! – сказал Хамзат, поворачиваясь к машине. Он словно помолодел, стал стройнее, выше ростом. Распрямылась согнутая спина, плечи, опущенные, как подбитые крылья, снова развернулись. Так изменила его встреча с желанной родиной!

Можно Родину любить и дома,
Не трубя об этом на весь мир.
И служить ей преданно и скромно,
Зная, что без Родины ты – сир!

¹ Закят (араб.) – обязательный годовой налог в пользу бедных в исламе.

Адиз Кусаев**Творческие портреты...****Композитор***А. Шахбулатову*

В тридцатые жестокие рожден,
Хоть был для обвинений
слишком молод,
Его сослали в Казахстан, где он
Юнцом познал бесправье,
голод, холод.

Был раз и навсегда пленен Аднан
Там музыкой, услышанной случайно:
Ему творенья дар был свыше дан,
Всевышним все открыты
звуков тайны.

Была всегда мелодия его
Воздушной, светлой,
искренней и долго
Звучала, превращаясь в хит легко,
На Родине любимой и не только...

Неповторимым было мастерство
Аднана – композитора от Бога:
Звучало в песнях жизни торжество,
Романтикой светились звуки, строки.

За силу воли и талант Аднан
Кумиром молодежи стал при жизни,
Которому был дар счастливый дан –
Достойным сыном быть
своей Отчизне!

Бэла на эстраде*М. Айдамировой*

Была, как подросток, легка и стройна
Певунья с блистательным
аккордеоном.
Казалось, что бросила вызов она
Бегущим годам и природы законам.

Растянет, как раду, аккордеон,
Людей одарит своим
солнечным взором, –
И песня польется, и будет пленен,
Зал голосом звонким ее и задором.

То, в габали¹ ярком задором светясь,
Мелодию танца Марьям выводила,
Мужчина пускался
в стремительный пляс,
Летящей походкой она выходила.

Искусства тернистым путем проходя,
Росла – и в тюрьму ее власть упекала
За песню, в которой
как будто б вождя
В жестокости ссылки она упрекала.

Но люди – письмо, что вины ее нет,
Что так героиня спектакля, мол, пела.
И в Грозный запрос,
и спасенье – ответ,
Что так упрекала Печорина Бэла.

Певуньей, что признана всеми была
Народной, по праву
гордились всегда мы.
Казалось – она не старела – цвела
И голос звенел ее звонче с годами.

Полмира изъездила с песней Марьям,
Но сердцем к Отчизне
родной прикипела –
Всегда возвращалась
к любимым горам,
Которым с особой
душевностью пела!

Валид поет...*Внуку Адаму*

Когда возьмет он
дечик-пандур в руки,
Как нити света, струны заблестят.
Певец их тронет, пробуя, – и звуки,
Сердца пленяя, в дали полетят.

Со струнами советуется, будто
С друзьями он, настроит их – и в миг
Польется голос чистый, словно утро,
И звонкий, как пробившийся родник.

Звенит, людские души окрыляя,
Дарит им радость, мужество дарит,
И, никаких границ не признавая,
Влюбленный голос Валида летит.

И тех, кто мир искусства понимает,
Восторженные отклики лова,
Валида песни всем напоминают
Чарующие трели соловья.

Рассказ ведет он о горах, нам давших
И стать, и гордость,
честь и счастье жить,
И нас зовет от имени всех павших
Готовым быть Отчизну защитить.

Валида песни, словно искры жизни.
Ведь голос льется солнечный его,
Словно родник,
из недр родной Отчизны,
Из сердца щедрого народа моего.

Жансари

Внучке Диане

Весенний вечер так красив,
Как девочка в платочке синем,
Играет ветер в косах ив,
На небосклоне – звездный иней.

Жансари голосом своим
Картины рисовала эти
Родного края, что святым
И лучшим стал для нас на свете.

С народом поровну она
Делила все, когда жестоко
Была на смерть осуждена
И в ссылку сослана без срока.

Но даже там она пошла
Наперекор судьбе тернистой:
Отважно группу собрала
Певцов, танцоров, гармонистов.

Они, преодолев свой страх
Перед судом, арестом, смертью,
В казахских селах, городах
Давали землякам концерты.

Чеченцам в самый трудный час
Дарили веру и надежду,
Что будет им родной Кавказ,
Что будут жить в Чечне, как прежде.

Всегда вперед устремлена
Была Жансари – дочь народа –
В весенний вечер влюблена,
Что в мир в платочке синем сходит.

Мовлад

Мовлада голос только зазвенит,
И стар и млад, бывало,
Как к фонарю рой мотыльков летит,
На свет спешили зала.
Все потому-то, потому
Тянулись зрители к нему,
Что чудной песнею своей
Умел он радовать людей.

Его красивым звонким
тенором сам Бог
Отметил в день рожденья,
Чтобы сердца людей возвысить мог
Великолепным пеньем.
Вот потому-то, потому
Рукоплескали все ему,
Что песней мог сердца зажечь,
Их к солнечной мечте увлечь.

Он прославлял любовь и красоту
Своей лиричной песней
И Родину единственную ту,
Которой нет прелестней.
И потому-то, потому,
Что был кумиром, и к нему,
К нему тянулись стар и мал,
Кто толк в эстрадной песне знал.

Был с молодыми у певца свой лад –
Он жил в шумном стане,
И песня, что сегодня спел Мовлад,
Хитом на завтра станет.

Художница

Замире

Лист. Акварель. Полет штриха...
Художница рисует ярко:
Вот в легкой дымке угол парка
И в блестках солнечных – река;

Аллеи стриженной изгиб,
Луч пробивает кроны ели,
Вот шумной пестрой карусели
Огромный голосистый гриб;

Вот ива, что, взметнувшись вверх,
Застыла, как фонтан зеленый,
Вот сединою убеленный
Идуший с внуком человек...

Круг солнца, будто для нее –
Палитра, краски – радуг гаммы,

Чарует чудными цветами
Картины светлые ее.

Художница рисует. Лад
С мечтой у юной фантазерки:
Весь мир красивым видит зоркий,
Влюбленный в жизнь
по-детски взгляд.

Песня мужества

А. Хаджимурадову

В бою с врагом на поле брани
С отвагой гибнувший герой
Нам оставляет в назиданье
Завет, испытанный судьбой:
Коль жить, то – человеком,
Коль гибнуть, то – героем,
Чтоб люди век за веком
Гордились все тобою.

Горит земля – пожар пылает
И, кажется, спасенья нет.
Других спасая погибает
Герой, оставив нам завет:
Коль жить, то – словно пламя,
Коль умирать, то – смело,
Чтоб имя, словно знамя,
Величие имело.

За правду с ложью в бой вступая,
Светя другим, сгорая сам,
В стихах ли, в песнях оставляет
Герой завет потомкам – нам:
Коль жить, то – жизнью правой,
Коль гибнуть, то – за дело,
Чтобы имя, словно слава,
Твое в веках гремело.

Голос певца

Чарующий голос певца
Звенит, окрыляя сердца,
И в дальние дали зовет, –
Султан Магомедов поет.

Пленяющий голос его
Парит, как орел, высоко,
К мечте направляя полет, –
Султан Магомедов поет.

Раскованный голос его
Разносится так далеко,

Что всех достигает широт, –
Султан Магомедов поет.

И в дальнем, и в ближнем краю
Он славит Отчизну свою,
Что людям на счастье цветет, –
Султан Магомедов поет.

Блистательный голос певца
Всегда очищает сердца
От болей, печалей, забот –
Султан Магомедов поет.

Летя через годы, века
Певец будет славен, пока
Жить будет чеченский народ –
Султан Магомедов поет.

Стихов творенье

Х. Аболханову

Тем, кто к музе знает рвенье,
Удила Пегаса рвут,
Я скажу: стихов творенье
Не полет, а адский труд.

Слово ищешь, как проклятый,
Чтобы смысла был гарант
И четвертый, и десятый
Отвергаешь вариант.

Доказать решило словно,
Кто главнее в той борьбе,
Не ложится в строчку слово,
Как хотелось бы тебе.

Перепахиваешь ниву –
Стих, с отчаяньем борясь,
Свой ругая ум ленивый,
Отшвырнешь перо не раз.

Ведь выходит, как ни бейся,
Все не то и все не так:
И не льется плавно песня,
Стих не сложится никак.

Если строен ритм, как рельса,
То корявы образа,
Если фразою согрелся,
Слог не радует глаза...

Словом, труд – стихов творенье,
Мненьям многим вопреки,
А совсем не озаренье
Мыслью движимой руки.

¹ Габали (чеч.) – женское национальное одеяние.

Гочдар

Важа Пшавела

Лун к1орнин дийцар

1

Буо ду со, цу т1е жима буо. Кхолламо халахетар дина суна: ма уггар цаторучу хенахь байлахь йиси со. К1айн т1едарчий а долуш чо болу сан ц1ока ютк1а ю, цергаш евлла а яц х1инца а, ма1аш а ца евлла, бергаша а г1ийла ю.

Тилаелла х1ума санна лелаш ю со кху дуйнен т1ехь. Хьовсал шу – ност шаерриг ц1ийлахь ю, – со лазийна, хи мала 1ин чу юссуш. Ма бала бу, боккха бала бу сан даг т1ехь! Маржа, миска сан нана! Иза дийна йолуш суна хиьнарг: декк1а ц1х1а цуьнан со хьестар ду. Цо шен шура лора суна, ловзайора, 1амайора, ларйора... Тк1а х1инца, иза йоцуш, х1ун хир ду со пк1арх?

Со х1инца ца екха сайн ненах: 1уй1ранна а, суь1ранна а бацалара тхи молу, буч т1уьна йолчуйра, – юза а юзу, хьогалла а д1айолу. Г1одакк1а ц1х1а а вац соьгах1а, массо хенахь ц1х1ана х1умнах кхоьруш егайо, де-дийне сайн 1ожалле ладоьг1уш 1а, дагахь ц1х1а а х1ума доцуш йолалой лела, нек1 а ца хоьржуш. Везан Дела, ма дукха бу-кх сан мостаг1ий!

Дукха хан йоцуш, са а гатделла, хуьнан йисте яьллера со... д1асах1аьжира. Ц1ех1ана, коьрта т1е тк1ес тоьхча санна, ц1х1а тата делира. Д1ах1ожу – нийсса суна чух1аьдда дог1уш ду, т1емаш дег1а т1е а талийна, г1аттийна з1ок а йолуш ц1х1а докк1а сира олхазар. Кхераелира со, цк1а д1акхоссаелла хуьн чу иккхира. Тк1а, не1алт хуьлда цунна, олхазаро нийса хьесап дина ца хиллера: ша ма-дог1у со лаьтгинчу метта ох1акхийтира. Х1инца а дег1ера зуз д1адаьлла дац сан, цуьнан хуьвзина з1ок а, ира, сов ира м1араш а дагаеача-м муххале. Суна т1е дог1аделлера, амма галдаьллера, комарийн таьблингашна юкк1ехула бацала т1емаш т1е ох1адуьйжира. Д1асах1аьжира, ц1х1а боьх1а можа б1аьргаш а керчош, оьг1аздаханчух тера дара, гарехь, со д1аедча. Комарийн таьблингех тасадалаза а дисира, амма, мухха делахь а, д1адахара. К1айллах цунна т1аьх1а хуььжура со, дитташна т1ех1а д1а а лечк1ина, тк1а сан дог ч1ог1а детталора. Суна дукхаеза хуьн, баркалла хуьна! Дукха к1елх1арабоху ах1а лечух. Хьо ца хиллех1ара, дукха хан хир яра сан ц1оканна т1ехь ц1х1а чо а бисаза. Даго хуььху: мац1а а цк1а сан ког тасалур бу. Суна х1инца а х1умма ма ца х1аь, ц1х1а к1ира бен ма ца даькк1ина аса сайн ненаца. Цо массо а х1ума хуььхура суна: х1ара вайн доттаг1а ву, важа – вайн мостаг1а. Х1инца х1ан 1амор ю со?

Дийно сарралц юкк1ачу кондо, аршлахь д1алечк1ий 1уьллу со, чуьркаша а, мозаша а ца юьтуш. Ма дика дара суна ненаца, ма атта а, парг1ат а доь1ура са!

Тхо дехара луьстта-юкк1ачу 1индаг1ечу хуььнх1аь, д1о гуш йолчу басахь. Тхан 1ойлийла т1е ц1х1а а кхочалур вацара Нана, нислора, баса ох1аюьжура, со цунна юххе юьжура, кхаа аг1ор тхо лардеш д1ах1иттина дитташ дара, хуььнан ц1х1а аг1о яра сх1айиллина, – оцу аг1ора к1аьсттина лерина б1аьрг беттара нанас. Иза ц1х1ажимма шек1яла йолаелча, аса а дулура сайн лергаш.

Оцу к1иранах кхузза хезна хир дара тхойшинна тамашийна татанаш. Уьш дацара шовданан г1овг1анех тера – суна иза хеза, я т1ома йог1учу

шоршалан татанех тера, хенак'уро етгачу з'акарх, я дакъаделлачу дитта т'ера ох'ядоб'жначу г'анан татанех тера, мохо лесточу генаша дечу шур-шурх тера. Ц'хьаннан тидам бина аса: нанна и тамашийна г'ара ма-хеззинехъ, иза, парт'юлий, х'ялаоьккхура. Соьга: «Же, же, к'ант, суна т'аьх'я сх'вадалахъ!» – олуш. Со а, ницк' ма-ббу кхиссалуш, цунна т'аьх'х'е д'лах'юдур. Иза сел шех кхоьруш ерг х'летгахъ х'лун ю суна ца хаьара. Х'инца-м хаьа! Мел бу тхан мостаг'ий! Маржа, адам, я'л-кх! Т'хox к'а х'лунда ца хетта х'уна? Сох вуно жима ю! Парг'лат яха йитах'яра ах'я сайн х'уьнах парг'лат д'аса а лелаш, х'ара исбаьх'я сийна буц х'еша, я д'ло гу т'ера к'ордадаллалц суьйренан мохах лаба!

Х'уьн чуьра араяла кхоьру со. Нагахъ санна араялахъ а – йисте бен ца йолу, иза а кхоьруш, ега а еш. Сакх-сема гонах х'ежа деза, дитташна, чхернашна т'ех'я, баца юк'я лечк'я деза, атталла яха а йиш ца хуьлу парг'лат. Кхерамо хуьйдина, кхачош йоллу со.

Х'уна х'ялха х'лун бехк баьлла соьгара, стаг? Алах'я соьга? Х'лун бехк? Я сан мискачу нанас вониг динера х'уна? Х'ьоьгара х'лун яккхкхинера цо? Ах'я х'лунда йийра иза? Вала да а воцуш йолу со, пек'бар, байлахъ х'лунда йити ах'я? Эх'л. Маржа адамаш! Шу ч'лог'ла т'ах'баьлла ду, шайгахъ ницк' болу дела до аша иза, – т'хoьца х'лун бала бу шун? Шу ца кхета тхуна а маршо езарх, шайн чохъ к'ынхетам боцчу дегнашца шуна хаац тхуна а дахар, л'алам дезий: г'лаш дегош, шовда самук'яне декаш, доьлу са а малдой, хийлазза ладоьг'лу аса, тхуна а деза г'лаш лестар, бецийн тулг'енах техкар, х'уьнан кхечу бахархошца ловза а лаьа... Тк'я ах'я, стаг, чу ц'ий х'литтинчу б'аьргашца сан лар толлу, иштта со санна г'ийла-мискачу, г'лодаккха да воцчу эзар дийнатийн лар... герз а карахъ тхуна теба х'о, ямартлонца тоьпан х'лоаца л'овжадо дег'л, т'хо дахарх хададо...

2

Со муха кхоьрур яц? Ц'х'я к'лира бен ма дац со дуьнен т'ех'ь еха, тк'я мел кхерамаш, г'лайг'ланаш, сингаттамаш лан дезна сан!

Стомарлера де дог'ане дара. Сан нана, ц'х'я хаза, дахарх х'аьгна, попан к'ел ежаш лаьтгара. Со цунна т'аьт'алира, суна хаза дара цуьнца, цуьнан луналлин к'ел латта, мостаг'ий а, л'ожалла а даг чуьра яьллера сан. Дук'бачу г'лаш т'ера зевнаца лаьтга оьгура дог'анан т'адамаш. Царна к'ел корта х'лотт'абора аса, ц'х'я жимма керла т'луналла дег'лах кхетийта.

– Х'уна дика дуй, сан к'ант? – хoьттура нанас. Цунна жоп луш, аса корта т'алабора, ирх кхиссалора, цуьнан шим т'ле муц'лар л'уьттура.

Тхуна т'еххула, диттан дек'бачу г'лода т'ехула х'ялатекхаш хенак'ур яра, диттах ч'лог'ла з'лок а етгаш. Ур-атталла со а цец'елира цунах. «Х'ьяжахъ цк'я, – ойланаш коьрте лестара, – сан нана цул дуккха йоккха ю, амма оцо санна кху х'уьнах г'ловг'ла ца йоккху цо». Хенак'ур, м'лараш а туьйсущ, диттан г'лодана гуонаш дохуш, лаккха х'ялаг'ертара, кхузахъ а, д'логахъ а, кхузахъ диттан чк'ьор а эт'лош... Самук'ядаьлла, цуьнга х'оьбжуш лаьтгара со, т'лаккха ц'лех'х'яна суна хезира: «Чхи! Чхи!» Д'ласах'ьожу со – тхуна т'еххула т'лома х'ийзаш ц'х'я к'ьиг ю.

– Сх'айола суна юххе, д'лах'улбе х'яйн корта, к'ьийго з'лок йиттина б'аьргаш дохур ду х'ан, – элира нанас.

Со цунна т'ех'я д'алечк'ьира. Цо корта а лестош, д'лак'ехкадора и безаме доцу олхазар. Тк'я к'ьиг суна т'лекхийсалора. Иштта а, вуьшта а т'лекхета г'ертара, эххар а т'хо парг'лат дитина, х'лумма ца хилча санна, попан гаьн т'ле а хиьна, ека йолаелира. Тк'я цуьнан аз, даккха х'лума доцуш, сайчух тера дара.

Нанас ела а елла, соьга элира:

– Эх'ле, мел х'илла долуш ю хаах'яра х'уна и к'ьиг: Цунах ларлуш хилалахъ, к'ант. Цара яла а, йовла а ца юьту х'уна х'о санна жима к'орнеш. Ека йолалур ю х'уна иза, тк'я х'о санна х'лумма а дагахъ доцуруш цунна жоп дала г'ертара. Цунна оьшург иза ма-ду – оцу сох'ьтехъ т'лекхетий б'аьрг боккху цо.

Сан дегле зуз хьадыра.

Ас-м жоп лур дац, кхин а дика дӀалечкӀар ю.

– ХӀа-аний, кӀант! Нана дийна мел ю, хьан кхера меттиг бац, ткӀа со юххехь йоцуш, ларлуш хилалахь.

ЭхӀе, ма хӀумма а ца хаӀа-кх суна хӀинца а, хӀуманнах а ца кхета декъазниг.

3

Оцу дийнахь дукха йовха яра. Ша йижинчуьра хьала а гӀаьттина, нанас элира:

– Яло, хи тӀе гӀо вай!

Тхо дӀадуьйладелира наг-наггахь варш йолчу басахула. Цхьа хан яьлча юькӀа коьллаш тӀехьа йисира, тӀаккха лин чу диссира тхо. Лин кӀорга дара. Маьлхан зӀаьнарш ца кхочура цу чу, ткӀа шинна а агӀор баххьаш вовшийн чучча а дахана охьакхозуш дитташ дара. Линна йисттехула, дитташ кӀел, цӀазамийн хуталш яра. ЦӀечу цӀазамех юьзна уьш, бердах чу а кхозаелла, хина тӀехула лара. Шийла – сирла татол шерачу тӀулгаш тӀехула. Чопа а туьйсуш, охьашершара. Хи даккхийчу тӀулгаш тӀехула кхийссалора, цхьацанхьа оцу тӀулгаша некъ боькхура цунна. Нана хи чу елира, дехьуо яьлла, сацаелира. Со тӀулгаш тӀехула хала хи тӀе кхечира – сан бергаш лазайора тӀулгаша.

– Схьавола, сан кӀант схьавола суна юххе, довхачу кху дийнахь шийлачу хе там бо.

Аса кхоьруш, цкӀа хьалха цхьа ког биллира хи чу, амма хи чӀогӀа шийла хийтира суна. Со сихха берда йисте иккхира.

Цхьа жимма хи чохь а лаьттина, тхо юханехьа дуьйладелира.

Тхуна тӀехула, хьун йолчу агӀорхьара, цхьа тата делира.

– И нах вайшинна кхераме бац – элира нанас. – Цаьрца бер а карахь зуда ю. Вайн мостагӀаша иштта маьхьарий цкӀа а ца хьобкху... вуьшта, ларделча бакъахьа хир ду. Царна ма тосалахьара вайшиь. Варшахула чекхьер ю вайша, хьуьн чу а ца юлуш.

Нана, хьалха а яьлла, дӀайолаелира. Аса лӀе а ца елла, кулла тӀехьа а лечкӀина, корта аракьадира. Оцу хенахь цхьа цӀогӀа делира. ХӀинца иза лахара хьала дара. И дара адмийн къамел – жимачу кӀанта шен нене деш долу:

– Вай, нана, нана, борз ю!

– Ма кхера, сан хьомениг! Мичахь ю иза? Схьагайтал?

– Хьуна гуш яц ткӀа иза? Хьуьн чуьра схьахьобьжуш ю-кх, лергаш ира а хӀиттийна, – хих дуьзначу бӀаьргашца элира кӀанта, суна тӀе пӀелг а хьажош.

– Сан хьомениг, борз ю ткӀа иза? Иза-х жима лун кӀорни ю. Ма хаза а ю!

– Нана, диканиг, схьалаций вай иза? – кӀант сихвелла суна тӀехьадыра.

– ХӀан-хӀа, кӀант, къа ду цуьнан, ца оьшу. Цуьнан а ма ю нана. Иза йоблхур ма ю, шен кӀорнина цхьа хӀума хилча.

Чу са а оьзна, цаьрга ладоьгӀуш лара со. Суна казахийтира зудчунна тхайх кьахетча. Суна дуьххьара хезаш дара и тайпа дешнаш. ДӀаяха ца лаьара. Кхин а цхьаь алийта лаьара... амма оцу хенахь суна тӀаьхьаедда сан нана еара.

– Товдал, теша мегар ду ткӀа наха дуьйцучух?! Хьо хӀунда сецнера? Яло, яло сиха! Цара таллархочуьнга дӀаюьйцуьр ю, тӀаккха лодика е дахарца.

Миска, сан нана! Цунна, гарехь, даго хьобхуш хиллера тӀаьхьа хиндерг.

4

Басах ирх хьала кхиссалуш дӀаиккхира нана, цунна тӀаьххье – со а. ДӀайоьдуш суна кхин а хезира:

– Кхузахь-м нана-лу а хилла!

Тхо девда доьлхура басахула луьста евллачу гӀундалгӀешна юккьехула. Орамашкахь уьш тӀуьна яра, массанхьа а духдуьйлуш хьостанаш хиларна. Кхузахь а, дӀогахь а, когех летачу хотталахь гуш яра, со санна кегийчу

лун клорнин лараш. Дукха йовха яра. Бурконна тоха кхин са а ца хилла, глундалгешна юккъе дладийшира тхо. Церан даккхийчу глаша лардора тхо, дегл хорзуш тлехъобжучу маълхан злаьнарех.

Тлаккха цлехъана тхуна гобаккхина долчу лаьмнашна тлера охъахецаелира мархаш, къевкъира стигал, сетта а сетташ, къегира ткъес. Догланан сераша юьйцира лнан дехъе, цул глаьхъа тхо долчу а туьйхира догла, гловглане детталора глундалгийн а, дитгийн а глашна тле. Лаьмнашца, хьаннашца, аренашца цхъаьна латта хахкаделла цхъанхъа дладодуш санна гловгла елира. Чохъ са мел долу хлума длатийра.

Сан безам боцу къиг, хьалха шех со члогла кхийрина, хлинца кхераме ца хетара суна: попан гаьн тлехъ цхъа пекъар хилла, тлемаш охъа а дахийтина, бляьргаш а хъабийна лара иза...

Къекъа стигла длатийра. Бертахъ эшарш длайолийра олхазарша. Глашна а, ярашна а тлера охъаобхура ирсе бляьрхиш.

Догла длатийначул глаьхъа йолалуш самукъадолура ненан. Дукха болахъ иза шерачу бай тле охъаюсура. Со а юьгура цо шеца. Хлинца а, даима санна, тхойша, хьуьн чуьра ара а яьлла, бай болчу шерачу аренан йистехула юххерачу лома тле длайолаелира. Цхънхъа самукъане екара шедаг. Ломан кложахъ гучудевлира уьстагийн. Аренгахула дласа а даьржина, доглане лийчийначу бацалахъ дежахъ дара уьш. Малх ах къайлабаьллера гуна тлехъа, цуьнан беса злаьнарш лодика еш яра лаьмнашца а, дитгийн клуьнцлалгашца¹ а. Гуна буьххехъ, тхуна лакхахъ, верта а тлехъ шедаг а лобкхуш хьйна лаш вара жалу. Дера, кан даьлла доккха жлаьла цуьнан когашка а хьйна, лерина жа лардеш лаш дара. Юкъ-кара хъасталой, шен дега хьожура иза.

– Кхерамечу меттигашка нисделла вайша, – элира нанас. – Жалух ма кхера, цуьнгахъ топ яц. Амма жлаьлина вайшиннах шеко хаалахъ, иза, чу а кхоссалуш, глаьхъа дер ду. Хьожуш хилалахъ, цхъаь тосалахъ, бага а глаттай ма теллахъ! Нагахъ жлаьла тлехкоссалахъ, ас иза юьстах доккхур ду, ткъа хьо кондаршна юккъе длаачкъалахъ.

Цлехъана уьстаглаша лерса ирдира, тлаккха дерриге жа тхуна тледогладелира. Коьллашна юккъе дла а лечкъина, кан даьллачу жлаьлина тлера бляьрг дла ца боккхура ас. Цхъана хлумано цецдаьккхинийла хааделла жлаьла, оццу сохъта летира, лергаш ира а хлиттийна, юха со лечкъина лачу коьллашна тлехъаьдира.

Жалу члогла кхайкхира цуьнга. Со-м кхераелла егош яра. Сан ненах бляьрг кхийтира жлаьлин, – цунна тлехкоссаделира иза. Линдагл санна охъашершина нана, оццу минотехъ гучуьра елира. Со йилхира. Сан дог схъаьккха доллура: «Нана, ас хлун дийр ду, жлаьло хьо схъалацахъ?» Дехха сан лерехъ дийкира ненан бергийн тата а, басах лин чу охъакерчачу тлулгийн гловгла а.

Хьо сингаттам! Сингаттам! Ас хлун дийр ду, нагахъ санна жлаьла цунах таса а делла, шен ирачу цергашца нана йожуш делахъ?

Маьрклажан бода букьлуш бара.

Жалуно, шок а етташ, жа тле а гулдина, глотане дладигира. Цо боккху хлора ког тергалбеш яра со. Дог цхъа тамашийна детталора. Жалу къиза вара шен уьстаглашца – глаж, тлулгаш деттара. Со санна жимачу цхъана лажарна цхъа вуон кхийтира тлулг; миска, охъа а кхетта, настарш дласахъобкхуш бара.

Барза тле а ваьлла, шен жлаьле кхайкхира жалу. Кхин а цхъажимма хан елира, тлаккха суна иза гира: хлинца шен дена юххехъ дара жлаьла. Цуьнан глаьттичу багара охъакхозура, цлеша буьзча санна, цлен мотт. Со кхераелира. «Хлун дийр ду, нагахъ санна иза сан ненан цлий делахъ?»

Ларжьелира. Бляьрга лобьтина плелг а гур бацара. Тийна дара гонаха, цхъа а лоб-себ а доцуш. Ткъа мичхъа ю сан нана? Со карор юй-техъа цунна, ша дийна йисинехъ а?

Амма дукха хан ялале суна схъахезира девзаш долу аз. Дуьхьал жоп делира ас. Иза сан нана яра. Пекъар ял! Хъацаран клуьрлахъ, хала синош дохуш, едда суна тлеера иза.

– Хьо кхузахъ ву, клант? Кхера ма кхера, хъан нана дийна ю. Цунна кхераме

яц я борз а, я жлаъла а. Хьо зен-зулам хилаза мукъана вуй? – хоьттура цо.

– Дийна ю! Дийна ю! – жоп делира ас. Нанас хьастаме мотт хьаькхира суна.

Ох1-х1ай, хьаьнга латкъам бе-те, хьенан бу-те со кхин а, цкъа мукъана а, ненана б1аьра хьажийта ницкъ, цуьнан хьестарех 1абийта?

Аса муха лан беза х1ара бала? Оцу мостаг1чо – ц1убдаро со а йийна елара! Со х1унда йисина дийна? Сан хаза нана, селхана со хьобга хьогаме хыйжира – дийна, хазаллах а, ницкъах а йобьтина, сан г1ортгор а, дегайовхо а яра хьо, дагахь а дацара кхана даиманна вай вовшех къастар ду, бохург.

5

Буйсанна сахиллалц аренашкахула кхирстира со а, нана а. Кхера а ца кхоьруш мекхан арен т1е девлла, доггаха мукх биира. Сатасаран билгалонаш гучу ма-евллинехь, хьун йолччу аг1ор йирзира тхойша. Не1алт хуьлда оцу дийнан садаржарна! Арахь буц лекха а, луьста а яра. Арена юккъехь кхуьуш кхо бал дара. Царна т1ехула жатташ а йина хыйзаш яра шоршалш а, кхидолу олхазарш а. Цхьадерш схьадог1ура, вуйш, шайн к1орнешна кхача а обьий, д1адоьлхура.

Со ларъеш нанас элира:

– Х1окху хенахь кхераме ду лела, мостаг1 дог1а д1атийчахьана вайша лобхуш ву.

Уьш, со ларьян аьлла, цуьнан т1аьххьара дешнаш дара.

Ц1еххьана ненан сагатделира, даго 1ожалла хьобхуш санна. Глах церг а тосий, иза а ца 1овшуш, х1уттий лаьттара, кхин метак ца хьовш. Тхуна мог1ара т1екхевдина дара гезаршна дукхадеза таьллаш, ткъа жима дехьо вовшашна т1етг1а а таь1на лаьттара г1ад шера кхоь я диь дакх.

Ц1еххьана тоьпан тага делира, ткьес тоьхча санна. Лаьмнашкахь а, чхернашна юккъехь а татанна дуьхьала жоп луш дийкира шайт1анан аз, егийра буц а, г1аш а. Т1уьначу баца т1ехула баьржира к1ур.

Цкъа «ох1» аьлла охьакхийтира нана. Елла яла со дела1, хьо хуьлуш дерг!

Со лаьттах д1атебира. Суна гира ненан дег1 басах чукерчаш, баца т1ехь ц1ийн лараш а юьтуш. Декхнашна т1ехьара сехьаиккхира 1аьржа чоа а т1ехь жима стаг.

– Х1ара ду хьуна дош! – олуш, нана т1аьххье басах чутилира иза. Мисканиг хьалаг1атт тохалора, амма настарш шалха а йобьий, юха а охьаюжура.

Со 1адийнначохь йисира, таллархочо баттара шаьлта а яьккхина, ненан логан шодах иза тосуш. Ц1ий схьатуьйхира, дитташ ц1ий а деш. Иза шадерриг сайн б1аьргашца суна гуш дара. Аса, пекъаро, х1ун дийр дара?..

Со йилхина д1аяхара, б1аьргаш чу бода х1обьтира. Кхин суна х1умма ца хезира, х1умма ца гира...

Х1етахь дуьйна, дийна а йоцуш, я елла д1а а ца йолуш, лелаш ю со. Йобьлху со, йобьлху. Б1аьрхиша бен тем ца бо суна. Хьуьнахула йолалой лела, дитташка, лаьмнашка, чхернашка балхабо сайн къаьхьа бала. Хишка, баце леткъабо сайн декъаза кхоллам. Амма нана яц сан. Иза суна кхин цкъа а гуш яц. Байлахь йисина со. Хьанна хаьа, со хьенан тоьпан д1аьндарго лоцур ю, хьан ц1ийдийр ду сан ц1ийца шен куьйгаш?

Гочдинарг Султан МАРГОШВИЛИ

¹ К1уьнц1алгаш – диттийн баххьаш.

Канат Канака

Живет и работает в городе Байконур, Казахстан. По образованию инженер-эксперт. Стихи пишет с детства. О себе: «Чеченский знаю плохо. В детстве, когда летом родители отправляли меня в аул на летние каникулы к бабушке и дедушке, я общался с соседями чеченцами и грузинами, ходил к ним в гости и играл с их детьми, это были 1993-1996 годы, пока они не уехали на свою историческую родину. Так я художественно начал говорить на чеченском». Печатался в журналах: «Московский Парнас» (Независимый Альманах №8-9/2010 (64-65)), «Москва» (№ 8/2013). Участник Тринадцатого форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках.

Прошла зима, и полегчало саду.
 Наладилось на сердце, улеглось.
 Я, как всегда, за рукописи сяду
 или за книгой, дочитать балладу.
 Собака с кошкой покидают пост.
 Ночь за окном моим уж на исходе,
 а я сижу и не могу писать,
 иль почерк мой тетради не угоден.
 Любой другой насочинять свободен
 о чем угодно: про любовь, про сад.
 И только я не знаю, не умею,
 писать, как пишут сверстники мои.
 Но с Музой, о, что мне делать с нею,
 она забыла про мои стихи.
 Покинула, отбыла, улетела.
 Куда? – к кому? – надолго ли? – когда...
 Хотя какое до нее мне дело.
 Мне это все давно осточертело.
 Скажи, читатель, горе – не беда.
 Недавно было, хоронили деда
 односельчане. На похоронах
 соседи шли, чтоб проводить соседа
 в последний путь.

Его безгрешный прах
 теперь лежит на кладбище деревни.
 Я помню, как с поминок люди шли,
 мужчины молча, женщины ревели,
 молился ль кто за упокой души?!
 Он жил один на улице соседней.
 Мне говорили, у него был сын,
 дед сына ждал
 до дней своих последних,

что он вернется, цел и невредим.
 А было так,

однажды к ним в деревню
 наведалься из области весной
 сам военком, пуская сигаретный
 из носа дым, невыносимо злой.
 Увез на службу мальчиков деревни,
 из их родимой отодрал глуши.
 Не провожали, у себя сидели
 мужчины молча, женщины ревели
 и волосы на голове седали.
 А мальчики в последний бой ушли.
 Покойному хотелось видеть сына,
 он сына звал, просил его позвать.
 Покойному мерещилась могила,
 кричал в бреду, что бабка приходила
 и говорила, что придет забрать.
 В полубреду покойный возмущался,
 и власть бранил и клял за то судьбу,
 что не добился правды от начальства,
 ни тело сына в цинковом гробу...
 Так и ушел. Так люди говорили:
 – Так и ушел – качая головой.
 Так я пишу в своем нелепом стиле,
 не ведая, что дальше за строфой.
 Ноябрь надоел и опостылел...
 Смотри, читатель, осень в одиночку
 в который раз я на себе влachu.
 Ночь на исходе.

Стало быть, мне точку
 поставить надо и задуть свечу.

Какую рану нанесу
бумаге рифмою и слогом?
Я роюсь в слове, как в лесу,
как что лимышь, что роет норы.

Ночь во дворе, а стало быть,
пора под строгим взором музыки
писать, вычеркивать, корпеть.
Все, что пишу, бросаю в мусор.

Такая мука сочинять,
какое, Господи, блаженство
писать стихи, марать тетрадь
занятым сложным, бесполезным.

Я знаю дыма без огня
не может быть. В такую осень:
– *Хьан гулакхаиш муха ду!*? – меня,
пусть на чеченском кто-то спросит.

Но слово не имеет власть,
и рифма бьет в живот коленом.
Люблю я горы и Кавказ,
где и плутает юный демон.

Покинув родину и дом,
устан от утвари и грязи,
мы все когда-нибудь уснем
и очутимся на Кавказе.

Как тихо падает листва,
где горы высятся, равнины
лежат. Цвети *Нохчийн латта*²
под звуки музыки старинной.

Теряя ровный мыслей ход,
пишу, глумясь, витиевато.
Язык чечен *суна дика ца хаа*³.
Что ж ставлю точку, где не надо.

«Зрачок луною отвлеченный
свой позабудет труд и долг».
Мой кот, по имени Печорин,
снес месяц май и превозмог.
И только я, и моя лампа,
что не напишем, не сохрем,
сидим в углу – так нам и надо –
бодаясь с толстым словарем.
«Чудес на свете не бывает... –
читатель скажет». Так и есть.
Жару и ночь одолевая
пишу. Но некому прочесть.
Как хорошо у Пастернака:

прекрасен звук, не дурен слог.
Зачем лохматая собака
Сейчас лежит у моих ног.
Ее хозяин уехал в город на два дня.
Собака – добрая, не злая –
печально смотрит на меня.
Строкой, луной отягощенный
зрачок слезой вооружен.
Собаку жалко мне, Печорин,
я знаю, что ума лишен.
Избранник рифмы ново избран.
Как нареку – не нареку?
Слог не замазан, не прилизан.
В наряды облачу строку.
Строка и слог – не суть предмета.
«*Стогар летта бу...*»⁴ – на языке
чечен пишу, как есть. Нелепо?
Пусть так. Но не во вред строке.
Разучивая речь чеченцев,
я до того извел язык,
что не выдерживало сердце...
Язык чечен, как острый клык.
Смешав два языка, в итоге
узрел единственную связь,
как оба языка жестоки,
как оба не выносят власть.
Я брошу зренья на окрестность
Урус-Мартана, на село...
Пишу на языке чеченском:
«*Нохчий кешнашкахь дIа йол со*»⁵.
Кому покажется, что дико
пишу. Но воля такова.
Язык не тара, не копилка,
чтобы копить на нем слова.
«А ты спросить бы потрудились,
что привело меня сюда.
Обжить язык не получилось.
Я все равно люблю тебя!
Мои намеренья известны.
Не стану боле утомлять.
Мне братья гордые чеченцы.
И ты не мачеха, а мать!»
Несходства слог приврет, поправит.
Строка власть на себя возьмет.
Язык сегодня не лукавит.
Лишь чтец по-своему поймет.
Кот дрыхнет. Спит у ног собака.
Угрозы слышатся в ночи.
Кехат – перевозжу «бумага»,
листок на языке нохчи.
Печется об осиротевшей
собаке и коте зрачок.
Читатель – критик и болельщик
стихотворенье не прочтет.
Пав на стихи что он увидит?
Воображаемый герой
неграмотен и прост, обыден.

Второстепенна его роль.
Часы бьют ровно шесть. Светает.
И лампу надобно гасить.
Читатель спит или скучает? –
не позаботился спросить.

Кавказец

Он объяснял, что он такого года
рождения, по матери абхаз,
а по отцу грузин: – Что тут такого,
что я грузин? – негодовал Алхас.

Он рассуждал,
как будто вел сражение
со мной, причем на воздухе, летя.
Дивился я его происхождению,
как чуду удивляется дитя.

Кем он мне был,
знать было мне откуда?!
В его лице я видел Гудермес,
он говорил, что родом он оттуда,
но не сказал, как очутился здесь.

Кем он мне был?
Он мог бы быть мне братом
и он им был. И брат мой был богат
одной душой огромной, необъятной.
Как мне тебя тут не хватает брат!

В его крови Абхазия плутала,
и бунтовала Грузия, пылала.
В его крови Абхазия пылала,
и Грузия свои бои вела.

Он сохранил в себе черты Кавказа.
Теперь, когда его со мною нет,
я вижу, что он пишет, ищет фразу,
в которой так нуждается поэт.

Писать стихи – его перо свободно
и мне не надо боле ничего.
Он говорил, что девочка – «гогона»,
он говорил, что девушка – «гого».

Так он учил в свободные мгновенья
грузинскому меня ученика.
Он мне читал свои стихотворенья.
Так я постиг уроки языка!

Я полюбил язык и речь грузина
и с обожаньем стал следить за тем,
как меж собой общаются грузины,
как ни один из нас, нигде, ни с кем.

Он говорил, что родина –
«самшобло»,
он говорил, что женщина – «кали».
Я мучил свой язык и мучил горло,
когда читал грузинские стихи.

Он был не злым и скаредой на слово
не слыл. Писал стихи. Любил собак.
Когда не шли стихи,
ходил (злословил)
по комнате и не щадил табак.

В такие дни он был серьезным,
строгим,
его другие языки влекли.
Не по его ль вине вот в эти строки,
его черты характера легли?!

Он пояснял, что карандаш –
«панкари»,
он повторял, что улица – «куча».
И я писал, что «биты» – это парень
и что «сантели» – это есть свеча.

Так я учил язык невероятный,
который обожаю и люблю.
Но где же ты, мой брат, мой
несравненный?
Кому я эти строки подарю?

Где б не был ты,
в Абхазии соседской,
иль в Грузии, не менее родной,
люби, ревнуй, бунтуй,
ликуй и бедствуй,
но будь же здоров и цел, и будь живой.

¹ Как твои дела?

² Чеченская земля.

³ Я плохо знаю.

⁴ Лампа зажжена.

⁵ Похороните меня на чеченском кладбище.

Хаджи-Мурат Хамхоев

Хаджи-Мурат Хусейнович Хамхоев начал трудовую деятельность в Караганде. В 1960 г. вернулся на родину. В разные годы работал народным судьей Советского и Малгобекского районных судов ЧИАССР, заведовал канцелярией Министерства юстиции ЧИАССР. Был постоянным представителем Республики Ингушетия при Президенте РФ, председателем Малгобекского городского суда.

В 2013 году, в московском издательстве «Российский писатель» вышла первая книга прозы Х.-М. Хамхоева «Время и люди». Предлагаем нашим читателям рассказы из этой книги.

Непридуманные рассказы

Завмаг

Когда ты живешь один, без семьи, а друзей еще не приобрел, времени свободного, как говорится, девать некуда, а убить его как-то надо, поэтому у меня вошло в привычку посещать после работы родственные конторы, другими словами, руководителей силовых структур, чтобы пообщаться, услышать новости. В один из таких дней зашел к начальнику милиции Магомеду Адуеву. Застал его в крайне удрученном состоянии. Поинтересовался, что с ним, не заболел ли?

– Да нет, – отвечает раздраженно, – хотя при такой нервозности и не мудрено.

– А что случилось?

– ЧП у меня. Слышал про мордобой в столовой?

– Ну, это не новость, подумаешь, уличная шантрапа гай-гуй устроила, кулаками помахала, из-за нее так расстраиваться.

– Если бы шантрапа, серьезные, ответственные люди драку в общественном месте затеяли. Притом в присутствии моих подчиненных. Завмаг ударил по лицу инструктора обкома комсомола, который обедал с секретарем райкома комсомола. Видишь ли, завмагу Жоме Окуеву не понравилось, что инструктор обкома громко засмеялся, видимо, после какого-то анекдота. Секретарь райкома комсомола, естественно, вступился за гостя, и произошла драка.

– Первый раз слышу. Когда это случилось?

– Три дня назад.

– Прокурор в курсе?

– Конечно. Правда, с ним разговаривал родной дядя Жомы – председатель райисполкома, который обещал поехать в Грозный и лично принести извинения потерпевшему, но не поехал. Кроме того, семья Окуевых занимает особое положение в районе. Отец Жомы долгое время был секретарем обкома партии, а ОВД, которым я руковожу, находится в ведении райисполкома. Положение мое, как ты видишь, очень щекотливое. Начну проявлять активность, сам понимаешь, что за этим последует.

– Ты, конечно, волен поступать, как сочтешь нужным, но чем вся эта канитель закончится, я могу сказать тебе прямо сейчас. На каком-нибудь

крупном республиканском совещании, когда появится повод, а повод по таким случаям всегда находится, выйдет на трибуну секретарь обкома комсомола и громко заявит: «Товарищи, на днях в Советском районе произошел вопиющий случай – был жестоко избит инструктор обкома, и местные власти никаких мер в отношении виновных лиц не приняли». После чего соберется бюро райкома, тебя исключат из партии и прогонят с работы, прокурору объявят выговор с занесением, а начальник КГБ отделается легким испугом. Тебе это надо? Не надо. Значит, принимай меры.

– Сказать легко.

– Немедленно составь протокол о мелком хулиганстве. Я сейчас вернусь на работу, пусть твои ребята доставят его ко мне, и я арестую твоего Жому на десять суток. Затем прокурор решит вопрос о возбуждении уголовного дела по части 2-ой ст. 206.

Напуганный Адуев проявил удивительную оперативность — не прошло и часа, как хулиган завмаг был доставлен в суд, и я на основании милицейского протокола впаил ему 10 суток ареста. После чего занялся текущими делами.

Завмаг, наверно, не успел освоиться на новом месте, как позвонил начальник милиции и сообщил, что у него собралась вся фамилия Окуевых, женщины плачут, просят освободить Жому.

– Очень прошу тебя, Хаджи-Мурат, отмени свое решение и освободи его из-под стражи.

– Ты как это себе представляешь? – спрашиваю. – Чтобы я отменил свое решение, требуется обоснованный протест прокурора или протест председателя Верховного суда, о чем ты знаешь не хуже меня.

Наутро я получил протест прокурора:

«Вчера, третьего апреля, Вами арестован на десять суток за мелкое хулиганство Окуев Жом. Учитывая, что Окуев страдает тяжелой формой туберкулеза, прошу Вас заменить ему арест на любой другой вид наказания, не связанный с лишением свободы. Подпись: прокурор района, юрист 1 класса Ситников В.И.»

Я тут же написал ответ:

«Ознакомившись с протестом прокурора района Ситникова В.И. в отношении арестованного на десять суток за мелкое хулиганство Окуева Ж.

Суд постановил:

Прокурор района просит отменить постановление суда в отношении Окуева Ж. и, учитывая, что он страдает тяжелой формой туберкулеза, заменить ему арест на меру наказания, не связанную с лишением свободы.

Однако к протесту не приложены медицинские документы, подтверждающие болезнь арестованного.

На основании изложенного, протест прокурора района отклонить. Подпись: председатель районного народного суда Хамхоев Х.Х.»

В последующие пять дней никто не беспокоился о судьбе завмага. На шестой день я зашел в милицию. Дежурный сказал, что начальник уехал в Итум-Кали и скоро должен вернуться.

– Покажи мне, где у вас содержатся заключенные.

– Да у нас всего один завмаг сидит, больше никого нет, – дежурный взял ключи и пошел впереди. Открыл железную дверь в довольно просторную комнату с одним маленьким решетчатым оконцем и низко нависшим потолком. Уже вечерело, в камере стоял полумрак. Когда я вошел, человек, лежавший на нарах, быстро соскочил и, заложив руки за спину, вежливо со мной поздоровался, спросил о здоровье, об успехах по службе. Ответив на его приветствие, я спросил, жалеет ли он, что так безобразно повел себя?

– Мне очень стыдно перед родственниками, жалко мать, знаю, какую боль ей причинил, стыдно перед вами, вы в районе новый человек, можете подумать обо мне плохо, и мой поступок тому подтверждение. Много отдал бы, чтобы этого не случилось.

Я чувствовал, что он говорит правду и искренне раскаивается. После его ареста я слышал о нем только хорошее, хвалили как мужчину и недоумевали, как он мог совершить такой немужской поступок. Кавказцы всегда чтили в мужчине выдержку.

– Думаю, хватит тебе здесь сидеть, пора домой, – сказал я, покидая камеру.

Жена прокурора работала секретарем в милиции, и он первым узнал об освобождении Окуева. И позвонил на второй день утром.

– Что же получается, Хаджи-Мурат Хусейнович? – голос едкий у Валентина Ивановича, по имени-отчеству называет, «здравствуй» не сказал, уже на «вы» перешел, выражая тем самым крайнюю степень недовольства. – Вы своевременно и обоснованно арестовали Окуева, а я, руководствуясь положением о прокуратуре, прислал вам протест о замене ему содержания под стражей на другой вид наказания, не связанный с лишением свободы. Но вы отклонили его и по истечении лишь пяти суток освобождаете Окуева. Нарушили закон, уважаемый Хаджи-Мурат Хусейнович. Если об этом станет известно председателю Верховного суда, у вас будут большие неприятности.

– Согласен с вами, Валентин Иванович, неприятности будут, но ведь нам и дальше работать на одном поле.

– Ладно, не будем ссориться, – проговорил он через минуту уже с другими нотками в голосе, – при встрече продолжим наш разговор.

На этом, казалось бы, можно поставить точку, если б история не приняла неожиданное продолжение. Говорят, кинжал убивает одного, а ложь — семерых. Дети, играя в футбол, нечаянно разбили окно в приемной суда. Достать стекло в то время было проблемой, я пошел в ремстройучасток и договорился с мастером, что он застеклит нам окно. В это время подкатил райкомовский «уазик», за рулем сам первый секретарь Абуязит Абдуллаев. Спросил, закончил ли я здесь свои дела, когда я ответил утвердительно, попросил сесть в машину.

Подъехали к зданию райкома, поднялись на второй этаж. Абдуллаев достал ключи из кармана, открыл дверь в свой кабинет. Можно представить мое удивление, когда я увидел нервно расхаживающего по кабинету председателя райисполкома Хусейна Окуева. Как я узнал позже, они крепко поругались по поводу ареста Жомы Окуева и его досрочного освобождения. Разъяренный Абуязит, сказав, что он сейчас же привезет Хамхоева, запер на ключ Хусейна и поехал в суд, а оттуда в РСУ, где и застал меня.

– Хаджи-Мурат, – обратился ко мне Абуязит, усевшись на свое рабочее место, – скажи мне, мужчина имеет право говорить неправду?

– Я часто слышал от наших стариков, что мужчина, говорящий неправду, уже не мужчина.

– А теперь ответь, у нас был какой-нибудь разговор в отношении Жомы Окуева до его ареста или после освобождения?

– Нет, никакого разговора на эту тему у нас не было, — отчеканил я, намеренно выделив слово «разговор».

– Ты слышал? – спросил Абуязит, обращаясь к Хусейну.

– Я не глухой, – промолвил тот в ответ.

– Дело в том, – продолжал Абдуллаев, – что вот этот товарищ, которого ты видишь, и его любимая женушка распускают по всему району слухи о том, что Жомы Окуев был арестован по моему указанию, а потом я, якобы испугавшись их, попросил тебя освободить арестованного.

Хусейн встал. Я последовал его примеру: сидеть, когда старший по возрасту стоит, противоречит обычаю.

– Абуязит, – проговорил он, – прости, если сможешь. Я очень виноват перед тобой. Бес меня попутал.

– Не бес тебя попутал, а женщина, – не унимался Абдуллаев. – Народную мудрость забыл: слушай ее, но поступай наоборот.

Окуев на колкость Абуязита никак не отреагировал, а стал благодарить меня.

– Давно нужно было Жому проучить, а то нос стал задирать, – и, прежде чем покинуть кабинет, добавил: – Хорошо сделал, что освободил его досрочно.

А с Жомой мы стали друзьями. Он действительно оказался очень добрым и компанейским малым. Часто в выходные дни он приглашал меня на природу, верхом на лошадях мы ездили в лес на охоту, а потом – неизменные шашлыки, горячий, пахнущий дымком, бульон. Вот уж, не было счастья, да несчастье помогло.

В один из сентябрьских дней он подъехал ко мне на работу, как сегодня помню, было это в четверг, и стал приглашать назавтра в 12 часов дня в Итум-Кали. Оттуда мы должны привезти невесту его друга, у ингушей это называется умыкнуть, у чеченцев – обычай. Я ответил, что с удовольствием поеду с ними, но завтра утром должен быть в Грозном в Верховном суде и постараюсь успеть вовремя. Мы тебя будем ждать, сказал он на прощание.

Разве я мог предположить, что это наша последняя встреча. Вернуться к назначенному времени я не смог. Жома дважды подъезжал к нашему дому, но так и не дождался меня. Они уехали в горы на трех машинах. На обратном пути из Итум-Кали машина, в которой находились Жома и его друзья и где должен был находиться я, успей я вернуться, сорвалась в пропасть. Все погибли, кроме секретаря райкома комсомола Сатарова, сидевшего за рулем.

До сих пор не могу вспомнить причину, по которой я задержался в Грозном. Видимо, в книге Судьбы мне определен другой срок.

Прецедент

Я намеренно вынес это слово в заголовок. В самом деле, представьте себе, если, конечно, можно вообще представить, районную Доску почета, где сплошь ударники производства, ветераны труда, а рядом — самодовольная в пору спелой молодости рожица народного судьи. За какие заслуги ему оказана честь находиться в обществе уважаемых людей? Не за то ли, что его карающая десница трудилась, не ведая усталости? А иначе, за что? Я, разумеется, утрирую, но ведь случай – из ряда вон. Я никогда не обольщался насчет своей особы, хотя и не страдал отсутствием самолюбия, его во мне столько, сколько обыкновенно бывает у нормальных людей. Что и говорить, случай беспрецедентный, но прецедент вот он – на Доске почета. Ладно, к этому мы еще вернемся. Сначала нужно рассказать, с чего все началось.

А началось со звонка второго секретаря райкома партии Слабенко Николая Матвеевича, который на тот момент замещал Абдуллаева, отбывшего в отпускной вояж. Убедившись, что я на месте и никуда не собираюсь, договорились о встрече в моем кабинете.

– Первый, уезжая, наказал мне переговорить с тобой по одному очень важному делу, – начал он, едва усевшись в кресло. – Но я сначала хотел бы ознакомиться с делом, прежде чем начать разговор. Это по поводу иска к колхозу имени Ленина.

Николай Матвеевич пришел в райком партии из органов прокуратуры и в разговоре с ним я понял, что он сильный и грамотный юрист, не растерял еще своих юридических навыков.

– Да-а, – проговорил он после некоторого молчания, – дело более чем серьезное. Иск на 280000 рублей! Да за эти деньги весь этот колхоз можно купить со всеми его потрохами! Мы полстраны угрожали, чтобы создать эти колхозы, а тут – на тебе, и нет колхоза. Надо что-то делать. А что делать, ума не приложу. Любое решение суда в нашу пользу тут же отменяют, – он снова принялся внимательно изучать материалы дела, наверно, надеялся отыскать какую-нибудь лазейку. Я проделал это раньше него, там просто нечего искать, все предельно просто. Колхоз самовольно вырубил молодой лес, нанеся государству ущерба более чем на четверть миллиона. И лесхоз, что вполне естественно, подал иск о возмещении ущерба. Ни с какой стороны не подкопаешься.

– Абдуллаев перед отъездом просил меня поговорить с тобой, – сказал Николай Матвеевич, – какие меры принять, чтобы сохранить колхоз. И еще просил передать: если Хамхоев решит вопрос положительно, то бюро райкома партии занесет его на районную Доску почета.

Последнее меня не столько удивило, сколько шокировало. Меня даже смех разобрал – люди не поймут. Не бывало еще, чтобы судья, да будь он семи пядей во лбу, на Доске почета красовался.

– А мы создадим прецедент, – настаивал Николай Матвеевич. – Но сейчас главное, как наш вопрос решить, раз невозможно его решить в судебном порядке.

Материалы дела были составлены лесхозом Грозненского района, который обслуживал наши леса.

– Ты не спешишь на службу? – спросил я у Слабенко.

– Да нет, Такаев на месте, если я понадобится, он со мной свяжется.

Я попросил нашу телефонистку соединить меня с директором Грозненского лесхоза Магомедом Марзиевым. Мы с ним были земляками, он ингуш и я ингуш, вдаль от дома это гораздо больше, чем близкое родство. Он тепло поздравил меня с избранием народным судьей, и в дальнейшем мы не встречались. Минут через пять нас соединили. После взаимных расспросов я спросил Магомеда:

– Тогда при нашей встрече ты говорил, что нам нужно будет обязательно встретиться, не забыл? Значит, завтра в 13 часов мы с моим другом будем у тебя.

– Я буду только рад.

– Магомед, говорят, раньше ингуши варили индюка в молоке. Давай посмотрим, что это такое.

– Это не проблема. Вы только приезжайте.

На следующий день с немецкой точностью мы были в Грозненском лесхозе. Магомед сразу же увез нас к себе домой. Стол к нашему приходу уже был накрыт, не стану описывать блюда, которыми нас потчевали, качество напитков в бокалах – все это было в самом лучшем виде, как и индюшка, сваренная в молоке. За таким столом не замечаешь, как летит время. Три часа как одно мгновение. Пора было распрощаться с гостеприимными хозяевами.

– Магомед, по ингушскому обычаю дорогому гостю дарят жеребенка, а поскольку нас двое, то и подарок удваивается. Что очень накладно по нынешним временам. Но мы с Николаем Матвеевичем облегчим тебе эту задачу. Ты подаришь нам то, что мы попросим у тебя. Согласен?

Еще бы он не согласился. Желание гостя – закон для хозяина. Я послал сына Магомеда, который нас обслуживал, к машине за портфелем.

– Вот, Магомед, исковый материал, – сказал я, доставая папку из портфеля, – который ты прислал в народный суд. Если я удовлетворю твой иск, то колхоз необходимо будет распустить, а что за этим последует, не мне тебе объяснять. Да никто нам этого не позволит. Скажу тебе честно, сам колхоз не стоит этих денег. Поэтому в качестве подарка дорогим гостям просим взять эти материалы обратно.

Магомед, извинившись, отлучился на несколько минут и вскоре вернулся с мужчиной средних лет, представил его как своего заместителя.

– Ахмед, – обратился он к нему, – вот наши исковые материалы, мы отзываем их. Возьми завтра с собой всех наших рабочих, выезжайте в Советский район и на площади, где произошла рубка, выкорчуйте все пни и посадите там саженцы ели, они у нас есть...

Наверно, прошло недели две после нашей поездки в Грозненский лесхоз, вернулся из отпуска Абдуллаев, я встретился с ним в коридоре райкома, поздравил с возвращением.

– Хамхоев, рад тебя видеть, – сказал он и пригласил к себе в кабинет. – Николай Матвеевич рассказал мне, как ты спасал колхоз. Молодец. Спасибо тебе большое. Вчера на бюро райкома принято решение занести тебя на

районную Доску почета. Будешь в окружении комбайнеров, трактористов, знатных доярок, – добавил он с еле заметной улыбкой.

– Благодарю вас, Абуязит Абдулаевич, но будет ли правильно, если я окажусь среди этих заслуженных людей, ведь у меня нет никаких показателей.

– У тебя есть очень хороший показатель – ты спас колхоз... Председатель колхоза не появлялся? – спросил он у вошедшей секретарши.

– Он в приемной.

– Зови.

В кабинет вошел человек... честное слово, язык не поворачивается сказать «приятной наружности». Лицо скуластое, со следами оспы, маленькие с зеленоватым оттенком глаза постоянно в движении, они перекатываются, как шарики, и не всегда заметишь под низко нависшими бровями, они то скользят по тебе, то пугливо убегают куда-то. Я не запомнил, поздоровался он при входе или нет, не расслышал, грешить не буду, но мою особу он даже коротким взглядом не удостоил.

– Вот судья Хамхоев, – сказал Абуязит, кивнув в мою сторону, – благодаря которому, ты еще находишься на свободе. Но если ты срубишь еще хоть одно дерево, то я сам лично добьюсь, чтобы ты оказался в тюрьме. Ты меня понял? Не слышу.

– Понял.

– Вот и отлично, – Абдуллаев откинулся на спинку стула, давая понять, что с этим вопросом покончено и, не меняя тона, поинтересовался, много ли меду тот накачал.

– В этом году... — начал, было, председатель, но Абуязит не дал ему договорить.

– Не хочу знать, что у тебя случилось «в этом году». Видишь, наш судья сидит, вот ему отвезешь флягу меда. Задача ясна? Тогда иди. И помни, что я тебе здесь сказал! – крикнул он уже вдогонку.

После ухода Салихова мы еще поговорили несколько минут. С самого начала, как только это дело о незаконной, а по сути, варварской вырубке леса, попало ко мне в руки, меня волновал вопрос, почему человек, который нанес такой колоссальный ущерб государству, до сих пор не снят с должности? Ответ Абдуллаева меня удивил.

– Найди мне человека, который согласился бы поехать в эту глухомань, где нет ни света, ни газа, а есть только горы и густые леса, и я, без сожаления, отдам тебе Салихова на растерзание. Знает собака, что никто туда к ним не поедет, и ловко этим пользуется. – Он встал и, протягивая мне руку, усмехнулся. – А мед он тебе не привезет.

Когда я вернулся на работу, секретарша сказала, что звонил Магомед Марзиев, обещал перезвонить. Вскоре он позвонил и сообщил, что в субботу, то есть, завтра он собирается в Советский район посмотреть саженцы елей и, если я согласен, то он заедет за мной, и мы поедем вместе, места там прекрасные, не пожалеешь. Я, конечно, с радостью согласился, предупредив, что буду на работе и жду его к одиннадцати часам. К этому времени я успею связаться с Николаем Матвеевичем, который ему в тот раз очень понравился.

На следующий день в назначенное время мы выехали в сторону села Кенхи. Часа полтора тряски – и мы на месте. То, что предстало пред нашими глазами, я не берусь описать, мне легче это сделать сухим языком протокола, но тогда кому это будет интересно? Когда меня очаровывает природа, всегда сожалею, что я не художник, какими красками я изобразил бы эту огромную поляну, засаженную полутораметровыми елями. В окружении букового леса они кажутся лилипутами среди великанов.

– Ничего, – сказал Магомед, – через несколько лет они догонят своих соседей. А я вот о чем подумал: если б председатель оказался законопослушным гражданином, как его предшественники, или директором лесхоза был бы другой человек, а не Магомед Марзиев, влюбленный в природу, в ее красоту, а

на твоём месте другой судья, разве возникло бы такое чудо посреди дремучего леса? Вот уж, действительно, нет худа без добра. Выходит, каждый из нас, сам того не ведая, так или иначе принял участие в его создании.

– Значит, так угодно было Богу, – сказал я.

Багажник машины нашего гостя был оборудован, как это полагается при выезде на природу, чтобы не только любоваться ею, но и расслабиться от души: раздвижные столики, стульчики, посуда, казан для варки мяса, вяленого и свежего, в эмалированной кастрюле шашлык из баранины, зелень разная, овощи, колбаса, сыр – всего было вдоволь. Я попросил водителя съездить в село и привезти председателя колхоза.

И вот предстал пред нами, буквально, тот по вине которого здесь появился целый массив молодых елей. Знакомиться нам не было нужды – мы все друг друга знали. Пригласили Салихова к столу, мне было известно, что он спиртное употребляет лишь в исключительных случаях, и то чуть-чуть. А моя задача – его расшевелить, чтобы он добрее стал, для этого и «лекарство» – коньяк «Илли».

– Майрбек, – сказал я, – вот рядом со мной сидит Магомед, который простил колхозу огромный долг, тем самым сохранил твоё хозяйство. А чтобы скрыть совершенное тобой преступление, вырвал с корнями оставленные тобой пни и посадил на их месте такие красивые ели. Если ты хочешь хоть немного загладить свою вину, то должен выпить за его здоровье полный стакан коньяка и без закуски, – разумеется, никто не знал, что я задался целью напоить Майрбека, помня слова Абдуллаева: «А мед он тебе не привезет». Как не выпить за здоровье гостя. Ничего, выпил до дна и не поперхнулся. Тут, как говорится, лишь бы начать, дальше все идет само собой.

Следом я предложил тост за здоровье секретаря райкома Слабенко Николая Матвеевича, тем самым вынудив Салихова опрокинуть очередной стакан, разумеется, полный. Когда я почувствовал, что он уже «хороший», спросил, помнит ли он разговор насчет меда в кабинете первого секретаря райкома партии?

– Помню, – как-то вяло отозвался Майрбек, – завтра обязательно завезу.

– «Завтра» в руках Бога, а мед нужен сегодня. Так что поезжай с нашим водителем и привези флягу сюда, – повторять просьбу не пришлось, наоборот, он как-то посветлел лицом, такое случается с человеком, который намеревается сделать доброе дело.

И это дело было сделано, притом неожиданно быстро. В багажнике машины стояла полная фляга меда. Я сказал Марзиеву:

– Ты много потрудился, Магомед, чтобы простить колхозу долг, лесхоз провел огромную работу, очищая вырубленный участок и высаживая новые саженцы. Пусть этот мед будет нашим скромным подарком для твоей семьи.

Магомед долго сопротивлялся, но под нашим напором сдался. К вечеру мы вернулись в Шатой, тепло распрощались с гостями. И тут моего друга смех разобрал.

– Что с тобой, Николай Матвеевич? – вроде бы ничего смешного я еще не сказал.

– Завтра я расскажу Абдуллаеву, как ты у Салихова флягу меда конфисковал. Такое еще никому не удавалось.

Наверно, недели три прошло после этих событий, когда ко мне нагрянул заместитель председателя Верховного суда Жучков Андрей Михайлович, человек честный и принципиальный.

– Милейший, – чуть ли не с порога выпалил он, – жалоба на тебя поступила, правда, непонятно, на кого жалуется автор этого «документа». На судью или на райком партии. В нем речь идет о Доске почета, куда ты занесен, как я понимаю, решением бюро. Висит она перед въездом в село, и я имел удовольствие любоваться ею. Порадовался, что поместили тебя возле ветерана труда, а не в обществе знатных доярок.

– Я говорил Абдуллаеву, доказывал, но он...

Андрей Михайлович не дал мне договорить.

– Да перестань ты, ежу понятно, что инициатива исходила не от тебя. По просьбе Кузнецова мы обзвонили все республиканские и областные суды. Догадываешься, какой вопрос мы задавали? А ответы получали самые разнообразные – от усмешки до гомерического хохота. Удивлялись, как такой вопрос вообще мог возникнуть. Я сейчас зайду в райком, узнаю, за какие заслуги тебе такая честь оказана. А ты попроси секретаршу найти в архиве дело по сахарной свекле. Мне сказали, что оно вернулось после рассмотрения пленумом Верховного суда СССР. Решил я, Хаджи-Мурат, по примеру многих засесть за мемуары. Тем более, и возраст к этому подталкивает. Как ты помнишь, я был докладчиком по этому делу, но не думал, что оно дойдет до пленума СССР, хотя еще тогда обратил внимание на то, что приговор и протокол судебного заседания полностью совпадали, то есть складывалось впечатление, что приговор не составлялся, а был слово в слово переписан из протокола. Оправдательный приговор в отношении пяти человек, которых обвиняли в причинении огромного материального ущерба стране, признали себя виновными и частично возместили ущерб, обошел все кассационные инстанции страны, и на пленуме Верховного суда СССР был оставлен в силе, – и прежде чем покинуть кабинет, добавил: – Это, дорогой мой, не шутка.

Пробыл он в райкоме больше, чем я ожидал. Вернулся с хорошим настроением.

– Абдуллаев – серьезный и приятный собеседник, – сказал Андрей Михайлович, – правда, больше говорил он, и все о тебе. Жалеет, что ты через два года должен уйти. Рассказал о колхозе Ленина. Послушал я его внимательно и пришел к выводу, что бюро райкома приняло правильное решение в отношении тебя... А вообще-то, если быть до конца откровенным, и будь моя воля, я тебя занес бы на Доску почета страны, но, к сожалению, до нее еще не додумались.

Секретарша выполнила просьбу Андрея Михайловича, принесла пухлую папку из архива и положила перед ним на стол. Он не стал задерживаться, тут же ушел в свободную комнату. А я позвонил в столовую, заказал обед в банкетном зале. Меню: уха из речной форели и шашлык из баранины. Предупредил Слабенко, чтобы не ходил домой на обед, и к тринадцати часам он сидел у меня в кабинете. В ожидании Андрея Михайловича мы делились новостями. Вскоре, закончив свою работу, он присоединился к нам. Представил их друг другу, сказал, что Слабенко на работу в партийные органы пришел из прокуратуры. Жучков удивился – партия не очень-то приветствует юристов в своих рядах. На мой вопрос, закончил ли он свою работу, Андрей Михайлович ответил утвердительно.

– Да, – сказал он, – я записал все, что хотел и с удовольствием снова перечитал протокол судебного заседания и приговор суда. Коротко говоря, – продолжал он, обращаясь к Николаю Матвеевичу, – ваш друг мастер по протоколам судебных заседаний. Еще хочу вам сказать. Когда он проходил месячную практику в Малгобекском горсуде, председатель этого суда Трофимов приехал в Грозный, в Верховный суд республики и убедил Кузнецова, что Хамхоев способный и уже состоявшийся судья. И Верховный суд рекомендовал его в народные судьи. Заметьте, на тот момент в активе у него лишь четыре курса юрфака. И все это из-за протокола судебного заседания по очень сложному делу. Как позже рассказывал Трофимов, в том протоколе были записаны не только показания свидетелей и потерпевших, но и то, что они должны были сказать, но забыли. Мой коллега об этом рассказывал как бы в шутку. Но мы-то знаем, что в каждой шутке есть доля правды.

Обед у ответчика

В своей долгой судебной практике я не припомню случая, чтобы кто-то упрекнул меня в предвзятости, несправедливости, необъективности, да мало ли «собак» можно навесить на судью, ведь не на курорт отправляет он своих «подопечных». Хотя не по его вине пришла беда в чей-то дом, не он толкал человека на противоправные действия. Но он, этот человек, вправе рассчитывать на понимание и снисхождение. Суд – последняя инстанция и последняя надежда. Ко мне шли люди за помощью. И вела их молва: если Хамхоев не поможет, то никто не сможет. Человек называл имя того или другого, совершенно незнакомых мне людей. Тогда я верил, что это не лесть и что пришедший ко мне человек искренне надеется на мою помощь. С такой надеждой пришел однажды в суд местный житель Майербек Худуков. Был он худой, но жилистый, выше среднего роста, изможденное, не по годам морщинистое лицо почернело от частого пребывания на солнце. И вот такая беда привела его ко мне.

Живет он в четырех километрах от райцентра, в саманном домике, который, того гляди, развалится. В семье шестеро детей, самому старшему исполнилось восемь лет. В прошлый учебный год он не смог пойти в школу, потому что не на что было купить одежду и учебники. Весною этого года они с товарищем устроились на работу в совхоз, взяли гурт племенных бычков и отогнали на альпийские луга для откорма. Осенью, когда стадо пригнали в совхоз, не досчитались двух бычков, а поскольку он был материально ответственным лицом, совхоз предъявил ему иск на 14000 рублей.

– Мне сказали, что эти бумаги поступили в суд.

– Да, такой иск поступил, – подтвердил я, – слушать мы его будем завтра. Майербек, скажи честно, куда могли деться бычки?

– Дорога, по которой мы перегоняли скот, очень петлистая и узкая, с одной стороны отвесные скалы, а с другой – крутой берег реки, высотой до семидесяти метров. Стадо на узкой дороге растягивается почти на километр. С головы посмотришь – хвоста не видать, а середина надолго исчезает из поля зрения. Скот бодается, толкается, особенно молодые бычки. Продать их мы не могли, уже было бы известно, такое не скроешь. 14000 рублей, которые совхоз требует с меня, – это огромные деньги. Материальных ценностей в доме нет, ни одной вещи, которая стоила бы больше десяти рублей. Я с детьми сплю на полу, а деревянный топчан мы отдали жене, она часто болеет. Я обошел почти все инстанции в районе, мне посоветовали обратиться к вам, сказали, что если вы не поможете, то никто другой этого сделать не сможет.

Я позвонил председателю исполкома, попросил у него машину на полчаса. Сказал Майербеку, что едем к нему домой, хочу посмотреть, как он живет. Поездка не заняла много времени. Дом, перед которым мы остановились, лишь с большой натяжкой можно было назвать домом. Заднюю стену подпирали два столба по углам, один угол заметно отошел от стены, и в образовавшуюся трещину можно было просунуть ладонь. При входе с улицы попадаешь в темный узкий коридорчик, вправо вход в комнатушку, где спят дети с отцом, чуть дальше другая комната, она размерами больше, там и кухня, и спальня жены с грудным ребенком.

Честное слово, было отчего прийти в ужас. Я вспомнил Казахстан, первый год переселения, жили в невыносимых условиях, но даже они были более приспособлены к жизни, чем та лачуга, которую я видел своими глазами – если б кто рассказал, не поверил бы. В преддверии коммунизма, если верить пророчествам Никиты Сергеевича, и такая нищета.

Я отвел Майербека за угол дома, сказал ему, что завтра мы втроем – прокурор, представитель совхоза и я – приедем к нему на обед.

– Вот тебе деньги... бери, бери, на дело даю... Купи все необходимое, своих кур не режь. Все это организуй сегодня. Завтра пусть жена займется, скажи ей,

что прокурор очень любит галушки из кукурузной муки. Когда на процессе я объявлю перерыв, ты уходи и встретишь нас только тогда, когда мы будем выходить из твоего дома. Понял? Не забудь. Это очень важно.

На следующий день в 11.00 начался процесс. Первым выступил представитель истца – главный бухгалтер совхоза, который просил суд удовлетворить требования в полном объеме и взыскать с ответчика стоимость двух племенных бычков в сумме четырнадцати тысяч рублей.

Ответчик Худуков не отрицал, что по его вине утеряны племенные бычки, не объяснил, куда они могли подеваться, и просил суд во всем разобраться.

В тринадцать часов я объявил перерыв и пригласил прокурора и бухгалтера совхоза отобедать у моего друга, где нас ожидают молодые курочки с кукурузными галушками и чесночным соусом. Не знаю, как бухгалтер, но прокурор готов был хоть на край света ради такого обеда.

Когда мы подъехали к дому и вышли из машины, на лице прокурора было больше удивления, чем у меня вчера.

– В этом доме живет твой друг? – с сомнением в голосе спросил он.

Я утвердительно покивал головой, и мы вошли в дом. Нас встретила хозяйка, молодая, болезненного вида женщина, поприветствовала нас и провела в комнату, где, по словам Майербека, у них была спальня. Посредине стоял стол и четыре стула, наверно, попросили у соседней. Из кухни доносился приятный запах чеснока и куриного бульона. Хозяйка проворно накрыла на стол. На мой вопрос, где мой друг, она ответила, что он вышел и скоро будет.

Сытно отобедав, мы покинули гостеприимный дом и во дворе встретили Майербека.

– Ты как здесь оказался? – удивился прокурор.

– Я здесь живу.

В третьем часу дня мы продолжили процесс. Он начался с моего вступительного слова. Так подобало бы говорить адвокату, но не судье.

– Уважаемые участники процесса, только что мы с вами побывали в доме ответчика, увидели ужасную нищету. Разумеется, мы с Майербеком не друзья. Но мне пришлось пойти на эту маленькую хитрость, опасаясь, что вы откажетесь идти на обед к ответчику по данному делу, и тогда не смогу показать вам жизнь этой бедной семьи, с которой мы еще собираемся взыскать 14000 рублей. До перерыва мы слышали мнение главного бухгалтера. Я бы попросил вас еще раз высказать свое мнение по данному вопросу.

– Сумму 14000 рублей мы отнесем к убыткам совхоза. От иска отказываюсь.

– Я полностью согласен с мнением истца, – сказал прокурор.

– Майербек, – обратился я к ответчику, – ты ничего не должен совхозу, он простил тебе нанесенный ущерб, можешь идти, обрадуй хозяйку. И скажи ей большое спасибо за прекрасный обед.

Малика Гайсултанова**Кавказ**

Люблю тебя, Кавказ, до слез, до боли.
Громады скал, цветущие луга...
Мне мило все, что связано с тобою,
Здесь ярче звезды, зеленой леса.

Люблю твои широкие просторы,
Ревущие потоки горных рек.
Я очарована твоею красотой
И влюблена я в этот край навек.

Люблю я ритмы пламенной лезгинки,
Разгульных, шумных свадеб голоса
И чудные глаза красавиц дивных,
Сводящих всех мужчин вокруг с ума.

Люблю до боли, до душевной муки
Твоих народов братьев и сестер.
Кавказ, с тобой не вынесу разлуки,
Горами рождена для этих гор.

Осенний лист

То ли люблю, то ли нет –
Я до сих пор не знаю.
В сердце моем – глаз твоих свет
Жизнь мою освещает.

Я у тебя любви не прошу,
Мне ничего не надо.
Только любить тебя я хочу.
Это мне будет наградой.

Любить тебя – тихо, молча навек,
Не ожидая ответа.
Мне хватит твоих опущенных век
И тихого слова привета.

Прекрасен и чист этот мир вокруг,
Он дарит мне вдохновенье.
Спасибо тебе, единственный друг,
За сладость редких мгновений.

Ноябрь. Последний осенний лист
Падает тихо на землю.
Воздух вокруг прохладен и чист
И мир любви нашей внемлет...

Догорела заря

Ночь. Тишина. Догорела заря.
В тусклом небе нависшем
Мерцает звезда.
Слышен шелест травы,
Нежный шепот листвы,
И в ночной тишине
Засыпает земля...

Отец и мать

Отец и мать. Отец и мать –
Священные слова.
Их доброту не исчерпать,
Она всегда права.
Есть от Аллаха благодать,
И истина одна:
Все ценное – отец и мать
До самого конца.

Чем мы взрослеем – ярче свет
Их любящих сердец.
Дороже их на свете нет.
Навек – мать и отец...

Костер

Когда ты смеешься – я радуюсь тоже,
По-детски с тобою смеюсь,
Когда ты грустишь,
молчалив и невесел,
Мой милый, тебя я боюсь.

Ты лишь не молчи,
говори мне о многом,

Что я не сумела сказать,
Мы только вдвоем
 в этом мире огромном,
Я, ты – и желанная страсть.

И поднявшись наверх, на высокую гору,
Где нет никого, кроме нас,
В костер, негасимый сердца свои бросим,
И вечно он греть будет нас.

Там где-то в горах шумят водопады,
И пепел летит на ветру.
Стихи и любовь – вы сердцу отрада,
Я вас посвящу – одному...

Весна в Ачхое

Вновь апрель. Наступило весеннее утро,
Поднимается солнце от теплого сна.
Просыпаются к жизни и город, и хутор,
Чтобы пить чашу жизни до самого дна.

И Ачхой оживает. Веселые звуки
Наполняет дворы и дороги вокруг.
Кто спешит на работу, кто зевает от скуки,
Кто вдогонку за счастьем устремляется вдруг.

Вдоль широкой Фортанги, по вешней траве,
Я бегу, как девчонка, навстречу судьбе.
Это счастье такое – солнце, воздух Ачхоя,
И за это, Всевышний, спасибо тебе!

Все здесь сердцу знакомо и мило до боли,
Мне так дороги эти родные места;
Здесь впервые я встретила как-то с тобою,
И была та любовь и светла и чиста...

Муса Арсанукаев

Одна ошибка

Раньше, в далекие и счастливые дни детства, я часто приезжал сюда. Тогда это было большое село, и называлось оно Устрада-Эвла. Но, когда здесь построили заводы, высотные дома и село сильно разрослось, да так, что люди из одного конца не знали своих односельчан из другого конца, возник молодой город Аргун.

Мои родственники по матери жили в селе Устрада-Эвла на тихой, тенистой улице, где были небольшие белые домики, а перед ними фруктовые деревья. Каждый

год на летних каникулах мама привозила меня сюда. У нашего дяди, маминого брата, не было своих детей, и мой приезд для родственников был желанным. Каждый наш с мамой приезд был каким-то особенным днем, праздником в доме нашего дяди. Он – участник Великой Отечественной войны, грамотный и умный человек – никогда не просил для себя и своей семьи каких-либо привилегий у власти. Был скромен, трудился на стройке. Я очень любил дядю, мне нравились его прямота и искренность.

Каждый раз, когда мама собиралась меня забрать с собой домой после одного-двух дней нашего пребывания в гостях, дядя ей говорил:

– Хута, оставь мальчика у нас. Ты же видишь, ему здесь нравится, у него появились друзья. Мы будем смотреть за ним, оберегать. Ко всему, он научится хорошо говорить по-русски, ведь почти все его друзья русские ребяташки. Ему же легко будет учиться в школе, если он усвоит этот язык.

– Ты прости меня, Вави, что я тебе говорю о нем (моя мама называла своего брата Вави, поскольку он был старше ее, и она соблюдала чеченский этикет). В последнее время мальчик очень балованный и непоседливый, я боюсь, что он набедокурит здесь.

– Не бойся, Хута, ничего не случится. Мальчик должен быть шустрым, иначе что он за мальчик? Оставь Мусу у нас, тем более, он этого очень хочет.

Да, конечно же, мне очень хотелось остаться на время каникул у дяди. Я любил этот дом, своих родных, это замечательное село и нашу тихую улицу. Мне очень нравилось проводить здесь время со своими друзьями. Мы играли на окраине села в футбол, купались в мутной воде Аргуна, а вечерами лазили в чужие сады за фруктами. Вряд ли это последнее занятие одобрил бы дядя. А бабушка, мой бессменный сторож, вообще была бы страшно огорчена. Но, слава богу, они о моих проделках так и не узнали.

Но было еще одно любимое увлечение, ради которого я и хотел остаться в Устрада-Эвле – посещение летнего кинотеатра. В те далекие времена были такие помещения без крыши, где показывали кино. Какое же это счастье было для меня, мальчишки, который в своем горном селе и в глаза не видел летнего кинотеатра и редко когда имел возможность сходить в кино в стареньком захудалом клубе!

Конечно же, на вечерние сеансы нас, малолеток, не пускали. Но все же мы смотрели фильмы с таким же успехом, как и те, кто находились в зале. Рядом с кинотеатром росли большие фруктовые деревья, вот они и были нашим «летним залом». Взрослые часто сгоняли нас оттуда, но, как только они уходили, мы опять, как мартышки, взбирались на ветки. Когда показывали особенно интересный фильм, ребят на деревьях бывало очень много, стоял гвалт, как на большом базаре. Иногда ломалась ветка, и маленькие зрители с шумом падали на землю. Раздавался громкий смех тех, кто остался на ветвях, шум, гам и обсуждение этого происшествия.

А какие замечательные фильмы тогда показывали: «Чапаев», «Звезда», «Судьба человека», «Подвиг разведчика» и многие другие. И каждый хороший фильм для нас был праздником, который продолжался и на второй, и на третий день, потому что мы его обсуждали до самых мелких подробностей.

Однажды перед летним кинотеатром собралось огромное количество людей, в основном это были чеченцы, многие со своими домочадцами. Показывали картину «Я буду танцевать» – первый фильм на чеченском языке. Мы с друзьями были удивлены такому событию, ведь показывали фильм о великом танцоре Махмуде Эсамбаеве, притом на чеченском языке. Билеты в тот вечер не достались даже многим взрослым – что говорить о нас, маленьких? Но мы, как почти всегда это делали, залезли на деревья. Этот фильм все смотрели с особым восторгом: он же о нашем великом Махмуде, который был известен во всем мире. Как же мы были горды за него!

В тот вечер моя бабушка, которая пришла за мной, была очень удивлена, увидев огромную толпу, выходящую из кинотеатра. Она держала меня за руку и смотрела на проходящих мимо людей:

– Иншаалла! Столько людей вместе я видела только во время нашего выселения. Что же здесь происходит? Все эти люди пришли посмотреть на этих шайтанов из кино? (Она называла шайтанами тех, кого показывали в кино).

– Баба, это же фильм об Эсамбаеве на чеченском языке!

– На чеченском? Об Эсамбаеве? Тогда это кино и я бы посмотрела.

Мы пошли домой. У бабушки в руках была большая палка на тот случай, если вдруг на нас нападет собака. Бабуля моя была легкая на подъем и очень подвижная, так что мне всегда приходилось почти бежать рядом с ней.

Вообще, я часто доставлял ей хлопоты своим поведением. Мне и в голову не приходило, что мои родственники будут так обо мне переживать, беспокоиться и искать, куда я запропастился. А бабушка меня искала по улицам, по окраинам села, по местам, где мы, пацаны, обычно купались на речке, по совхозному саду – в общем, везде, куда могла ступить наша неуправляемая детская стопа. И, надо сказать, она меня находила! Где и когда угодно и в самое неожиданное время! Правда, она меня не ругала, не била, а только упрекала.

Однажды я совершил поступок, который остался в моей памяти как вечная вина перед моей любимой бабулей. В тот день я отправился с мальчишками с нашей улицы на железнодорожную станцию. Я и раньше бывал на этой станции много раз. Мне здесь очень нравилось: тут царила какая-то неведомая мне жизнь, какие-то неизвестные, непостижимые тайны. Я мог подолгу наблюдать, как через станцию проходили поезда – зеленые и красивые, они везли пассажиров из далеких краев, и закрытые, тяжелые, эти везли различные грузы.

Мы с ребятами смотрели на поезда и мечтали: «Вот бы нам прокатиться на таком красивом поезде... Едешь, смотришь в окно, а там такая красота –

большие кривые города и села, зеленые луга, а на них пасутся пестрые коровы, люди стоят и машут проезжающим. Вагоны перекачиваются, как детские ясли, а рельсы на стыках мелодично стучат: «так, так-так». Да, это была наша мечта – прокатиться на поезде, увидеть далекие края...

– Муса, поехали до Джалки, вон электричка подъезжает, – сказал в тот день мой сосед Вова.

Я на минуту задумался: как быть, стоит ли? Но решающую роль сыграла мальчишеская бесшабашность – пусть будет, что будет! В наших кругах не принято было отступать, иначе тебя посчитали бы за труса. А проявить слабость – значит лишиться уважения друзей, товарищей. Поэтому порой мы готовы были на самые неразумные поступки, лишь бы не приняли за слабака, маменькиного сыночка. Да, по таким жестоким мальчишеским законам мы тогда жили.

На нашей улице в Устрада-Эвле жили чеченцы, русские, корейцы. Мы, ребята, жили дружно, редко когда ссорились. А если такое случалось, старались сразу же помириться.

Когда сосед Вова предложил прокатиться на электричке, я сначала задумался – какие могут быть последствия? Но мальчишеское озорство сыграло свою роль:

– Давай прокатимся! – согласился я.

Как только электричка тронулась от платформы, мы зацепились за поручни подножек и в висячем положении покатали в неведомое. Поезд шел медленно, словно машинист боялся нас по пути уронить. А мы висели на тех же поручнях, как груши на ветке.

Я смотрел на убегающую из-под ног землю и считал себя чуть ли не героем: «Как здорово! Вот это да!» Мой друг Салман заметил, что я смотрю на землю и сказал:

– Муса, не смотри на землю, а то голова закружится!

И вправду – что-то голова стала кружиться, все вокруг начало двигаться, качаться. Я крепко ухватился и поднял голову вверх. В окне тамбура стояли люди и что-то живо обсуждали, показывая на нас. Видимо, они были нами недовольны. Конечно, они ругали нас за то, что мы рискуем нашими юными жизнями.

Скоро поезд подъехал на станцию «Джалка». Пока он остановился, мы быстренько соскочили с подножек и побежали в сторону леса. Правда, погони за нами не было, так что напрасно мы волновались.

В Джалкинском лесу было здорово: красивые высокие деревья, большие поляны, мягкая трава, чистые ручьи, необычно свежий, приятный воздух. Мы долго бродили по незнакомым местам, осваивая здешние «достопримечательности», выкупались в речке, поели ягод и наконец выбрались обратно на станцию. Путь домой нужно было совершить таким же способом, как и сюда.

Усталые и голодные, мы сидели на платформе в ожидании электрички в сторону Устрада-Эвла.

– Муса, глянь, твоя бабка идет! – сказал кто-то из ребят.

– Где? – я посмотрел по сторонам.

– А вон – по шпалам идет...

Я посмотрел на рельсы и увидел, как по шпалам тяжело шагает моя бабушка. На ее голове был большой платок, концы которого она забросила наверх, а в руках неизменная палка – та самая, которую она брала, когда отправлялась на мои поиски.

В жаркий летний день она прошла от Устрада-Эвла до Джалки по железной дороге пешком, не смотря ни на что, только для того, чтобы найти меня и вернуть домой – живым и здоровым.

Я пошел ей навстречу... Каждый свой шаг я совершал сгорая от стыда и укоряя себя. Сейчас только я понял, какой безрассудный и глупый поступок я совершил... Бабушка шла тяжело, она очень устала и напряженно дышала. По ее побледневшему лицу катились крупные капли пота.

– Баба, прости меня... Баба! – я подошел и обнял ее.

– Ничего, ничего, мой хороший... Я тебя простила, – ее голос был очень слабый, видно было, что дорога далась ей нелегко. – Обещай мне, что больше без спроса никуда не пойдешь.

От жалости к ней я заплакал:

– Нет, Баба, я никуда и никогда не пойду без спроса... Ты только прости меня.

– Хорошо, мой дорогой. Бабушка боится, что с тобой что-нибудь случится. Если ты поранишься, покалечишься, что мы будем делать?

Бабушка вытерла мои слезы своим носовым платком и сказала:

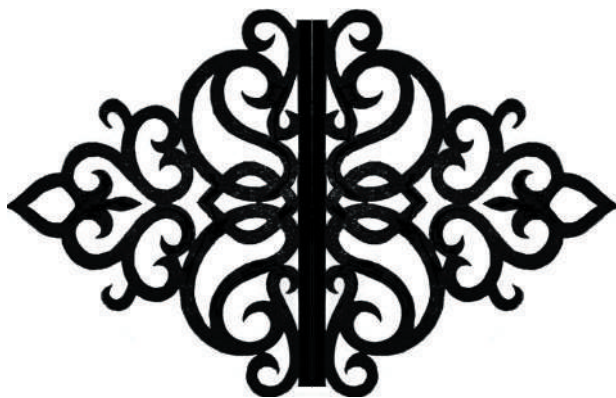
– А вот плакать не нужно. Мужчина не должен плакать. Слезы – это удел женщин.

Мы вернулись на станцию. Мои друзья куда-то пропали. Видимо, они испугались, что моя бабушка станет их ругать. Не отпуская моей руки, бабушка повела меня к билетной кассе, купила нам билеты на электричку.

Обратный путь мы проделали в вагоне поезда. Я живо уплетал еду, которую Баба купила на платформе. А она смотрела на меня, улыбаясь, и подавала мне то огурец, то хлеб, то картошку. И мне казалось, что ничего вкуснее я раньше не ел.

После этого случая бабушка никуда меня от себя не отпускала до тех пор, пока за мной не приехала мама. Я и сам не собирался уходить из дома без спросу. Мне было очень стыдно перед ней и дядей за свою ошибку.

Прошли годы. С тех пор многое изменилось. Я и сам уже далеко не молодой человек, но во мне до сих пор живет чувство вины за свой тогдашний детский поступок.

Дебют**Казбек Шарипов**

Шарипов Казбек вина 1971 шарахь Ножин-юьртан к1оштарчу Шобнахь. 1988 шарахь дашочу мидалца чекхйоккху юкъара ишкол. ЧИГУ-хь йолчу къоначу физикин ишколехь доьшу 1988-89 иш. 1989-91 шерашкахь – армехь. Цул т1аьхьа чекхйоккху искусствон училище. Болх беш ву А. Шахбулатовн ц1арах йолчу 1едалан филармонехь. Нохчийн а, Г1алг1айн республикийн хьакъволу артист. Нохчийн республикин искусствон хьакъволу белхало. Иллиалархо, поэт, композитор. Ши б1е сов эшаран автор.

Хьаькхначу цу мохо хьан дешнаш довдийна даьхьи,
Кхин кхоам ца хеташ, къона сан кийра ахь аьхьи.
Хьо хьенах 1еми-те сел атта и дешнаш ловзо,
Я мила хилла-те к1оршаме хьо 1амо говза?

Кхоссинчу хьан дашо малх лачкъош дуьне а кхолий,
Кхин т1алам ва боцуш ахь дахар дохор д1адолий.
Со наб еш хилла-те, сайн хеннахь хьо йовзар доцуш,
Хьо говза хилла-те, са 1ехош, мила а лоцуш?

К1оршаме хьан матто х1иттийна г1аланаш йохий,
Ц1ехьхана сиз хьокхуш цхьа башха некъах а вохий.
Хьо х1ун дан йоллу-те х1иллане хьайн маттах тешна,
Я суна гур ду-те замано хьан амал хьаьшна?

Сатийсам белира дахаро суна.
Ца хобтуш безамо лецира дог.
Ма дарра,и дерриг хаьий те хьуна,
Лозий те, сан санна, хьан дог а сох?

Мелла а дахаран мах х1инца хиьна,
Хьан дуьхьа вахар ду сан дагна товш.
Хьуна бен сайн ойла хаа ца лиьна,
Мел хьоме ду суна хьан х1ора дош.

Экаме ду хьуна безаман некъаш,
Безамо не1 тоьхча деллалахь дог.
Барт болуш хилча бен иза ца хьекъа.
Варийлахь, ларделахь безаман дош.

Хьан деган нур хилла вехар ву хьуна,
Хьан хазчу дахаран накъост ву со.

Кхин дукха бакъонаш ца оьшу суна,
Хилчхьана ас йийрриг ойла еш хьо.

1емина х1илла

Со 1ами х1илланех ловза,
Сан хабар х1инца ду говза.
Ца хууш х1ума дац суна,
Хьо тешо говза ву хьуна.

Ахь боху со хийцавелла,
Аз-илли сан хийцаделла.
Къайленаш хууш яц вайна,
Ткъа тахна со хьобца тайна.

Ца дешна хьуна ас жайна –
Говзалла хьобгахь ма гина.
Х1ун дер-ткъа, хьо ловзуш хилча,
Ца волу со а ца тилча.

Бераллийн г1ан

Декара и берийн абзнаш,
Хезара уьш ломахь даьржаш.
Къаналлин оганаш херцош,
Бералле со юха верзош.

Вохура бераллин ирзе,
Кхойкхура дахначу ирсе,
Хьобстура дай куьг а хьобкхуш,
Бераллин хаза йиш лобкхуш.

Зезагех ага а дина,
Техкавеш, хьомениг вина,
Нанас сан мерза наб ларъеш,
1алам а туьйранах тардеш.

Шийлачу шовданан хишца,
1абийна, ц1анбина кийра.
Стоьмаша даздина дитташ,
Хетара сайн дуьхьа кхийна.

Яхлолахь, х1ай мерза буйса,
Дахлолахь, х1ай мерза туьйра,
Виталахь,сама ца воккхуш
Хьомсарчу ненах ца воккхуш.

Декийта и берийн абзнаш,
Хазийта уьш ломахь даьржаш,
Къаналлин оганаш херцош,
Бералле со юха верзош.

1аьржа и хьарг1анаш т1обхула хьийзаш,
Десачу лаьгта т1ехь меца мох ц1ийза.
Бусулба хьайн ваша лахара хетта,
Маржа-я1 вон лазар ду хьуна кхеттарг.
К1антана йоблхучу ненах ца 1ебаш,
Делан кхел хир йоцуш санна хьо лела.

Да воцуш бисина доьзал а кхобуш,
Турпалчу ненан дог махкана догу.
Ийманехь нисбина барт болчу кхерчахь,
Вовшашца йолу уьйр хир ма ю мерза.
Хьовсийша ма хаза ду церан кертахь,
Бахьана цхьаь ду-кха – беа уьш бертахь.

Адмалла ца диссал карзаха ваьлла,
Ведда хьо,1ожаллех вер вара аьлла.
Цхьа жимма собардай, д1а-схьа б1аьрг тоха,
Хьо санна волчунна гур ахь ма бог1а.
Хьан даге хьаьбжжина хир ду хьан терза,
Къинойн барз ца гулбеш иймане верза.

Дуьненан къайленаш 1илманца йовза
Лиьнаверг хир ву-кха дахарна говза.
Дешарца, йозанца доьналла гайта,
Бодане кхин цкъа а эша ца вайта.
Хьекъале волчунна дуьне ду сирла,
Вуьсур вац и саннарг дахарах тилла.

Х1ай адмаш, сан лаам кхайкхабе махкахь,
Маьршачу кханене шуьйра г1улч яккха.
Диканиг айьина, вон гена дохуш,
Маьждигаш дузалаш Делан некъ лохуш.
АЛЛАХ1 бен цхьа а вац къинхетам беа,
Дуьненахь барт-ийман ч1аг1далар деха.

Мадина Абдулвагапова

Миниатюры

Мечта

Есть такие мечты, которым не суждено сбыться никогда. У всех, наверное... Первая – это когда ты мечтал эту мечту, мечтал. Даже, может быть, год целый или нет... Много лет мечтал... А потом вырос из нее. Не сбыл себе ее по каким-то причинам, а теперь поздно... Не в смысле «поезд уехал», а просто не нужно уже... А в тот момент, когда мечтал, ты даже не подозревал, что она того... Ну, никогда... Но грусти нет теперь совсем. Просто у тебя что-то лучше уже есть, чем то, о чем мечтал...

Или когда мечтаешь, но заведомо знаешь, что тоже... никогда... Но от этого она не тает и не становится черно-белой... Просто хранится в глубинах памяти, как те старые фотоснимки, которые вытаскиваешь в минуты ностальгии, пытаешься вспомнить, какой ты была тогда...

А тогда, много лет назад, я была неуклюжей девчонкой и ходила каждый день в школу... И для того, чтобы пройти по своему маршруту, я выходила на нужной остановке и заворачивала в цветочный пассаж... Это такая крытая улица. Там тепло и много магазинчиков, торгующих цветами. Там всегда так пахнет! Ммм... представляете, целая улица цветов...

Рано утром девочки-продавщицы открывают свои магазинчики. Принимают цветы у поставщиков. И начинают свою работу... Там у них обязательно есть маленький чайник. Они кипятят воду, достают свои кружки с сердечком и надписью *i love you*... Или нет, желтенькую, с зайчиком, и зайчик такой, с большими ушками, на ней.

Они заваривают себе чай или растворимый кофе. Кричат друг другу: «Мариша, привет! Я вчера пекла пирожки, приходи ко мне в обед чай пить...» Они пьют свой чай-кофе. А затем выставляют цветы и делают букеты. Я бы могла бы, да, могла... Я бы была той Маришей и делала букеты... Я бы их ооочень красивые делала и продавала...

Но даже тогда, много лет назад, я понимала, что никогда не буду Маришей, и букеты здесь делать не буду, но мне очень нравилось мечтать об этом...

И до сих пор я иногда думаю о букетах. Теперь я могла бы работать в цветочном магазине, но это не то... Это не Мариша с пирожками и букетами... И не то, чтобы я фанатично любила цветы. Любила бы настолько сильно, что связала бы с ними жизнь. А это именно такая минутная мечта, продолжающаяся всю жизнь... Я каждый раз думаю об этом, когда иду по цветочной улице и становится как-то грустно... Грустно, но светло...

А еще мечта такая, ее можно прямо лозунгом – ХАММЕР НАВСЕГДА...

Да-а... «Хаммер» – реально мечта навсегда... Я восхищаюсь этой машиной с тех пор, как впервые увидела. Тогда, конечно, я могла его увидеть только по телевизору или в журнале каком-нибудь, в статье про светскую жизнь американских рэпперов.

Даже помню, как первый раз увидела его живую. Это было что-то... невероятное... Я знала, что буду хотеть его всегда. Вот про эту мечту я не догадывалась, что она так и останется мечтой и, конечно, не знала, почему так...

Тогда «Хаммер» был финансово недосыгаем, как, впрочем, и теперь, и тем привлекал еще сильнее. Возможность купить мечту... Останется ли она

мечтой или на ней уже будет огнем гореть этот ярлык, ценник, стирающий ее сущность... Что вы об этом думаете?

Я, конечно же, залезла в «Хаммер», когда мне впервые представилась такая возможность. Не в простой, а в хороший. Да-а... Разочарование было велико... Нет, даже не так... Я все так же смотрю на него, открыв рот, если встречаю где-то на улице. Но в тот момент я вот прямо сидела в нем и слышала, как она умирает... Мечта... С каждым моим движением... «Хаммер» оказался чудовищно неудобным... Машина, разработанная для военных. И нет, нет... Претензий никаких, о вкусах ведь не спорят. И как бы это сказать... мечта умерла – будет неправильно. Мечта осталась... Умерла та ее часть, которая отвечала за воплощение. За физическую часть... А мечтательная мечта осталась. И я понимаю, что не будет у меня «Хаммера» никогда, но не грустно от этого.

Я хотела бы говорить правду, только правду, но всю правду не скажу. Последняя правда останется со мной, потому что никому, кроме меня, она не нужна.

Мы созерцаем звезды по двум причинам: потому, что они сверкают, и потому, что они недостижимы. Потому, что еще есть мечты, которые дают нам другие люди... Но эти мечты никогда не сбудутся, потому что это мечты других людей. Но это уже совсем другая история...

Полчаса до рассвета

Шаг.

Еще шаг...

Большой парк. Темная аллея, теней переплет открывает двери воображению... На плечо падает желтый лист. Вдалеке поет одна лишь птица, воздух окутан каким-то дымным туманом, сквозь него пробивается луч солнца. Первый. Смотрю вверх – там белки... Темно-рыжий мех, бусинки глаз, быстрота и изящность в миниатюре.

Шаг. Еще шаг...

Хочу, чтобы время остановилось.

Хочу, чтобы мысли не ускользали.

Хочу поймать ветер и не отпускать...

Запах осени... Вкус холода... Прикосновение грусти... В этих чувствах нет чистоты зимы, нежности весны, отчаянности лета и безнадежности осени. Они просто не зависят от времени года.

Ускоряю шаг. Задеваю ногами листья, ломаю, спотыкаюсь... Ломкий хруст, шепот госпожи Осени, обрывки рваных мыслей складываются в неровные строчки:

Отпусти меня в последнюю дорогу...

Пророчь мне счастье, но с другим, и грустно спой про то,

Как тяжек путь, про весну, про разлуку, про бывшее...

Отпусти ладонь мою, не осуждая...

Мольбой не удержать тебе меня, пусть это будет воздаяние,

Любви несбыточной исход... Моя боль больше не принадлежит тебе...

Холод в правой руке. Разжала пальцы – на землю полетел лист, желтый лист, упал у носка ботинка и замер. Остановилась. Думаю о доме, подоконнике, пледе и чем-нибудь горячем. Нет уж, хватит заезженных сценариев: никаких кружек кофе, томиков Бодлера и шизофреничных мыслей. Не жизнь, а плагиат... Подражание глупости... Голод – это первое, тяжелая, хроническая усталость – второе...

Мой новый друг посоветовал мне новое лекарство – сон...

Зайду в обуви, разбросаю вещи по всему дому, обязательно потеряю шарф, выкину записку с номером телефона психолога, случайно разобью тарелку и съем все, что найду – просто буду собою...

На двери записка скотчем: «Снимать маски...». Наконец-то я дома... Рассвет, мон ами, до встречи...

Покой и независимость.

Легкое дыхание.

Эффект Вешалки

С утра настроение под ярлыком с надписью «дождь»... День выдался серым, и небо не предвещало проблесков солнца... А потому меня опять безнадежно затянуло болото меланхолических размышлений.

Что стоит ночь без сна?!.. Что стоит день без мечты?!.. Что стоит одиночество без конца?!.. И жизнь без любви?!..

Как часто мы ошибки совершаем... Эта фраза преследует меня все утро.

Вокруг сотни тусклых лиц... «Пополните баланс» в последней смс, белозубые улыбки на гляцевых страницах, памятные фотоснимки в дурацких рамках, кривые сердечки на тетрадных полях, родительский голос в телефонной трубке, кнопка «очистить корзину» под курсором мыши, холодные хлопья в ладони... И вечное, неугасимое, неистребимое: «Завтра будет лучше».

Скорее бы добраться до университета, отбросить все лишние мысли и окунуться в суету учебного дня – так гораздо легче переносить осень. Осень, заболевающую зимой.

Есть у меня и другое маленькое развлечение – это наблюдение за незнакомыми людьми. Суть сводится к тому, чтобы определить, что это за человек, предугадать, что у него в мыслях... Есть ли у него проблемы или все отлично, и он счастлив...

Человек часто может контролировать свою мимику и выражение лица, если хочет показать, что у него все хорошо. Но глаза не поддаются контролю. И первым показателем счастья являются тонкие золотистые лучики вокруг зрачка. Не знаю, но у меня есть подозрение, что слово «лучезарная» пошло как раз от этого. Хотя, как правило, такие люди одновременно излучают некую невидимую энергию и сразу выделяются из толпы.

Но я увлеклась предисловием... Речь здесь пойдет не о том...

История банальная. Женщины – странные создания, порой трудно понять, что им от жизни надо. Эта мысль пришла мне в голову в момент наблюдения за той самой сегодняшней компанией, где находилась одна пара, наблюдая за которой я уже не в первый раз увидела модель поведения, которую проходит, по моим наблюдениям, практически 95% всех влюбленных женщин. Эту модель поведения я называю «Эффект вешалки»...

Суть заключается в том, что девушка... влюбленная девушка... настолько жаждет раствориться и слиться в единое целое со своим возлюбленным, что просто вешается на него... В переносном смысле этого слова...

Желание постоянно быть рядом, проводить вместе все свободное время... Игнорировать и всячески протестовать против друзей (особенно его) и увлечений, хобби (опять же его – ну вы знаете – футбол, компьютерные игры, музыка, бильярд)... пытаться занять всю его жизнь собой.

С этим сталкивался, наверное, каждый парень, и, уверена, каждая девушка может и про себя такое сказать ... ну, или почти каждая.

Как поет Овсеенко: «Был бы милый рядом, ну а больше ничего... ничего не надо...»

По сути, это зависимость... понятно, что рожденная влюбленностью, но тем не менее приносящая подчас весьма отрицательные последствия... и ломающая отношения... Потому что если дама вовремя не остановится... ее становится слишком много... и... это быстро надоедает...

А может быть, это внутренние комплексы? Или нереализованность?..

Хотя, вряд ли... Потому что я знаю много весьма успешных людей, в то или иное время пребывавших в этом состоянии... Так вот, сегодня я наблюдала, до чего может зйти девушка в этом своем стремлении быть всегда и везде рядом с «милым». «Эффект» весьма хорошо воспроизводила одна юная особа – высокая красивая темноволосая девушка с капризными чертами лица и напряженной улыбкой... в отношении своего невеселого и уже порядком уставшего от нее кавалера.

Порой я могу подойти к совершенно незнакомому человеку и предложить что-то безумное и невероятное, но бывает и так, что даже не осмеливаюсь поднять глаза и посмотреть на того, с кем хорошие и теплые отношения... Но именно сейчас мне почему-то вдруг так и захотелось подойти и сказать ей: «Не надо, не говори, не делай этого... Загляни в его глаза: что ты сможешь в них увидеть? Ничего! Они пусты... Твои попытки найти в них отражение своей судьбы тщетны... Пустота не несет в себе ничего... Ни боли, ни страха, ни ненависти, ни любви... Но она может обмануть... Точно так же, как пустота в твоих глазах зачастую обманывала тех, кто заглядывал в них. Не может быть?.. К сожалению, это так... Поэтому закрой свои глаза и уходи, уходи с закрытыми глазами навстречу своему счастью... И не смотри на то, что осталось позади».

Адам Салаханов**Зов могилы**

Рассказ

Каждого из нас ждет кто-то или что-то – неизвестно где. Даже на собственные похороны лучше не опаздывать.

В одном, не важно в каком именно, селе скончался человек. Но земля не дождалась в тот день своего омолаживающего удобрения. То ли похоронная процессия не уложилась в срок, то ли умер он не вовремя, а может быть, и могильщики слишком пассивно орудовали лопатами. В общем, могила осталась ночевать в одиночестве. Голод праха... Ну, или наоборот.

Мимо того кладбища маленький пастух гнал свое стадо домой. Земной пылесос с наступлением сумерек встал на функцию «оп»: самый любопытный козленок забрел на кладбище и угодил в эту могилу. От неожиданности перемены пространства вокруг у козленка включилась сигнализация. На это «беканье» прибежал мальчик-пастух и сразу же приступил к операции спасения рогатого узника, почти как герой Сильвестра Сталлоне в фильме «Скалолаз». Так как уже обозначено «почти», сразу же можно догадаться, что в процессе эвакуации он сам «козлонулся» вслед за козленком – в тот момент, когда он, казалось бы, почти вытянул его, мальчик сорвался и на пару с козленком полетел в ту самую могилу... Незапланированно, но все же компанию он ему составил. И не только в роли сокамерника, но и в дуэте, в исполняющим оперу «SOS». Да еще и так вошел в роль, что ошарашенный его воплями козленок замолк в полном ступоре. Кто больше ценит жизнь?

Находясь на поверхности земли, когда он тянулся вниз в могилу за козленком, душевное состояние пастушка находилось на оптимистически приподнятом уровне. Видимо, мысль о вполне вероятной порке от отца за несбереженного козленка зарядила его адреналином. Но, совсем другое дело, когда ты в тесном, мрачном пространстве, снизу вверх пялишься в маленькое, квадратное и уже звездное небо. Мальчуган скулил, как раненый пес. В некоторые моменты, когда удавалось вдоволь набрать воздух в легкие, еще и вопил. И все это вместо припева между куплетами:

– Помогите! Кто-нибудь-удь! Вытащите меня отсюда! На помо-ощь!

Через час или два первым человеком, до слуха которого добрались эти позывные, оказался старик, проезжающий рядом с кладбищем на своей телеге. Услышавши крики, старик из-за всех сил дернул на себя поводья лошадки, словно ручной тормоз ГАЗ-53.

– Тррр! Стоять, Машка! – скомандовал он. Лошадь, которой только что чуть не свернули шею, удивленно оглянулась на хозяина, а тот с таким же взглядом уставился в том направлении, откуда доносился плач ребенка – в сторону кладбища. Детский плач на ночном кладбище, исходящий откуда-то из-под

земли. Такое не каждую ночь услышишь даже в наше предапокалипсическое время. Прислушавшись еще около минуты, старик прокричал:

– Человек ты или шайтан?

От неожиданного отклика мальчик завопил в ответ:

– Я человек! Пастух я! Случайно угодил в вырытую могилу! Вытащи меня!

В общем, выпалил все свои данные и координаты. Звучало весьма правдоподобно. Старик слез с телеги и, вероятно, с ностальгией по тем временам, когда в детстве играли на проверку храбрости – типа кто не сдрейфит пойти положить или забрать отнесенную предшественником шляпу на кладбище ночью – решил проверить, не прошла ли былая храбрость? Медленно подобравшись к говорящему голосом мальчика квадрату Малевича, старик вновь сделал уточнение:

– Говоришь, ты мальчик ... случайно угодивший в могилу?!

– Да, дядя, да! Конечно же, я мальчик!

– Ну, ладно... – старик присел на край могилы и запустил руки в ее тьму.
– Давай тогда выбиратья.

О том, почему мальчик не оповестил старика о своем союзнике – история умалчивает. Видимо, на радостях от предчувствия спасения, логика его переключилась на другую волну. И первое, что ему пришло в голову, это пропустить вперед козленка. Вовсе не джентльмен проснулся в нем, а та самая флешбэк-логика. Ведь из-за козленка он и оказался в этой заварушке.

Взяв козленка за задние ножки, мальчик рывком поднял его вертикально вверх. Прямо в руки старику. И при этом произнес:

– Вот, держи!

Поймав какие-то волосатые ножки с копытами, ошарашенный старик рефлекторно вытащил существо из черной квадратной тьмы под лунный свет. Но вместо ожидаемого лица мальчика увидел вытянутую волосатую морду с бородкой, чернящие глаза, вертикально заостренные уши и мелкие рожки между ними. И это после столь упорных утверждений, что в могиле мальчик-пастух, а не шайтан.

– А-а-а, – только и произнес шокированный старик.

– Бее! – проблеял козленок в ответ, почувствовав синхронный полет со стариком обратно в могилу – уже во второй раз за вечер...

P.S. Для первого хозяина той могилы было решено выкопать другую. Так как эта безусловно была суждена несчастному старику, которого вышеописанный фокус скопил инфарктом. В ней его на следующий же день и похоронили.

Тауз Исс**Философия жеста**

Каждая эпоха рождает свой жест, наиболее ее отображающий и характеризующий, и если присмотреться внимательнее, то и вобравший в свою незамысловатую пластику философию повседневной жизни. Эти зримые, каждодневные ритуалы живут в каждом обществе, народе, цивилизации, возникая из множества причин и явлений, из стихий и обусловленности данного времени и реалий и необъяснимого провидения.

Когда мы вернулись из ссылочного небытия домой, своеобразным символом этого возрожденческого времени возвращения был традиционный жест-ритуал, в котором отчетливо проявлялась душа народа. Спустя некоторое время старики дали определение следующему этапу – «Время ускорилося», а последовавший за ним период был назван «Последнее время».

Мы еще помним, знаем тот старый жест, ритуал. Когда здоровались не спеша, степенно и даже самозабвенно: рука в руке, щека к щеке и сердце к сердцу. В этом было приятие, взаимность, любовь. В этом старом, добром жесте читалось достоинство равных, спокойствие и умиротворение. Так могли здороваться только свободные от суеты и себялюбия люди. Следом начинался обстоятельный разговор, пересыпанный самоиронией, притчами и шутками. Человек выговаривал себя, освобождаясь и освобождая, собеседники в этой немудреной беседе (в который раз!) открывали для себя... вечность, и все суетное становилось мелким и преходящим. К сожалению, ушли и уходят последние носители этой традиции, и новое время привносит в повседневность новые торопливые жесты.

Поразительнее всего, наверное, полное соответствие времени и его пластики, вернее, тех, кто живет и участвует в нем. Да и как же иначе, если ритм и темп времени и задают, как видно, эту наглядную иллюстрацию философии жеста, ритуала, позы.

И рвется или соединяется связь времен?!

Часто, если не каждый день, попадаешь в неловкое положение. Человек протягивает руку, а твоя уже обнимает приветствующего, или же наоборот, и возникает пауза, неопределенность. Новый жест еще не настолько устоялся, чтобы стереть из памяти традиционный. Как он возник, почему и откуда пришел? Как известно, ничто из ничего не возникает и никуда не исчезает.

Помнится, этот новый жест возник выпукло и зримо на сломе веков, в начале второй войны. Время и события приняли настолько плотный ряд, что стало «некогда», и человеку, чтобы выжить, надо было успеть за событиями, а не события поспевали за человеком. Из этой лавины и возник, судя по всему, этот торопливый жест-крик, хватающийся, чтобы устоять, за воздух или ближнего. В который раз порвалась связь времен... Новый жест прижился так же быстро, как и возник, и до сих пор приживается, утверждается. Только «сего-дня», «сей-час» мы перевели дыхание, хотя по-прежнему находимся во власти синдрома непредсказуемости «последнего времени». И живем и торопимся наспех, отрывочно, ненадолго.

Вспоминается один утренний эпизод. Припозднившийся на работу молодой человек, слегка похожий на стилиста шестидесятых годов прошлого века, едва кивнув присутствующим, не спеша раскладывался на рабочем столе. По всему чувствовалось, что его волнует предстоящая встреча. И чем ближе становилось свидание, тем звонче звучал его голос. Наконец, после всех телодвижений он с головой ушел в экран ноутбука.

Мы все больше становимся непохожими на себя, уносимые стремительным потоком временных событий, эмигрируя уже не «в себя», а в виртуальные

миры, и все быстрее сокращается пластика жеста, сузившись уже даже не до «крика», а «клика». Все многообразие мира свелось к зеркалу дисплея, скармливающему потребителю нескончаемое зрелище, «информацию» вместо горизонтов и звездного неба. И время, пока мы сидим у мониторов, обрекая себя на неподвижность, сокращается до мгновения.

Не будем, однако, обижаться на время, легче обидеться на себя. И хотя бы мысленно попытаться исправиться. Ибо как же остаться собой, если не быть им?

Онтология тела

Пожалуй, мы и не думаем о том, что мы носим, и не знаем его, а носим мы всегда свое тело – всегда, пребывая в нем и во снах, и наяву...

1. Губы

Тяжелее всего нести губы, ибо за губами кроется язык, а за языком слово, а за словом молчание, а за молчанием единственная возможность сказать все... И поэтому тяжело носить губы: иногда они бывают непомерны от тяжести каждодневных молчаний, собирающихся в медленный крик. Сдержать его невозможно. И редок человек, смогший это сделать, сохранив мудрость молчания...

Губы молчат о том молчании, что всегда молчит внутри нас, и поэтому трудно нести губы. Они запечатаны этим молчанием. Губы рассказывают молчание молчанием и лукавят, когда разверзаются... Тогда за ними открываются пропасти и вершины... позор и слава... ложь и правда... Губы – затвор, граница, Голгофа, где слова умирают, не успев родиться... Рождение предугадывает смерть... смерть – рождение... если можешь, лучше пребывать за пределами молчаний в «нигде» и «никогда»... откуда все и произрастает...

Губы... печать... энергетическая точка, связующая нас с самими собой... с той внутренней тишиной... сущностью, о которой мы так мало знаем... разве что иногда догадываемся... первое и последнее слово принимают они...

Нет... не обо всем смогли смолчать губы... и не все смогли сказать... и никогда не смогут сделать ни то, ни другое...

2. Рука

Детская ручонка тянется из колыбели к смеющемуся материнскому лицу и осторожно трогает, щупая все лицо, словно рисует... или, пытаясь запомнить, запоминая... и затем, ликуя, вскидывается и долго машет перед материнским лицом...

Рука выводит первую букву... первое слово... тянется, тянется, порываясь сказать...

Рука, ежедневно дающая и берущая... рука-ладонь, рука-чаша... рука-кулак...

Рука, обнимающая... Рука, отталкивающая... Рука, водружающая знамя...

Рука в руке... Множество рук, взметнувшихся к небу, будто салют...

Правая и левая рука... как отражения друг друга...

Когда совсем плохо... человек берет лицо в руки и долго молчит... и лицо проясняется...

Руки-круг... Руки-мольба... Руки-полет...

Руки, сосчитывающие деньги и кладущие семя в землю...

И перед тем как отойти ко сну, рука в изголовье... С летописью дня и жизни...

Летопись длится дольше снов... дольше жизни... дольше времени...

3. Ноги

Как трудно мы становимся на ноги, и прежде чем сделать первый шаг и пойти, падаем и снова встаем, падаем и снова встаем, падаем и... падаем... И, наконец, встаем на ноги, прощаясь с колыбелью... вырастая на целую жизнь... Отныне мы всегда будем идти по земле... к горизонтам и небу... Всегда идти и идти, пока не дойдем до себя... И чем дальше будем уходить, тем больше нам будет казаться, что все дальше уходим от себя же... И все чаще будет просыпаться желание вернуться...

Тот, кто имеет крепкие ноги и ясный ум, дойдет...

Далеко-далеко... дальше детства и сказки... И совсем рядом... В каждом из нас... Искомое...

Сколько шагов от первого шага до последнего..? Вся жизнь? Вся мечта? Весь человек?

Ежедневно: миллионы шагов, миллионы судеб, миллионы ног, месящих землю, судьбу, счастье...

Мудрость языка и стихий

Время жизни всегда есть время удивлений... Разве не чудо этот грандиозный мир, в котором мы живем? Он созерцает нас так же, как и мы его... Мы миллионами глаз, а он – единым оком всех и сразу... И длится это дольше жизни всех... Смотри... Никогда не насмотришься... Никогда не поймешь... Никогда не забудется... Всегда в тебе живет и пульсирует этот вечный зов...

Разве не чудо вода, утоляющая нас в жажду... эта никогда не кончающаяся вода, уходящая рекой? Эта всегда держащая нас твердь земли? Этот невидимый воздух, дающий дыхание, насыщающий нас в каждое мгновение жизни? И этот завораживающий и согревающий нас огонь?

Четыре стихии окружают нас во все времена. Из глубокой древности люди допытываются, спрашивая себя и окружающий мир, состоящий из четырех стихий, пытаясь ответить на вечные вопросы: «Что же это такое?»

Большинство же из нас живет, не задумываясь над этими мудреными вопросами. Есть и есть. Пожалуй, ответ пришел бы сам по себе, если хотя бы одна из этих стихий перестала быть. И открылось бы всякому, что каждая из стихий и тем более все вместе взятые есть то, без чего не может быть жизни. И если мы хотя бы мысленно осознаем это, нам откроется одна из простых сущностей повседневного бытия, с ее составными элементами. Обыкновенная, можно сказать, заурядная и вместе с тем основополагающая истина.

Цивилизация и наука ответили на один из вопросов короткой формулой: H₂O. Вода, из которой мы состоим более чем из других стихий, свернута в лаконичное донельзя содержание. Сказать же, что такое земля, из чего она состоит, наука, видимо, несколько затрудняется. Воздух не менее загадочен даже для маститых ученых умов. Если же говорить о стихии огня, то она и вовсе сродни запредельной сущности. Человеческий ум вновь и вновь, возвращаясь к вечным вопросам, к попытке открыть мир, не переставал нарекать стихии именами и свойствами. Мир и стихии в нем, между тем, всегда были открыты и очевидны. И каждому в каждый из дней дано открывать этот мир заново.

Крайне интересно чеченское восприятие и определение жизненно необходимых стихий. Например, латга (земля) означает не только имя, но вместе с ним и прямое непосредственное предназначение, а именно способность стояния, держания, устойчивости. То есть язык вместе с именем дает определение о непосредственной Божественном предназначении одной из основных стихий.

Точно так же и даже в большей степени язык рассказывает о стихии воды (хи). При говорении слова «хи» горло производит булькающий звук, наподобие утоления жажды. Это, конечно же, точно подмеченное, вытекающее из

природы и предназначения стихии слово-определение, слово-смысл, а точнее было бы сказать слово-имя-смысл. Более того, при более внимательном рассмотрении, слово «хи», вероятно, возникло из понимания сущности не столько стихии, но и человека, и структуры его организма и таким образом здесь можно говорить о завершенности понятийного, философского и вместе с тем повседневного образа. Следовательно, можно говорить о двухсоставной гармоничной сопряженности мышления и языка с окружающим нас миром и его сущностными началами.

Точно такую же картину мы можем наблюдать и в следующем определении стихии воздуха. При говорении слова «хIаваъ» мы выдыхаем и в самой оконцовке коротко вдыхаем воздух, то есть само говорение слова производит жизненно необходимый ежесекундный акт дыхания, означающий вместе с тем стихию воздуха.

Одним из сакральных слов в чеченском языке является слово «цIе», означающее стихию огня и вместе с тем очаг. Оно входит в многосоставной комплекс : цIа-цIий-цIе-цIена (дом-кровь-имя-чистота). Оно же, слово «цIе», означает еще и имя человека как единицу свободной личности в свободном обществе. При произношении слова «цIе» слышится короткая вспышка, начальный звук огня, и в этом случае тоже мы видим полное соответствие языка не только предназначению стихии, но и ее действию, звуку. Такое органичное единство языка миропонимания и сущностей стихий, думается, крайне редко.

Сам по себе напрашивается вывод, что чеченский язык в своей философской природе в полной мере соответствует Божественному провидению, согласуясь с предназначениями всех стихий, гармонично объединяя весь бытийный круг, в котором и сам человек тоже, можно сказать, является стихией. И не эта ли стихия обязана жить в разумном согласии и мудрости со всеми остальными и прежде всего с самой собой?

Простому говоря, вечно вопрошающему человеку стоило бы быть внимательным к себе, к миру, к простым и очевидным явлениям: стихиям, языку, слову. Ценить и приумножать данное нам Творцом. И, прежде всего, ценить, понимать и уважать друг друга.

Война и Мир

Человек создан для жизни, мира и созидания. История человечества, между тем, пестрит датами войн, сражений и битв. Много сказано и написано о Войне и о Мире. И если попытаться определить природу Мира, то можно сказать, что это совершенно естественная Норма, исходящая из Закона Творения, начала Жизни. Война же, конечно, есть не что иное, как Разрушение данной Normы, существования самой Жизни, порядка и Мира, своего рода АнтиМир. Мир и Война – две крайности, где на одной смеется ребенок и благоухают цветы, а на другой взматается земля и льется горькое вино войны – кровь. Война есть отрицание Мира, самого факта существования Жизни, ее уничтожение. Как крайняя степень зла, она затмевает разум, проповедует смерть, парализует страхом.

Убивая другого, человек, прежде всего, убивает себя. Черта, за которой погибают оба – и убитый и убивающий – незрима и неотступна. В обугленном, раскаленном докрасна времени хоронится горячий пепел, прорастающий одиноким криком. Сколько их, взывающих о мире?

На исходе прошлого века в сознание чеченского народа, с устоявшейся календарной датой «до» и «после» депортации 23 февраля 1944 года, страшной вестью ворвалось 11 декабря 1994 года, а затем и 1999 год. Революция и две войны стали нашим неокалендарем на изломе веков и тысячелетий. Все опрокинулась, и время потекло вспять, вспоминая жизнь и звезды.

Мы живем после перестройки, после распада, после войны. Трудно

возвращение к миру среди всеобщей разрухи и самое страшное из разрушений – разрушение духовное. Но, по милости Всевышнего, он дарует нам исцеляющее Слово.

Оно, не погибая, издревле живет в народе, простое и вместе с тем великое слово – Маршалла. Это слово-послание передается из уст в уста и хранится в народе, и оно в свою очередь хранит народ. В нем заключено триединое жизненное начало: Машар (Мир), Маршо (Свобода), Могшалла (Здоровье). Без них немислима жизнь. И если быть внимательным к этому значительному и объемному слову, то мы поймем, что оно несет в себе глубочайшую философию народа, его бытийное мироощущение и смысл существования. В самом деле, без Машар (Мира) невозможна Свобода (Маршо), ибо там, где нет Мира, есть обратное, то есть война. Без Маршо (Свободы) нет и не может быть Могшалла (Здоровья), так как само отсутствие Свободы уже есть факт нравственной болезни, иными словами – это худшая из болезней. Без Могшалла (Здоровья) нет полнокровной жизни. Вот из этого триединства и сложено это удивительно цельное и многомерное слово – Маршалла. Оно ведет к Миру и Созиданию. И народ хранит Слово. Хранит и каждый день, каждый час, каждое мгновенье передает его из уст в уста, понимая его непреходящее значение и вещей смысл. И Слово живет среди нас с незапамятных времен, храня духовные высоты народа во всех его испытаниях. Это и есть наше Национальное Достояние – Бессмертное Слово, ведущее к Духовной Чистоте.

Испытание миром не менее сложно, чем испытание войной, потому как в войну человек отчетливо видит добро и зло, рассеченные войной, а в мирное время они смешиваются и порой трудно отличить первое от второго. Более того, иногда их можно даже перепутать. Для того, чтобы это не случилось нам на помощь снова приходит спасительное слово Маршалла. И во дни войны, и во дни мира оно, подобно Национальному Очагу, хранит в себе духовный огонь Народа, его нравственные ориентиры и вершины.

Нет сомнения в том, что после всех испытаний, выпавших на нашу долю, мы будем так же терпеливы, как были до сих пор, и впереди нас ждет Великое Национальное Возрождение. Для того, чтобы оно стало реальностью, нам надо трудиться, каждому на своем месте, с полной отдачей, в миру и в мире. В мире прежде всего с собой, со своей совестью, сердцем, душой.

Человек создан для жизни, мира и любви. Что есть мир без всеобъемлющей любви? Ведь и мир родился и жив любовью.

Война и мир, сопутствующие человеческому существованию, есть две противоположности. Как свет и тьма. Наверное, все испытания человека можно обозначить, как испытание на человечность. Остаться или погибнуть, как духовное существо. Каждому в каждом мгновении жизни дается право выбора. Слово за человеком.

Люди и вещи

Вещи живут дольше людей. Они остаются, когда уходят люди и тихо скорбят по ним, старясь где-нибудь в неприметных местах. Они еще живы, но уже покрываются пылью забвения. Каждый день они будут ждать и никогда не дождутся тех, кто ушел навсегда. И никто не знает, когда умирают вещи и куда они деваются. Они исчезают как-то незаметно, тихо и никто не плачет по ним, они уходят, будто и не было их, туда, откуда и пришли – в небытие. Когда живы и люди, и вещи, трудно порой понять, то ли вещи принадлежат людям, то ли люди вещам. С каждым днем мир традиций отходит на задний план, и на авансцене сегодня вырастает гигантский идол по имени Вещь. В чем же природа этого явления и что происходит в мире людей и вещей? Новое время несет с собой новые вещи. Их штампует всемирная фабрика из пластмассового теста, они движутся во всемирном конвейере, во всемирные маркеты. Одинаковые, как и все штампованное.

Если взглянуть на многоликий и всеобщий процесс вторжения вещей в нашу повседневную жизнь, то можно наблюдать достаточно резкий крен в сторону культа материи. Стремительно наступившая эпоха вещизма все больше и больше поглощает наше время, мысли и энергию. С каждым днем вещей становится все больше и больше. Они множатся, подобно выпущенным из ящика Пандоры существам, плодясь и размножаясь с пугающей прогрессией буквально на глазах. Кажется, уже не осталось ни малейшего вида деятельности человека от бытового до глобального, где не участвуют вещи. Гомо сапиенс создал образ жизни, в котором невозможно существование без тотального участия вещей.

Современная цивилизация, возникшая на основе знаний физических свойств мира и материальная по своему характеру, соответственно своему существенному началу занята бесконечным производством вещей. Так называемый западный мир преуспел в этом деле достаточно давно, и сегодняшний восток уже наступает ему на пятки во всеобщем процессе производства-потребления. Постсоветскому пространству выпала в этом всемирном процессе незавидная доля эксплуатации недр после былой гигантомании и перепроизводства единственной вещи – оружия. В производственной гонке, в которой закон конкуренции диктует жесткие условия, совершенствуется вещь и технологии ее делания. Человек же в этом процессе, набирающем все новые и новые обороты, постепенно становится чем-то вроде придатка. Попросту говоря, совершенствуется вещь, но не человек. Глобальный механизм существования цивилизации, пытаясь подменить собой многообразие мира, демонстрирует парад вещей, навязывая философию рынка, создавая тем самым духовный вакуум, где человеку отводится унифицированная роль производителя-покупателя-продавца – потребителя. Есть определенная опасность, что в тварном мире, заменяемом миром товарным, где и деньги стали товаром и предметом купли-продажи, сам человек может со временем стать некоей вещью и товаром, если уже не стал им. Словом, история вещи грозит закончиться для человека весьма печально. Она может подменить собой историю человека, очарованного вещью. Есть над чем подумать.

Больше того, и взаимоотношения людей меняющегося общества стали расцениваться с точки зрения голого прагматизма: «нужен-не нужен». Родство переходит в формальную сторону и подменяется интересами. Исчезает тепло, тайна, таинство жизни перед холодным расчетливым стандартом интереса и обладания. Нравственным и духовным идеалом становится покупательная способность вещей, выраженная в арифметическом количестве ассигнаций.

Вещи делаются для создания удобств и комфорта, но при этом отнимается слишком многое. Прежде всего, вещи отнимают у человека главный принцип жизни – движение. Возьмите любую современную вещь, будь то телевизионный пульт, машину, компьютер, мобильник – они отнимают у человека самое необходимое – движение. И, вместе с тем, дарят ему феноменальную возможность в преодолении пространства. Лежа на диване, человек имеет возможность смотреть сотни каналов телевидения, машина едет со скоростью сто и более километров в час, легким нажатием пальца письмо в интернете отправляется за тысячи километров, но сам человек при этом статичен, вещи выполняют его потребности. Роль человека сведена таким образом к потреблению и главным образом – к потреблению информации. Можно заметить, что наряду с развитием технологий и самой вещи развиваются и множатся потоки информации, в которых утопает человек, но сам он постепенно отходит на второй план, уступая место вещи и ее продукту – информации, ставшей товаром всеобщего потребления. Человек создал такой образ жизни, в котором главным мерилom становится дело его рук – вещь. И это все более напоминает некую разновидность идолопоклонства.

Образы времени, жизни и человека, судя по всему, диаметрально разошлись. Духовное, создав из него культ, начинает поклоняться бездуховному. В обмен на так называемый комфорт и инфо, украшенные громкими и красивыми

словесами, человек лишил себя движения, развития, мыслетворчества, равновесия, мира. И даже это показалось мало в лабиринтах иллюзий и блужданий. Следом разрушается слово. А это страшнее озоновых дыр и парникового эффекта.

Человек посылается в мир, где есть все необходимое для жизни: земля, вода, воздух, огонь. Имеющий глаза может видеть и небо. Если выйти ночью и посмотреть в звездное небо, там все написано. Все написано в каждом из нас, в каждой былинке и в каждом существе, в которых звучит всеобщая симфония мира.

Меняются эпохи, времена, притязания, мода, вещи. Человек остается, формируя образ жизни той или иной эпохи, человек остается движущей единицей истории. Сегодня, как никогда раньше, познав окружающий себя мир, человек разумный создал ситуацию, в которой фетиши затмили человека. Не слишком ли дорогая цена в иерархии ценностей, где Всевышним раз и навсегда определено место человека?

Родители

*Теперь вы так далеки,
Как голоса всех журавлей,
Всех прошедших осеней...*

Когда уходят родители, в мир приходит странная тишина. До сих пор от них уходили и возвращались мы, а теперь, чтобы никогда не вернуться, ушли они. С горькой правдой их будущего ухода мы свыкались, не желая верить в это. Теперь, когда эта сиротская тишина длится, не кончаясь, перелистывая дни и годы, полные их душевного света и тепла, когда нет возврата к былому, снова и снова понимаешь, осознаешь утрату. И не можешь постигнуть. Тогда казалось, что счастье будет бесконечным и что они всегда будут с нами. Время... нет, целая вечность ушла с тех пор, как они ушли, оставив все нам: и молитву, как труд, и труд, как молитву.

Тогда мы уходили всегда смело, зная, что за нашими спинами стоят они, ожидая нашего возвращения, теперь мы и уходим и возвращаемся одни. Вся жизнь, все дороги, все надежды и чаяния и в этом и в том мире связаны с ними. Они и теперь охраняют нас.

Сбылись все их предсказания. Они рассказывали нам себя, но мы были оглушены временем. Как прост и немудрен был образ их жизни, в котором выпало столько испытаний, что хватило бы и на десять поколений. Они всегда с благодарением встречали и провожали солнце, всегда во все дни и ночи жили в чуткой благодарности ко всему живому, оберегая, храня, приумножая. Чистым и незапятнанным был их мир. И жили они не временем, а вечностью.

Нам осталось молчание, в котором хранятся их далекие и близкие образы, и чем дальше во времени, тем они ближе. Молчание хранит их в этой долгой тишине. В ней мы слышим их праведные слова, оставленные нам как завещание. Не часто мы помним их, покрываемые коростой преходящего времени. Годы запутались в тысячелетиях, датах, безвременье.

Они ушли, несломленные, на сломе веков, на сломе тысячелетий, эпох. Оттуда, из прошедших времен, преодолев все тяготы и неправду, они донесли до нас святую Веру. С ней мы не заблудимся, не затеряемся, не исчезнем, пока стоит мир и длится жизнь. Каждый день мы видели их молчаливую, неустанную работу на этом Пути. Они были хорошими учителями.

Снова и снова приходится удивляться их терпению, искренности, открытости – исчезающим в наше меркантильное время качествам. Всегда сверяешься с ними, думая, как бы они поступили, что бы они предприняли в каждом из случаев. Уроки их длятся, помогая в каждую минуту быстротечной все ускоряющейся жизни.

Мир праведный, в коем они пребывают, не терпит суеты. Они ушли, все сказав и все же не успев сказать самого главного, оставив его нам, чтобы сказали мы. Это стало их главным завещанием. Может быть, нам удастся сказать то, о чем они всегда молчали. Сегодня мы понимаем это.

Как долго длится тишина. Так долго, что кажется – все кончилось с их уходом.

Их слова, их деяния, их молитвы примут от нас дети и внуки...

Строить культуру сознания

Прошедшие постсоветские десятилетия можно охарактеризовать одним словом – распад. Его губительная сила адекватна системе удержания, ставшей достоянием истории. Остановить болезненный процесс, создать поле общности, выстроить принципиально иные формы сосуществования – задача не из легких и, видимо, невозможная без участия всех или хотя бы большинства. Параллельно глобальным кризисам все острее встает проблема человека. Она в соотношении всех остальных проблем есть центральная. Если быть еще точнее: природа тотального кризиса кроется в сознании современного человечества. И чтобы решить все проблемы, надо решить всего лишь одну – проблему сознания человека.

Что для этого нужно сделать? Строить новое сознание, адекватное законам мироздания, а не принципу силы и потребительства. Как и на чем можно строить новое сознание человека? Для этого нужно немного, а именно – заново увидеть мир. Заново открыть человека. Есть ли для этого ресурсы, возможности? Они бесконечны и безграничны. И только инерция сознания, пребывающая в стагнации, может удерживать нас от участия в строительстве нового, от прорыва к новым, свежим идеям, несущим в себе оздоровление и успех. Мы оказались между упадком и блеском и, если отдаться тому или другому, мы никогда не обретем себя. Ведь спасение в нас самих и возможность истинного перерождения тоже. Пройти испытание – работа. Выстоять в нем и удержаться – труд. Обрести себя – творчество.

Жизнь не стоит на месте. Движение, развитие есть ее неперемное условие. Неизменно новый мир приглашает нас к деланию, участию, созиданию. Заново открыть не только себя, но и этот мир – прекрасная задача. Ведь, по существу, открывая себя, мы и открываем этот грандиозный мир.

Одной из основополагающих цементирующих задач на постсоветском пространстве видится в строительстве культуры. Единство, множество человеческих деяний, освященные культурой, культом знания непременно приведут к сознанию нашей общности и к абсолютному взаимопониманию. Стратегия культуры и есть то самое «оружие», через которое мы сможем приобщиться к новизне и очищению. Именно культура и есть инструмент очищения нашего больного сознания, наследия прошлого, затянувшегося распада. Надо строить культуру сознания. Другого пути у нас попросту нет.

3 января - День почитания святого устازа Кунта-Хаджи

Вахит Акаев

Шейх Кунта-Хаджи в духовно-культурном пространстве чеченцев

Автор публикации – известный в нашей республике исследователь жизни, деятельности, учения чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева, зачинателя тариката кадирийя на Северном Кавказе. Его книга «Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение», изданная в г. Грозном в 1994 году, приобрела широкую известность. Интерес к этой книге существует не только в нашей стране, но и за рубежом: Германии, Израиле, Англии, США. Автор и сегодня продолжает исследование религиозно-философских воззрений шейха из Иласхан-Юрта, выявляя новые грани учения Кунта-Хаджи, пытается представить его в системной и завершенной форме. Нынешняя публикация, любезно представленная редакции журнала, свидетельствует, что процесс осмысления его жизни, деятельности, религиозно-философского учения не только не завершен, но имеет и перспективу для выявления новых смысловых аспектов, анализа, реконструирования духовно культуры чеченского этноса.

Из глубин народа в тот или иной исторический период, словно хрупкий зеленый росток, пробившийся сквозь скалистую породу, появляются и формируются великие личности – выразители народного духа, защитники отечества, просветители. Но очень часто свирепые ветры насилия вырывают их из национальной почвы, уносят в дали, где они исчезают, оставаясь в народной памяти, как идеалы нравственности, образцы культурного поведения для будущих поколений. Неожиданным образом появился, а затем и исчез великий шейх суфизма Кунта-Хаджи Кишиев. Существует, пока еще в должной мере никем не осмысленная, закономерность появления подобных личностей, признаваемых в последующем духовными учителями народа.

Сегодня трудно найти человека, который оставил в истории и в духовном пространстве чеченцев столь осязаемый нравственный след, какой оставил Кунта-Хаджи. В статье отражаются основные вехи его необычайной, трагической человеческой судьбы, суть религиозно-философского учения и их значимость для духовной культуры чеченского этноса.

Подчеркивается опасность глобализации, массовой культуры модернизации и фундаменталистской реакции на них для традиционных обществ, в том числе чеченцев, которые как никогда нуждаются в мощном социальном, интеллектуальном и культурном возрождении.

Суть учения шейха Кунта-Хаджи

В этом разделе ставится задача реконструировать исторический и военно-политический контекст появления Кунта-Хаджи, суть его учения и его современный смысл. Отмеченный контекст изложен в ряде наших работ, в которых раскрыты трагические события периода Кавказской войны, жизнь и деятельность Кунта-Хаджи, содержание его религиозно-философского учения, арест и ссылка¹. В них раскрыты некоторые предпосылки появления на исторической сцене Чечни Кунта-Хаджи Кишиева и его духовная деятельность.

Тот факт, что Кунта-Хаджи принадлежит оригинальная система религиозно-нравственных воззрений, имеющая философское значение, мною последовательно изложено в ряде публикаций². Одна из глав этой книги так и называется «Учение Кунта-Хаджи». Кроме того, учению Кунта-Хаджи была посвящена специальная статья «Религиозно-нравственные воззрения шейха Кунта-Хаджи Кишиева», основанная на анализе содержания арабо-графического текста, представляющего речи и высказывания, и изданного в 1910 году в Темир-Хан-Шуре в типографии А. Мавраева. В нашей статье «Религиозно-нравственные воззрения чеченского

суфия Кунта-Хаджи Кишиева», опубликованной в 1995 году в журнале «Известия высшей школы. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», а также в ряде других публикаций в основных чертах раскрыто его учение.

Религиозные деятели Чечни в советский период в русле официальной идеологии изображались как фанатики, реакционеры, мракобесы. Не был исключением и чеченский суфий Кунта-Хаджи Кишиев. В тот период никого не интересовали его жизнь, деятельность, религиозно-философские воззрения. Но в народной памяти он оставался как великий шейх, авлия, заступник бедных, несчастных душ перед Всевышним. Более того его речи, высказывания передавались от одного поколения к другому, число его сторонников (мюридов) неуклонно возрастало.

Суфийское учение Кунта-Хаджи основано на трех арабо-графических текстах, в которых изложены его речи и высказывания, заданные ему вопросы и полученные на них ответы, описание его жизни и религиозной деятельности. Первый текст опубликован в 1910 году в Петровске в типографии Михайлова, второй – в 1911 году в Темир-Хан-Шуре в типографии Мавраева. Третий текст принадлежит его личному секретарю Абдул-Саламу Тутгирееву, и он существовал в рукописи, которая переписывалась чеченскими муллами и передавалась друг другу. И, наконец, среди последователей Кунта-Хаджи имели хождение письма, написанные им во время паломничества в Мекку.

Только по одному тексту, изданному в типографии Мавраева, можно прийти к выводу, что это учение представляет собой взаимосвязанную, логически последовательную систему воззрений о суфизме. Текст, о котором идет речь, называется «Гарджамат макалати... Кунта-шейх» («Речи и высказывания Кунта-Хаджи») и он начинается с высказывания: «Всевышний вначале сотворил души людей и джиннов, после – земной и потусторонний миры. Каждой сотворенной душе Бог предложил выбрать либо земные утехи, либо райскую жизнь и обещал соответствующее вознаграждение. Одна часть душ выбрала наслаждения земные, другая – рай, а третья ответила Богу, что им не нужны ни земные наслаждения, ни рай, и поскольку любят своего Господа, то выбирают Его». От первых двух типов душ возникла небольшая группа, которая следует за теми, кто избрал Бога, и их называли мюридами (учениками). Их учителями являются души, отдавшие предпочтение Богу.

Шейх Кунта-Хаджи высказал шесть требований, которые должны соблюдать верующие, ставшие на путь поиска Бога (избравшие тарикат), и сохранять их в своих сердцах. Первое требование накладывает жесткий запрет на осуждение человека в его отсутствие (как говорится, «за глаза»). Второе – призывает к очищению сердца от греховных помыслов, третье – обязывает верующего принимать на веру поучения учителя, соглашаться с его поступками и находиться в непрерывном зикре, т.е. поминать имя Бога. Четвертое требование – не допускается делать различие между суфийскими устазами (учителями). Пятое требование обязывает учеников к взаимному уважению и терпимости. В шестом положении от мюрида требуется, чтобы он словом и делом защищал собрата по вере.

Признаком высокой нравственности в человеке для Кунта-Хаджи является правдивость его высказываний, то, что «он в своей речи не смешивает ложь и правду». Допускающий обратное, с его точки зрения, безнравственен. И тот, кто разборчив в питье и пище, остерегается от сквернословия — обладает признаками благочестивого человека. Не соблюдающий эти требования, считает шейх Кунта-Хаджи, не может быть благочестивым. Приведенные суждения Кунта-Хаджи сравнимы с наставлениями Абу Али Ибн Сины (Авиценны), данные им мистикам, о том, что «мюрида не должны занимать ни сплетни, ни слухи, при виде мерзкого его охватывает не столько гнев, сколько жалость, ибо ему ведома тайна Аллаха о предопределении, и благодеяния мюрид совершает бескорыстно, не допуская при этом грубости и упреков».

Шейх Кунта-Хаджи утверждает, что если мюрид хочет знать, связан ли он с Богом, пророком и устазом, то пусть он прислушается к своему сердцу. «И если он обнаружит в нем высокомерие, чувство превосходства над людьми, желание главенствовать над ними, то пусть он знает, что у него нет связи с Богом, пророком

и устазом». Если же сердце ученика находится в состоянии тоски и сострадания к людям, лишено зависти, то, по Кунта-Хаджи, его ученик находится в тесной связи с Богом, пророком и устазом.

Однажды мюрид Кунта-Хаджи, поверхностно воспринявший учение своего учителя, обратился к нему с вопросом: «Я хочу надеть на голову чалму, усилит ли это мою веру в Бога?». Тщеславный мюрид, ожидавший от учителя похвалу, получил ответ: «Сначала обвяжи свое сердце чалмой (т.е., очисти сердце от тщеславия и других пороков – В.А.), только потом надень чалму. Если ты хочешь носить чалму не ради Бога, а ради славы, оставляя свое сердце грязным, то ты приумножишь свои грехи».

Известно, что практика и теория суфизма большое внимание уделяет состоянию человеческого сердца, которое должно быть очищено от греха и подготовлено для пламенной любви к Богу. В учении Кунта-Хаджи центральное место отводится душевному состоянию, преодолению нафса (страстей), достижению чистоты сердца. В суфийской культуре человеческое сердце – это вместилище множественного и единого, зеркало, отражающее Бога³.

Этика ненасилия

В учении Кунта-Хаджи утверждается, что «остановивший в своем сердце гнев, простивший зло, стократ упоминающий имя Аллаха, молящийся за тех, кто злословит – раб Божий». Подобных высказываний в его религиозной деятельности встречается немало, что дает твердое основание признать, что еще в ходе и после окончания Кавказской войны он четко придерживался важнейшего этического принципа – ненасилия. Не будет преувеличением, если сказать, что он пронизывает все его духовное учение.

В своих устных выступлениях перед верующими он проповедовал такие положения этики ненасилия как непротивление злу, смирение, законопослушание, всепрощение. В конце Кавказской войны, когда чеченский народ был доведен до грани физического исчезновения, страстно прозвучала его проповедь: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твердо укрепилась в нашем крае. Я не верю в сообщения и «разговоры», что из Турции придут войска для спасения нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является эксплуататором своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все это видел своими глазами.

Дальнейшее всеобщее сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви, идите, ибо они только строения, а мы в душе мусульмане. Если вас заставят носить кресты, носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но! Если ваших женщин будут использовать и насилловать, заставляя забыть язык, культуру и обычаи, подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба, взаимопомощь, прощение друг другу обиды и оскорблений».

В этой речи Кунта-Хаджи выражается социальное положение и духовное состояние народа, доведенного тотальным сопротивлением в период Кавказской войны до грани физического исчезновения. Чтобы сберечь от гибели народ, шейх призывает не верить слухам о том, что на помощь к чеченцам придут войска турецкого султана, требует прекратить сопротивление, смириться с фактом укрепления царской власти в крае, подчиниться воле победителя. Однако в данном контексте смирение не означает безвольное подчинение насилию, оно имеет границы, власть следует терпеть до тех пор, пока она не посягает на женщин, язык, обычаи, культуру – факторы, определяющие свободу и честь этноса. В случае насилия над женщинами, попыток ассимиляции с точки зрения Кунта-Хаджи необходимо всем до единого чеченца подняться на защиту этих фундаментальных культурных ценностей.

Чеченский шейх все-таки придерживался принципа ненасилия и даже проповедовал его. Это подтверждает притча, которая была им рассказана своему любопытному мюриду, желавшему выявить различие между шариатом, тарикатом и хакикатом. Отвечая на этот вопрос, суфийский шейх посоветовал

своему мюриду отправиться на пятничную молитву в мечеть и ударить, стоящего на молитве человека. Следуя совету шейха, мюрид его ударил. Пострадавший сразу же ответил своему обидчику ударом на удар. Придя к шейху, мюрид рассказал о происшедшем. Шейх разъяснил своему ученику, что мусульманин, давший ему сдачи – приверженец шариата. Второй раз шейх посоветовал своему ученику ударить другого мусульманина. Пострадавший не ответил обидчику, даже промолчал.

Шейх, услышав рассказ ученика, сообщил ему, что второй человека – сторонник тариката. И третий раз мюрид ударил верующего, указанного шейхом. Тот не только не ответил обидчику, но даже попросил у него извинение за обиду, возможно, причиненную ему. Пораженный ученик поспешил рассказать об этом случае шейху. Шейх сообщил, что верующий, которому он нанес обиду, является приверженцем хакиката. Таким образом, суфийский путь (тарикат) и его высшая степень хакикат, означающая Богопознание, не приемлют насилия, предполагают терпение, смирение, непотворение злу.

Иное дело шариат, основанный на принципе талиона, определяющий насилие за насилие. Если в философии суфизма главное – культурная установка на ненасилие, сопротивление злу духовностью, то установка шариата – наказание зла ответным насилием. Но с точки зрения суфизма, насильственное сопротивление преумножает зло в мире.

Кунта-Хаджи в конце Кавказской войны, проповедовавший смирение, ясно уловил в общем настроении чеченцев, уставших от войны и насилия, сильную потребность в мире, созидании. Поэтому-то и звучали страстно в его проповедях антивоенные мотивы, призывы к прекращению войны, кровопролития, как деяний богопротивных. На этой почве он подвергся преследованиям со стороны Шамиля, возглавлявшего освободительную борьбу кавказских горцев против захватнической политики царизма. Царский историк Н. Дубровин отмечал, что предводители народа «смотрели недоброжелательно на проповедников тариката, как на своих личных врагов, людей, отвлекающих от их воинственных знамен сотни способных людей».

Преследование Кунта-Хаджи Шамилем носило не только политический, но и идейный характер. Оно – прямое следствие антагонизма, возникшего между суфийством Кунта-Хаджи, с таким его фундаментальным принципом, как ненасилие и мюридизмом Шамиля, основанного на идеологии газавата, призывающего кавказских горцев сражаться с царизмом до победного конца. Кроме того, последователи Кунта-Хаджи сохранили предания о том, что он предрек Шамилю поражение в войне с царизмом. Многие сторонники Кунта-Хаджи, а также те, кто прислушивался к его проповедям, отошли от Шамиля и прекратили сопротивление. Именно это обстоятельство ускорило поражение Шамиля и его пленение.

Таким образом, в конце Кавказской войны на Северном Кавказе в рамках исламской культуры явно обозначились две тенденции понимания сопротивления. Шамиль и его дагестанские наибы призывали чеченцев к газавату, сражаться с царизмом до победного конца, что означало полное разрушение Чечни и уничтожение чеченцев. А Кунта-Хаджи в продолжении газавата видел смертельную опасность для своего народа и для его будущего, отсюда его настойчивое желание предотвратить эту катастрофу.

Исследователи до сих пор в должной мере не осмыслили значимость учения шейха Кунта-Хаджи для общественной и культурологической мысли чеченцев. Представляется плодотворным выявление параллелей между учением шейха Кунта-Хаджи и идеями непотворения злу Льва Толстого, равно как и учением Ганди. Еще в 1990 году, а затем и позже, автор в своих публикациях обратил на это внимание. После этого стали появляться художественные произведения, научно-популярные публикации, авторы которых усматривали прямую связь между учениями этих трех, безусловно, великих людей. В своих измышлениях некоторые из них договорились до того, что стали утверждать, о якобы имевших место непосредственных контактах между шейхом Кунта-Хаджи и Толстым.

Но в архивных документах до сих пор не найден ни один документ, подтверждающий сказанное. Тем не менее, считается, что исследователи могли бы более основательно подойти к изучению в сопоставительном плане этики ненасилия Кунта-Хаджи, учений Толстого и Ганди. Понятно, что это непростая задача, и она требует филигранного анализа, исключения сочинительства мифов. Не имея соответствующего подтверждения, не установив сходства и различий их воззрений, нельзя легковесно подходить к этому вопросу.

Нельзя отрицать и то, что Кунта-Хаджи раньше, чем Толстой, тем более раньше Ганди, исходя из сложившихся реалий, проповедовал идеи смирения, толерантности, непривлечения злу, всепрощения. Для жестокого периода Кавказской войны нравственно-этическое учение Кунта-Хаджи о ненасилии, безусловно, явилось светом маяка, указывающего выход из мира насилия. В этом, думается, гуманистическая значимость учения Кунта-Хаджи, прорыва от культа силы к культуре гуманизма. Полагаю, что в связи с этим есть над чем поразмыслить исследователям культуры чеченского народа.

Фундаментализм и гуманизм в контексте глобализма

В дудаевско-масхадовский период этническая культура чеченского народа пришла в полный упадок. У определенной части чеченского общества стали возобладать самые низменные страсти, насилие явилось основой существования людей. Процесс упадка, разрушения завершился военными действиями, значительной деформации подверглась духовная культура чеченцев.

На состояние традиционной духовной культуры разлагающе воздействует глобализация, вызывающая встречную реакцию у многих этносов, жизнь которых организована на традиционных культурных ценностях.

Как следствие этой реакции следует рассматривать мобилизацию религиозного фундаментализма. Религиозный фундаментализм – стремление к возрождению корней, основ религии. Это постоянная культурная ретроспектива на традиции, почву необходима тому или иному этносу для самосохранения, определения исторической, культурной перспективы.

Влияние Запада часто подрывает традиционные устои мусульманского мира, ставит общество и государство в финансовую, политическую и культурную зависимость от процессов глобализации. Но самое главное то, что размывается традиционная духовность и на смену приходят антикультура, разные аморальные формы проявления «цивилизации». Явления, чуждые культуре ислама, совершенно не приемлемы ни для мусульман, ни для христиан. Эти негативные факторы модернизации, детерминирующие распад традиционных форм социокультурной идентичности, вызывает контртенденцию, в том числе фундаменталистскую. Мы являемся очевидцами проявления этих закономерностей в Иране, Афганистане, Алжире. Специфически они проявляются и на Северном Кавказе, начиная от Дагестана и заканчивая Адыгеей.

Нынешнее состояние этнической культуры на Северном Кавказе отмечено экспансией со стороны массовой культуры, что приводит к подрыву традиционных основ бытования народов. С другой стороны, этническая культура нахско-дагестанских и абхазо-адыгских этносов, базирующаяся на их обычаях, традициях, ментальном своеобразии, а также специфически освоенной культуре ислама подверглась экспансии со стороны так называемого ваххабизма или салафизма, или, как утверждают некоторые исследователи, одной из форм фундаментализма.

С нашей точки зрения, ваххабизм в том виде, в котором он распространился в Дагестане, а затем в Чечне, меньше всего можно считать фундаментализмом. Это – крайне политизированная форма ханбалитского мазхаба, который уделяет мало внимания основам учения ислама, его духу и букве. Стратегическая задача, которая ставилась последователями этого религиозно-политического учения – образование всемирного халифата путем перманентного осуществления джихада против куфра (неверия), под который подпадают с их точки зрения, прежде всего мусульмане, не признающие этот призыв, и только после этого иноверцы. Всякие

попытки ее навязать чеченскому этносу – явная провокация, увод его от мирной жизни, расцвета его культуры, духовного возрождения.

Опасность такого «ваххабитского фундаментализма» хорошо понимал А.А. Кадыров, который, даже не будучи у власти, смог активно ему противостоять. Только ослабив, а, затем и разрушив суфийские традиции в Дагестане и Чечне, ваххабиты могли укрепить свои политические и духовные позиции в северокавказском регионе. Для осуществления этих грандиозных планов они нуждались в единой идеологии, которая могла бы утвердиться путем разрушения этнокультурных традиций дагестанцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, адыгов.

Конфликт между местными религиозными традициями на Северном Кавказе и ваххабизмом (крайне политизированная форма одного из мазхабов в исламе) не является следствием внутреннего развития северокавказской общности, он представляет, собой навязанную внешними силами, прежде всего арабским Востоком, форму религиозно-культурной агрессии. Северокавказская этнокультурная традиция подверглась разрушительным действиям, как со стороны глобализации, так и ваххабизации. При наличии этих двух тенденций для чеченского этноса катастрофическими оказались две военные кампании, которых, я считаю, страшным оскалом глобализации постсоветского пространства.

Глобализация для России, как показывают нынешние реалии, означает нищету народа, демографическую убыль, технологическую отсталость, духовно-культурную деградацию. Следуя за Западом, Россия не сможет достигнуть западного уровня экономического развития. Никто на Западе не заинтересован в возрождении России, ей не предписана роль быть достойным членом в группе ведущих держав мира. Ее хотят видеть экономически слабой, внутренне конфликтной, лишенной всех своих огромных ресурсов. Этого хотят «акулы мирового империализма» (как выразился бы классик большевизма). В соответствии с их «планами» русских должно быть на территории России всего лишь 40 млн., что составляет примерно 30% от общего их числа. Если вспомнить одно из изречений Д. Дудаева, то 70% чеченцев должны погибнуть, чтобы остальные 30% жили в «свободе» от русского колониализма. Странные эти соотношения: 30:70. Полагаю, что они появились не случайно, за ними кроются расчеты тех, кто занят изучением мировых демографических проблем, проблемами народонаселения и его ресурсного обеспечения. Именно ими выдвинута фашистская теория «золотого миллиарда». Оказывается, наличные ресурсы земли достаточны для жизнеобеспечения 1 млрд. населения земли, а остальная же часть населения – «лишние рты». С точки зрения этой теории, русским и кавказцам в «золотом миллиарде» отводится слишком мало места. Поэтому и в России, и на Кавказе, возможно, еще предстоят потрясения, конфликты и войны.

Теория «столкновения цивилизаций» американского ученого Самуэля Хантингтона, согласно которой мир ожидает конфликты, если не сказать войны, между мусульманским и христианским мирами – один из теоретических механизмов приведения в движение сути глобализации. Глобализация несет с собой много позитивного в технологическом отношении, но она мало побуждает нас к нравственности, высокому идеалам гуманизма. Для осуществления глобализации применяются беспощадные методы. Мы являемся свидетелями, как в одночасье превращались в нищих десятки миллионов людей в постсоветском пространстве. Мы – прямые свидетели так называемых ельцинских «реформ», от которых ожидали экономических и политических чудес. До сих пор «отцы» этих реформ продолжают нагло заявлять о необходимости их продолжения. Хотя подобное продолжение для России смерти подобно. Складывается мнение, и не без основания, что эти реформы были нужны для того, чтобы несколько процентов населения превратить в миллиардеров, а остальных – в нищих. При таком распределении национального богатства без сомнения образуется почва для возникновения всевозможных форм радикальных идеологий, в том числе фундаменталистских, экстремистских и пр.

Современные нувориши, верой и правдой служа «мамоне», ставят ни во что всеобщие ценности гуманизма. Защищая награбленное, они готовы

утопить целые народы в море крови. Социальная несправедливость, грабеж национальных богатств, экономическое и политическое насилие, совершаемое над значительными массами людей, доведенных до нищеты – благодатная почва формирования экстремизма, приумножения зла в обществе.

В условиях Чечни «фундаментализм» в лице ваххабизма сыграл насильственную и разрушительную роль. Грубо навязывая свое понимание ислама, он пришел в резкое противоречие с традиционными религиозными ценностями, что вызвало решительный протест у традиционалистов. Представляется, что развитие культуры этноса в условиях современности не может быть успешным, если она обществом и государством не признается, как явление уникальное. Если каждый этнос не будет признан, как часть мирового человеческого организма со всеми формами его жизнедеятельности и не будет иметь возможности экономического развития для улучшения своего благосостояния, то человечество обречено на самоубийство.

Только отстаивая общечеловеческие ценности, прежде всего, право на социокультурное развитие этносов возможно сохранение этой уникальности в глобализирующемся мире.

Заключение

Анализируя деятельность современных последователей Кунта-Хаджи, можно обнаружить, что многие из них практически не знакомы с учением своего учителя. Преобладающему большинству из них неизвестны замечательные идеи Кунта-Хаджи о терпении, ненасилии. Для многочисленных последователей дух его учения остался невостребованным. Объяснение этому можно найти в постоянных преследованиях зикристов (последователей Кунта-Хаджи) как в годы царизма, так и в Советский период, а также в незнании его исследователями текстов, в которых фиксировались высказывания шейха Кунта-Хаджи.

Бесспорно то, что учение Кунта-Хаджи имеет большую значимость для духовно-культурной жизни чеченцев, целый ряд его положений имеет ярко выраженный общечеловеческий характер. И сама личность Кунта-Хаджи представляла собой сильный духовный светоч, пробивавшийся через мрак насилия и войн, которые все же не были преодолены до конца. Но несмотря на это, велико и плодотворно влияние учения Кунта-Хаджи на умы и сердца приверженцев ислама на Северном Кавказе. Господство преодолимо через борьбу, основанную на ненасилии, несотрудничестве с насилием. Таков, мне кажется, современный урок, который можно извлечь из учения Кунта-Хаджи. Оглядываясь назад, мы должны идти вперед, осваивать лучшие социокультурные достижения Востока и Запада, дабы не остаться на задворках истории.

Два фактора, которые должен учитывать чеченский этнос в условиях глобализации: стремиться максимально модернизировать материальные условия своего существования, сохранить и развить лучшие духовно-культурные традиции. Эти задачи современного его бытия. Ответ на вопрос, быть или не быть этносу, заключается в конкретных делах на благо каждого человека, общества, страны в целом. Это и максимальная мобилизация его физического, духовно-культурного и интеллектуального потенциала.

¹ См.: Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение / НИИ Гуманитарных наук ЧР. – Грозный, 1994; Он же. Ислам: Социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2004; Он же. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – Грозный, 2011.

² Акаев В.Х. Религиозно-нравственные воззрения шейха Кунта-Хаджи Кишиева // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1992. – С. 45-52. Он же. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. – Грозный, 1994; Он же. Религиозно-нравственные воззрения чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева» // Известия высшей школы. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1996. - № 3.

³ Нурбахш Джавад. Психология суфизма. – М.: Амрита-Русь, 2005. – С. 84.

Казбек Гайтукаев

Яркий представитель «могучей волны»

Штрихи к портрету Я. Вагапова

Очерк

Бийца къонахий боцу къам къам а дац,
Къомана баца боцу къонахий къонахий а бац¹.

Ахмад Сулейманов

В сентябре минувшего года исполнилось бы 80 лет со дня рождения одного из лидеров чеченских «шестидесятников», Якуба Сираждиновича Вагапова (1933 – 1996), человека глубоких, энциклопедических знаний, большого сердца, полного любви и боли за трагическую судьбу многострадального вайнахского народа и непреклонного борца за его гражданские права и справедливость. Друзья и коллеги звали его просто – Якуб.

Шестидесятниками, полагаю, правомерно назвать представителей того поколения чеченцев и ингушей, чье детство пало на годы Второй мировой войны, юность прошла под клеймом «спецпереселенцев» в 1944-1956 гг., и кто в шестидесятые годы 20 века сознательно посвятил свою жизнь просвещению родного народа и возрождению его духовных ценностей. Из их рядов вышла та «могучая волна», которая, воодушевленная «хрущевской оттепелью», энергично и ярко проявила себя в развитии национальной культуры и науки, в поисках ответа на главный вопрос тех лет: «За что?».

«За что депортировали весь мой народ, от мала до велика, обрекая на смерть, голод, холод и болезни, по унаследованному от царского сатрапа Ермолова методу умерщвления туземного населения?» – так или примерно так мыслил каждый из них.

Без ясного и честного ответа на этот вопрос не могло быть ни покоя в израненных и оскорбленных душах «реабилитированных», не могло быть и морально-политической стабильности в республике в целом.

Именно тогда в этой среде и в этой атмосфере складывался идейно-нравственный авторитет Якуба и его неформальное лидерство.

Якуб происходил из известного и почитаемого в Герменчуге семейства простых чеченских тружеников, среди которых, однако, были и алимы – мусульманские просветители, под корень зачищенные чекистами по одному лишь подозрению в их нелояльности к «большевицкому общежитию».

Перед геноцидом чеченцев в 44-ом, во время «большого террора» он остался круглым сиротой, и с малых лет принужден был трудиться наравне со старшими.

В депортации, где соплеменников десятками тысяч косили болезни, голод и непривычный климат, ему посчастливилось выжить благодаря заботам родной сестры отца, тети Хавы, великой труженицы, мастерицы по пошиву шуб и личной с детства привычке к труду.

Судьба чеченских детей военного и послевоенного времени была не менее, если не более, драматична, чем судьба поколения, оплаканного Николаем Губенко в его фильме «Подранки». Многие вернулись полу- или полными сиротами, оставив на чужбине белые кости родных и близких. Вернулись, говоря высоким стилем, по вечному зову Отчизны.

¹ Тот не народ, у которого нет доблестных джигитов
И те не джигиты, которые не готовы пойти на жертвы ради своего народа.
(Подстрочный перевод с чеченского).

Один только слух о возвращении вызвал всеобщий национальный подъем, когда чеченцы и ингуши, рассеянные «на вечные времена» на просторах Сибири и Средней Азии, в бескрайних степях Казахстана и горах Киргизии, прослышав об Указе ВС (№ 721/4 от 9 января 1957 г. Такие вести передаются молниеносно!) о восстановлении автономии, в едином порыве снялись с чужих земель и, за бесценок продав все свое имущество, нажитое тяжким трудом под знойным солнцем на хлопковых плантациях, в мрачных ядовитых рудниках Джебказгана, Темиртау, Кадамжая и Хайдаркана, в удушливых шахтах Караганды и Ташкумыра, устремились на омытый горькими слезами разлики, воспетый в песнях тоски и надежды вечно прекрасный Кавказ – домой, на Родину, чтобы припасть к могилам предков, к своим давно потухшим очагам, чтобы вновь зажечь их, растить детей и, главное, в полную грудь дышать воздухом Даймохка, свободно жить на Земле Отцов!

Об общем эмоциональном настрое вернувшихся можно судить по такой знаковой детали (и сегодня, кстати, раздражающей эстетические предпочтения впечатлительных россиян...): прямо на тротуарах, в скверах, на первой попавшейся свободной площадке, где собирались трое, даже мало еще знакомых между собой юношей, пускались в пляс – двое хлопали в ладоши, а третий юлой вертелся в зажигательной лезгинке, подбадривая себя древним возгласом: «Орц тох. Арс тоъ!»... Бывало, иной раз в круг плавно вплявали юные казачки... И никому тогда в голову не приходило называть эти танцы «оргиями», а стихийно образовавшиеся танцевальные пары, помню, смотрелись очень даже гармонично.

Вскоре, однако, выяснилось, что чеченцев и ингушей здесь не ждали. Местная власть, состоявшая из махровых «патриотов» (вайнахов в структурах вертикали держали на вторых и третьих ролях, и по преимуществу, по хозяйственной надобности) фактически устроили настоящую обструкцию, в том числе и планам центра по восстановлению республики.

«Понаехавшим» не выделялись участки для строительства жилья, а их собственные дома, главным образом, в городе и равнинных селах и райцентрах, где обосновались колонисты-переселенцы из ряда российских областей, не возвращали и не продавали бывшим владельцам.

Тем временем из России эшелонами шли стройматериалы. Из-за нехватки места на складах их вываливали прямо под насыпь вдоль запасных веток железной дороги Заводского района.

Запомнились завалы отличной древесины – кругляка и пиломатериалов, мешки с цементом, ящики со стеклом, с гвоздями, скобами, замками, дверными ручками – все это добро под дождем и солнцем быстро приходило в негодность...

Большинству людей была не по карману покупка столь нужных для строительства материалов, а ссуды задерживались, да и не каждый решался их брать из-за чрезмерных откатов, в которых, поперед батьки, усердствовали «свои» соплеменники в чесучовых костюмах-тройках из Оргкомитета.

Люди шли в ближайший лес, где добывали древесину на стропила для крыш, месили глину на саман-сырец для стен, и, собираясь в белхи, в одночасье художественно возводили жилища. Не идти же под зиму без крыши над головой... Кроме того, в республике возникла проблема со школьным образованием: не хватало учителей, классных помещений, парт и много другого.

Центр, руководствуясь своим программным положением о «выравнивании культур народов, находившихся на разных уровнях цивилизации», направлял в школы республики десятки и сотни учителей, выпускников российских вузов.

Якуб Ваганов

При историко-филологическом факультете местного пединститута (ЧИГПИ) было открыто отделение вайнахской филологии. В целях решения проблемы республики с кадрами в целом в вузах Москвы и других крупных городов для выпускников школ из числа коренных были выделены так называемые «льготные места».

Однако эти правильные и важные с точки зрения здравого смысла планы скукоживались при первом же соприкосновении с интересами верха местной партийно-хозяйственной вертикали...

Так, приезжим учителям не были созданы условия для нормальной работы и быта, и многие из них уезжали задолго до окончания контракта. На порядок был сокращен набор на отделение вайнахской филологии.

Что касается «льготных мест», достаточно вспомнить, как умники из той же вертикали изощрялись, стараясь размыть содержание понятия «коренные» при трактовке фразы «льготные места для коренных...». «А што, наши дети, родившиеся здесь – не коренные?». «Да-да, – спешили им поддакнуть пристяжные из нацменов в чесучовых тройках, – ваши дети тоже коренные». Хотя абсурдность подобной расшифровки известного «Постановления» прочитывалась без очков, ибо под него формально коренные-то, родившиеся в депортации, и не попадали...

В столице республики, Грозном, для репатриантов был установлен негласный режим сегрегации – не прописывать и на работу не брать, особенно, на предприятия нефтяной промышленности.

Между колонистами и автохтонным населением, каковым себя считали вайнахи, мягко говоря, возникали недоразумения, которые в судах, как правило, разрешались не в пользу последних. Нередко даже за незначительные проступки вайнахам, как правило, наматывали сроки на полную катушку.

Колонисты, уютно обосновавшиеся в Грозненской области и свыкшиеся с мыслью, что все, что им досталось на блюде от депортации вайнахов, стало их законной собственностью, так как ее им дало «наше» государство. Они в упор не хотели признавать ЧИАССР и не желали подвинуться ни на пядь, дабы реабилитированные могли обустроиться на своей исторической родине.

Античеченские настроения, исподволь подогреваемые теми, чьи материальные выгоды и карьерные амбиции были ущемлены, так как властвующей номенклатуре пришлось-таки встраивать аборигенов в административные органы, хотя бы на ролях пристяжных, дабы сымитировать соблюдение «принципа интернационализма в подборе и расстановке кадров» в республике, в августе 1958 года вылились в т. н. «русский бунт», как обычно, сопровождавшийся погромами и кровопролитием.

«Рабочие химзавода» требовали выселить чеченцев теперь уже «к белым медведям», чтобы не смогли больше возвращаться... Разъяренная толпа выбросила из окон второго этажа обкомовского здания Муслима Гайрбекова, председателя Совмина ЧИАССР, и второго секретаря ОК, Османа Чахкиева. Они отделались переломами ребер, ушибами и синяками. Хуже сложилась судьба двух чересчур любознательных «туземцев», пришедших на чужое сборище – их тут же растерзали...

От большого кровопролития ситуацию спасло введение в город войск под командованием генерала армии Исы Александровича Плиева.

Такова была в общих чертах социальная и морально-политическая атмосфера, в которой формировалась новая вайнахская национальная интеллигенция – «шестидесятники».

Позднее подробно о них расскажут авторы книги «Они были первыми» (Грозный. 2007), где глава о Якубе Сираждиновиче Вагапове по справедливости названа «Достойный сын своего народа».

Среднего роста, плотного сложения с крупными правильными чертами лица и большим «сократовым» лбом он уже тогда воспринимался как перспективный студент преподавателями и как лидер – сокурсниками.

Так случилось, что в том самом «первом» наборе вайнахского отделения

историко-филологического факультета ЧИГПИ мы на курсе оказались в одной группе и в общежитии – в одной комнате. И всю остальную жизнь далеко уже не расхотелись...

Из общей массы часто беспричинно веселящейся оравы «бурсаков», как мы иронично именовали тогда друг друга, он выделялся сосредоточенной серьезностью, чувствовалась постоянная внутренняя работа мысли. Уже на третьем курсе его научная работа «Нозализация в чеченском языке» – явление типа французского прононса – обратила на себя внимание преподавателей глубиной анализа и оригинальным ракурсом подхода автора к предмету исследования.

Однако и надзирающие органы обратили на него внимание, но уже как на нестандартного студента, засветившегося крамольными речами. Именно по их подсказке Якуб, окончивший вуз с красным дипломом, был фактически сослан в сельскую школу, «в глушь, в деревню»... И только благодаря гражданскому мужеству и настойчивости завкафедрой русской литературы Виктора Борисовича Корзуна, Якуба вернули в вуз, и под его же руководством он защитил кандидатскую диссертацию на материале национальных эпических песен – илли, в которых народ воспел свой идеал положительно прекрасного героя, прямо противоположный тому «злomu чечену», которым до сих пор воспламеняются чеченофобы.

Заниматься в те годы наукой в ЧИАССР для вайнаха, неважно какой – лингвистикой, фольклором, археологией, или даже статистикой, не говоря уже об истории, – означало быть под постоянным надзором «органов», которым мало было контролировать слово, написанное или изустное, им надо было контролировать саму мысль *homo soveticus* (советского человека).

Отступник от генеральной линии рисковал получить тамгу «националист» с последующим отлучением от науки. Поэтому каждый вайнах, подвизающийся в науке, должен был быть готовым с чрезвычайной предусмотрительностью сочетать в своей деятельности две её ипостаси – быть ученым в общественно-политической борьбе и борцом в науке.

Однако ни демонстрация приверженности к господствующей идеологии, ни мастерство в обрамлении своих трудов цитатами из классиков марксизма или выписками из постановлений очередных съездов компартии не были гарантией безопасности, если ты уже находился «под колпаком», или по-современному – «в обработке».

Очередной раз Якуб «засветился» на собрании университетских коммунистов, когда обнародовал статистические данные из «Памятки. Для служебного пользования», которые наглядно свидетельствовали, как колониальные власти сворачивали установки центра на «выравнивание культур». Выяснилось, что на тысячу жителей студентов из числа чеченцев и ингушей приходится 4 и 7 человека соответственно, тогда как «русскоязычных» по стране – 18, 20 и 22 человека... Даже среди депортированных наряду с вайнахами народов число студентов выросло до 16-18 человек на ту же тысячу. Покушение на монополию обкомовских бонз на оглашение (не оглашение) истины чуть было не обошлось Якубу места в ЧГПИ (с 1971 г. – ЧИГУ).

От надзирающей инстанции поступило поручение парткому института – лишить крамольника возможности общения со студенческой аудиторией, т.е. «освободить от занимаемой должности». Что примечательно, «свои», чесучовые и их отпрыски, были склонны сдать «собрата». Не получилось. За Якуба тогда решительно заступились коллеги Юрий Борисович Верольский и Иван Алексеевич Ширшов, которые не усмотрели в его выступлении нарушения по части принципа «критики и самокритики». Но «строгача с занесением» ему все-таки дали.

Другой раз он засветился, когда поставил свою подпись под «Письмо 27 коммунистов» (1972), наделавшего много шума. В нем были собраны неопровержимые факты издевательств местных властей, особо, над национальными кадрами – туземец, как правило, не мог в республике получить

должность в соответствии со своей квалификацией. Под видом борьбы с пережитками «проклятого прошлого» подвергались тотальной дискредитации история, культура, духовно-нравственные идеалы и этические правила вайнахов. Особенно остро стоял вопрос о Пригородном районе, исторической родине ингушей, куда их попросту не пустили... (двадцать лет спустя, в 1992 году весь этот кошмар вылился в кровопролитие, лукаво прозванное «осетинско-ингушским противостоянием», фактически властями и спровоцированное...).

Якуб принимал активное участие в подборе и подготовке материала к Письму и его редактированию. Его подпись в нем стояла в числе первых, по алфавиту. Поскольку письмо было адресовано ЦК КПСС, подписантов отбирали очень тщательно. Среди них были в большинстве своем ингуши, по замыслу авторов письма – «старые большевики» и молодые члены партии, известные своей безупречной перед властями и народом репутацией...

Репрессии, конечно, предполагались, но они превзошли все ожидания: 27 «верноподанных» членов партии были обвинены в... национализме, с последующими выводами, весьма печальными для многих из них. Не все выдержали испытания... Мне известно, что в кабинетах обкома местные и высокопоставленные цеховские дознаватели,

Якуб Ваганов

блюстители идеологической стерильности в рядах авангарда, учиняли Якубу настоящие перекрестные допросы, требуя отказаться от подписи и суля всевозможные льготы – помощь в карьерном росте, публикации его научных трудов в престижных изданиях...

Якуб держался до последнего, не отступился ни от одного пункта письма, держался спокойно и уверенно. И это, как ни парадоксально, спасло его. Он лишился только работы в вузе. Его ждала участь советских диссидентов. Помню, когда я заговорил о подписи под письмом, он, опустив голову, не глядя, сказал: «... пока только члены партии... пойдешь вторым эшелоном...». Было понятно – Якуб все продумал и был готов принять свой жребий, каким бы он не был.

Еще в студенческие годы Якуб увлекался революционной поэзией Н. А. Некрасова, проникнутой болью за русский народ и верой в его светлое будущее. Он полностью разделял чувства великого поэта. И, вынашивая идеи борьбы за справедливость и права вайнахов, он, как бы примерял на себя судьбу некрасовского Добросклонова и, думается, неспроста так часто декламировал полюбившиеся строки классика: «... Ему судьба готовила // Путь славный, имя громкое // Народного заступника, // Чахотку и Сибирь».

Для него, да и для нас, его коллег, тогдашних выпускников советских школ и вузов, не были пустым звуком и призывы горьковского Буревестника или слова Сатина из его пьесы «На дне»: «Ложь – религия рабов. Правда – Бог свободного человека!».

Якуб хорошо знал о судьбе академика А.Д. Сахарова, осмелившегося противостоять планетарной агрессивности кремлевских небожителей. Он был в курсе и того, как местный обком раз за разом исключал из партии Халида Ошаева, «большевика ленинского призыва», из-за его «мелкобуржуазного национализма» в отстаивании чести и достоинства вайнахов, а также за его критику оккупации советскими войсками Чехословакии в 1968 году.

Не прошла мимо него и судьба диссидентов – Валерия Синявского, Георгия Данелия и нашего однокурсника Иссy Кодзоева, отбывавшего трехлетний срок в тех же мордовских лагерях (выдали «свои», чесучовые) за устные рассказы – были о трагической участи депортированных ингушей в суровых условиях Северного Казахстана.

В том же ряду не лишне вспомнить имена соплеменников, также вдохновлявших его на борьбу за «народное дело» – Таштемира Эльдарханова, еще во времена царизма отстаивавшего права обезземеленных горцев Северного Кавказа, Абдурахмана Авторханова – беспощадного критика Кремля, Зиявди Мальсагова, отсидевшего в лагерях за оглашение акта геноцида в «Хайбахе», Абдул-Хамида Саламова, напоминавшего единоверцам об исламских ценностях в роли «защитника обвинения», Магомета Мамакаева и Идриса Базоркина, противостоявших расизму в прессе и литературе, Ахмада Сулейманова, боровшегося против варварского истребления исторических достопримечательностей Чечни, Дошлако и Алихана Мальсаговых – последовательных борцов с проявлениями шовинизма одних и национализма других в стенах университета. Их нелегкие, подчас, трагические судьбы служили ему нравственной опорой и ориентиром верности избранного пути.

Надо сказать, что Якуб был деятелем новой формации, в ком соединились черты диссидента и правозащитника. Он, как и большинство из названной выше когорты, боролся с Системой, оставаясь внутри нее, оставаясь членом партии. Любые иные варианты исключали всякую легитимность, а следовательно, и действенность борьбы с ней в тех условиях.

Характерно, что на т.н. «Ингушском гражданском митинге» 1973 года с требованием возвращения Пригородного района, выступавшие обклеили импровизированную трибуну портретами членов Политбюро КПСС, подчеркивая тем самым правоверность своих намерений и надеясь таким образом быть услышанными. Но глухи небожители к мольбам и страданиям народа, и громов небесных они не страшатся.

Конечно, главным возбудителем активности Якуба и его единомышленников была сама омерзительная практика идеологической удавки Системы в автономной республике, которая в особенно наглой и бессовестной форме проявила себя в процессе подготовки и проведения в 1982 году т.н. «200-летия добровольного вхождения Чечни в состав России».

Это была фитна – откровенная провокационная «концепция», имеющая своей целью принудить национальную интеллигенцию к согласию с державной ложью.

Обеспечение ее «научного» обоснования было возложено на местного историка-археолога В.Б. Виноградова, завкафедрой университета. Этот обкомовский протеже и прежде был замечен своими суждениями и выводами об истории и культуре этносов, в разное время подпавших в зависимость от России, которые он с «необыкновенной легкостью в мыслях» строил с кондачка – «не выходя из могильника», как, не без иронии, заметил ему известный казахский поэт Олжас Сулейменов.

Ему же была отведена и роль инициатора и главного бенефицианта празднования «добровольного вхождения» (фальсификатор наук был возвышен до звания «заслуженный деятель наук РСФСР»). Ректору ЧИГУ В. Кан-Калику было доверено расписать режиссуру торжеств не только для учебных заведений – вузов, школ, училищ и т. д., но и для, так сказать, передового рабочего класса и прочего трудящегося населения. Чтобы все радовались дружно, радовались вместе...

И действительно, вся Россия, все серьезные историки страны смеялись, но как-то нерадостно, смеялись над затеей местных партийных бонз, с нездоровым энтузиазмом провернутой виноградовско-канкаликовским тандемом: «Ха-ха, Чечня веками сражалась с Российской империей за свою независимость, не подозревая о том, что она «добровольно вошла» в состав ее колоний...» (http://www.libertarium.ru/l_ptln_chechia-mn <http://www.watchdog.cz/>).

Местной же национальной интеллигенции было небезопасно не только смеяться, но и подать голос – озвучить слово против партийного «священнодействия».

Именно поэтому, когда основная масса безмолвствует в страхе перед «тонтонамакутами» и говорить правду вредно для карьеры и опасно для жизни – вот

тогда Слово становится Делом и Подвигом для Человека и Гражданина.

Якуб озвучил свои возражения. Как всегда он открыто выступил против фальсификаторов истории Чечни, их попыток низвести национальных героев, борцов за независимость, до уровня «англо-турецких шпионов» и «религиозных фанатиков».

И он был не одинок, потому что, по большому счету, выражал общие для коренного населения республики мысли и чувства.

Думаю, не без влияния его морального авторитета молодые чеченские историки – Магомед Музаев, Абдулла Вацуев (пусть мне простят те, чьи имена здесь не названы) совершили тогда гражданский подвиг, восстав против «концепции», против огульной державной лжи, заключенной в ней и в других того же плана «трудах» бригады Виноградова и Ко. И, конечно, они пострадали. Но не сломились. Главное, страх был преодолен. Многие поняли – с Системой можно спорить...

Кстати, Якуб никого никогда не подбивал составлять ему компанию, чтобы подписать тот или иной документ или заявление в высшие инстанции, дабы не подвергать друзей и коллег риску. Наоборот, в среде своих он, притворно заговорщически оглядываясь вокруг, полушутя полусерьезно, повторял: «больше трех не собираться...». От него я впервые услышал афоризм: «Jannie sa jijnacho, xinnie xir docurg dina» («Кто не уgomонился – тот невозможного добился»), в смысле – «и один в поле воин». Если он Якуб, добавим от себя.

По натуре спокойный, выдержанный он не мог себе позволить уgomониться, когда дело касалось национальной чести и достоинства. Обстоятельства не позволяли.

Когда в конце семидесятых годов с подачи местного агитпропа из столицы метрополии прогремел гром в адрес клуба молодых чеченских авторов «Пхъармат» («Прометей»), заподозрив их в «национализме», Якуб настоял на том, чтобы они не молчали и помог им составить письмо в адрес ЦК ВЛКСМ. Не все из «прометеевцев» и сегодня догадываются, кто и как тогда отвел от них страшную беду.

Как бы то ни было, начинающим писателям удалось избежать полного разгрома, отделившись ожогами разной степени тяжести. Удалось даже сохранить название клуба, ставшего после тех пертурбаций знаменитым, как диссидентское объединение – «Pharmat». <http://checheninfo.ru/7882-klub-prometey-zazhigat-serdca.html>

Когда местные власти на протяжении десятилетий раз за разом цензурировали исторические романы Абузара Айдамирова, всячески препятствуя их выходу в свет, Якуб активно поддерживал тех рецензентов, кто настаивал на их публикации (что греха таить, были и чесучовые, игравшие роль Табаки при Шерхане (из «Маугли» Р. Киплинга)). Он считал, что национальная история, отраженная в произведениях А. Айдамирова, наиболее полно соответствует исторической правде эпохи борьбы вайнахов за независимость.

Во всех «горячих точках», в гуще событий звучало его слово, политически выверенное и научно обоснованное. Он умел так безупречно «обклеить свою трибуну портретами...», что даже опытным штрейкбрехерам из отдела «агитации и пропаганды» не оставалось ни малейшей лазейки для опровержения его позиции.

В оппонировании властям Якуб периодически пользовался демократическим жанром письма, обращения. Диссидент-правозащитник и думать не мог в те поры об их публикации в официальной прессе. Он обращался в них прямо в башенную часть вертикали. Не мог он молчать, когда речь шла о стратегии выживания вайнахов...

Случайно сохранившееся письмо автора – «Рецензия» на брошюру «Вместе – к великой цели» (1983), подписанной тем же В. Виноградовым в комбинации с пристяжным С. Умаровым – интересно для будущих биографов Якуба не тем только, что оно очередной раз дало властям повод ужесточить преследования диссидента, но, главное, тем, что оно стало важным документом, в котором

Якуб пункт за пунктом, опираясь на профессиональное знание марксистской теории, убедительно развенчивает дифирамбы тандема в адрес властей о далекой от действительности имитации ими в брошюре межнационального мира и «дружбы народов» в республике.

Говорят, Абдурахман Авторханов отбивался от органов, взявших его в разработку для отправки в ГУЛАГ, цитатами из трудов классиков, которых знал наизусть...

Особое раздражение, с довольной улыбкой позднее рассказывал Якуб, вызвала у них его фраза: «В брошюре поражает химерическое сплетение цветастых комплиментов в адрес КПСС, русского народа, его дружбы с народами Кавказа с конкретным вкладом в пользу идей совершенно иного характера». О сути «конкретного вклада» автор в заключении «Рецензии» пишет: «В разнообразной литературе прошлого и настоящего мы часто натываемся на «произведения», которые содержат... огульное охаивание чеченского народа... Чечено-Ингушское отделение общества «Знание» РСФСР указанной брошюрой внесло свой весомый вклад в это неблагоприятное дело...» (Архив Вагапова Я. Рецензия С. Сс. 1, 6).

После этого письма Якуб уже не был «ст.н.сотр. сектора языкознания ЧИИИСиФ».

В конце восьмидесятых, когда оживленная перестройкой античеченская клевета в подконтрольной партии прессе и художественной литературе, казалось, достигла очевидного даже для невооруженного глаза предельной степени маразма, он подготовил «Материалы к пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу». (Из архива Я. С. Вагапова. Материалы. С. 1-6).

Отлученный от научной деятельности, принципиально подчеркивая свое единоличное авторство подробными данными о себе: ФИО, ученая степень – «канд. филол. наук», занимаемая должность – «техник по учету шин ПО «Грознефть» в Нижнеартовске» и домашний адрес, он снова лезет не в свое дело, внося предложения по решению проблемных вопросов...

Якуб считает, что следует взять под особый «контроль проблему внедрения в сельское хозяйство ЧИАССР... прогрессивных форм организации труда», которые тогда оживленно обсуждались, и пишет почему: «... в республике слишком много людей из аппаратов, заинтересованных в «посредничестве» между производителем сельхозпродукции и государством. Они имеют неистощимый материальный и моральный интерес в максимальном ограничении прав непосредственного производителя». (Там же. С. 2.).

Далее автор Письма указывает еще на один – «другой из важнейших вопросов для чеченского и ингушского народов – это строгое соблюдение законности и социальной справедливости, преодоление системы круговой ответственности всех чеченцев и ингушей за противоправные действия отдельных лиц или групп чечено-ингушской национальности» (Там же. С. 3).

Особое место в письме было отведено критическому анализу «публикаций, рассчитанных на массового читателя», где «появлялись и продолжают появляться оскорбительные выпады и оценки-характеристики, дискредитирующие поголовно всех чеченцев и ингушей как изменников и предателей». (Там же. С. 3).

Якуб решительно разоблачил пещерный «патриотизм» некоего Г. Мурикова, ядом ненависти пытавшегося исказить гуманистическое содержание повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» в угоду шовинистической концепции, о якобы массовом предательстве вайнахов, которое, в свою очередь, якобы послужило поголовной их депортации.

В письме уделено внимание и рассказу В.Е. Субботина «Чечен», где нашла отражение история современной чеченофобии.

Автор письма отмечает грубое извращение исторической правды в повести А. Губина «Созвездие ярлыги», «субъективно в целом благожелательной по отношению к горским народам» (Там же. С. 3).

Больше других и поделом досталось представителю местных чесучовых Х.Х.

Бокову, который в ряде публикаций в центральной массовой печати неутомимо «охаивал чеченцев и ингушей оптом и в розницу». Якуб обвинил обкомовского идеолога и зятя «старшего брата» в косвенной попытке оправдать соучастие местных колониальных властей в геноциде вайнахов 1944 года.

В активизации же антивайнахских «выпадов» активистов агитпропа Якуб уже тогда чутко уловил «... проявление тревоги (власти предержавших) по поводу наметившегося в общественном сознании взгляда на выселение народов Северного Кавказа как на вопиющее беззаконие и ничем не оправданную жестокость» (Там же. С. 5).

Не приходится сомневаться в особой актуальности писем Якуба сегодня. Собранные воедино они могли бы составить ценную книгу, далеко небесполезную для тех, кто успел подзабыть, как все это было, тем более, что в них ясно просматривается глубоко осознанная автором позиция относительно дружбы чеченского и русского народов: «Чеченскому народу дружба с великим русским народом необходима как гарантия права на существование...» (Рецензия. С. 6). Он был за дружбу народов, но против ее суррогата и имитации... Борьба с абсурдной, антинародной, как он считал, деятельностью властей отнимала у него много времени. И она же требовала от него высокого профессионализма в самых разных областях знаний. Научные интересы Якуба были обширны и, хотя реализовались они, прежде всего, в области исторического языкознания, проблемами собственно языка они не ограничивались.

К сожалению, список его печатных трудов невелик. Но и то, что он успел опубликовать, представляет вневременную ценность для специалистов и любознательного читателя. В первую очередь, я имею в виду его небольшую, в 128 страничек, книгу «Вайнахи и сарматы» (Грозный. 1990). Это сжатый проспект-программа новых тем и направлений в изучении языка вайнахов и его истории, который стоит иных собраний томов-фолиантов, бесполезно пылящихся на библиотечных полках.

Книга содержит материал огромной революционной силы, способный разрушить устоявшиеся стереотипы об истории и культуре вайнахов, навязанные извне, что подтверждается и неумеренно бурной реакцией на нее авторов «Истории в зеркале паранауки», справедливой лишь в части увлеченности Якуба «вайнахоцентрализацией» исследуемой проблемы. (Гаджиев М.С. Кузнецов В.А. Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. М. 2006. Сс. 159-160,192).

В ней Якуб, как никто до него, глубоко проник в природу языка, в его грамматические законы, чтобы уже на уровне словообразовательных фрагментов лексемы обнаружить признаки родства вайнахских с языками древних. Что особенно ценно, методика, разработанная ученым, позволяет наращивать материал в пользу наличия такого родства.

Действительно продуктивным, по мысли автора, может быть метод исследования, сочетающий в себе широкое совокупное изучение письменных и археологических источников. Только так можно воссоздать объективную картину истории племен и народов.

Кто бы подумал, что между чеченским «вагар, ягар, багар, дагар» – «горение» есть что-то общее со славянским гореть и багровый... (общность, которая восходит к индоевропейской матрице языков). На примере этого «рудиментарного показателя грамматического класса в названных славянских словах» автор выдвигает гипотезу о «наличии в отдаленном прошлом категории грамматического класса в индоевропейских языках» (Вайнахи и сарматы». С. 117).

Таких, неожиданных на первый взгляд, откровений – результат глубокого проникновения автора в историю генезиса топонимов, этнонимов, антропонимов, в конечном счете, не оставляющих сомнения в их достоверности – великое множество в книге.

Книга читается с неослабным интересом, как фантастическое путешествие во времени – из настоящего в прошлое и из прошлого в настоящее.

Однако это не легкое чтиво, как то может показаться дилетанту-компилятору

от языкознания, который не зная броду, просто разбивкой слова на слоги «доказывает», например, происхождение слова «Италия» от чеченского «ит алу» («десять огней»), или происхождение англичан от вайнахов. Это было бы смешно, если бы и преподносилось как шутка...

А труды Якуба – это серьезно. На основе «раскопок окаменелостей» древнейших пластов нахского языка он выдвинул гипотезу, что вайнахи являются фрагментом распавшегося некогда могущественного общественно-культурного образования. Не менее важен и другой его вывод о том, что по тем же «окаменелостям» можно проследить, как из центров великих цивилизаций распространялись волны культурного влияния на ближние и дальние от источника страны и народы...

Кроме того, собранные Якубом этнонимы, топонимы и антропонимы, поддающиеся объяснению через посредство чеченского языка, широко раздвигали границы ареала обитания вайнахов в прошлом, как далеко выходящие за пределы их нынешней территории, что в свою очередь привело автора к выводу о многосторонности вовсе не враждебных социально-культурных связей вайнахов с ближними и дальними соседями и этническими объединениями, в том числе и с сарматами. Даже в этом, казалось бы, нейтральном умозаключении недруги пытались приписать автору некие территориальные притязания. Чего в реальности и близко не было. Конечно, в науке он продолжал борьбу с теми же фальсификаторами национальной истории и культуры, кстати, одним из важных пунктов доктрины которых составляла идея об абсолютной изолированности народов Кавказа (не только вайнахов!) от мировой цивилизации и отсюда недалеко и до идеи о благодати «добровольного вхождения» ... Это с одной стороны. С другой, усиленно пропагандировалась идея «вас здесь не стояло...», т.е. оспаривался сам факт проживания вайнахов на равнинной части Северного Кавказа, которое имело место быть вплоть до XV-XVI веков...

Исследования Якуба размывали фундамент под этими и другими из той же обоймы антинаучными трактовками.

Материализация «идеи фикс» власти, как было сказано, доверялась тому же обкомовскому лауреату В.Б. Виноградову, который вежеско «археологических экспедициях» варварски разорял древние курганы и могильники на нынешней территории Чечни, но, что удивительно, он в упор не находил, как ни старался, свидетельства пребывания здесь предков вайнахов – ни черепка «красной» или «малиновой керамики», ни «эпохи неолита», ни верхнего или нижнего палеолита, ни даже ржавого гвоздя эпохи «бронзы и железа». Ни-че-го. Ноль археологических фактов: «Вас здесь не стояло...»

Между тем лауреат, по установке сверху, непременно в связке с каким-нибудь аборигеном – м.н.с. из местного НИИ, или даже студентом (студенткой) университета (видимо, для большей убедительности) публиковал заметки о сенсационных «открытиях», где с пеной у рта доказывал, что в очередных раскопках в самой заповедной, казалось бы, глубинке Чечни якобы найдены неопровержимые доказательства пребывания... казаков.

Якуб опровергает антинаучные выкладки отчаянных патриотов-provokаторов от археологии во главе с В. Б. Виноградовым, которые еще в «Очерках истории ЧИАССР» (1967) сподобились нехорошим предкам вайнахов противопоставить «скифов», «сарматов», «аланов» и «сираков», в дружной семье которых якобы обитали одни только предки осетин. («Вайнахи и сарматы». С. 7).

Так, например, обкомовский лауреат с явно нездоровой радостью восторженно писал, как если бы он лично «громил, уничтожал, отеснял в глубь гор горские племена»: «... появившись как грозная сила, сарматы разгромили, уничтожили, подчинили себе или отеснили в глубь гор местные племена бассейна реки Терека» (Виноградов В.Б. «Очерки», 1967. С. 23 – 24).

Против этой дурно пахнувшей тирады, из которой торчали ослиные уши известного принципа «разделяй и властвуй», Якуб на Всесоюзной конференции, проходившей в с. Шатой в 1991 году, озвучил убедительно аргументированные выводы о том, что «нахский этнос имеет ближайшие родственные связи

с дагестанскими народностями, сарматскими племенами, с хурритами и урартами, с абхазско-адыгскими и картвельскими народами, а также, очевидно, с индоевропейскими народами». (Вагапов Я.С. Генетические связи нахских народов в свете данных языкознания. // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюзная конференция. Тезисы докладов и сообщения. Шатой – 1991 г. С. 35).

Доказательства чеченского ученого-диссидента, поддержанные рядом московских историков, прозвучали как гром среди ясного неба и, «как серпом по... бороденке», подкосили позиции придворных историков.

По свидетельству Мусы Багаева, Якуб успел подготовить к печати две книги: «Древняя и средневековая история вайнахов». 160 страниц в рукописи. И «Древняя история нахских народов», 320 страниц, тоже в рукописи. (См: «Они были первыми». С. 41).

Правда, судьба их до конца неизвестна. Ведь гибельным катком прокатились по Чечне две истребительные войны, уничтожая все живое и неживое на своем пути...

Последние кровавые события заставили соплеменников, не в последнюю очередь, обратить свои взоры к имени Якуба, и как к авторитетному ученому, и как мудрому общественному деятелю. Не случайно каждая из сторон организаторов т.н. «бессрочных митингов» пыталась заполучить его в свой актив...

В то смутное и тревожное время девятиных годов прошлого века, когда люди, потеряв ясные и, казавшиеся незыблемыми прежде, жизненные ориентиры, метались, не зная, что предпринять, Якуб не стоит в стороне от жизни, он принимает активное участие в работе культурно-просветительского объединения «Дош», организованного доктором философских наук А.Д. Яндаровым вместе с группой чеченских молодых писателей. Впоследствии он был избран его председателем.

В немалой степени из-за имени Якуба в объединение потянулись преподаватели, студенты, учителя и просто горячо заинтересованные в судьбе народа люди, которые наряду со старейшинами сыграли позитивную роль в том, что в бурные дни «чеченской бескровной революции», как ее назвали в российской и зарубежной прессе, действительно обошлось без крови, без большой крови...

Чтобы осмыслить прошлое, трезво оценить настоящее и принять правильное решение на будущее, нужны объективные исчерпывающие труды ученых, а для этого в условиях тоталитаризма ученому надо было быть незаурядной личностью, обладающей не просто широким кругозором и глубокими знаниями, но и личной порядочностью, неподкупной совестью и, что немаловажно, мужеством. Именно к таким личностям принадлежал сын Сираждина из Герменчуга – Якуб.

Семнадцать лет как его нет с нами. Он ушел из жизни, когда, казалось, очередная драма народа вот-вот завершится, и впереди забрезжил свет свободы... Но сердце не выдержало второго удара... Не вынесла его уязвленная душа новой трагедии народа, где и прежние-то обиды и страдания соплеменников, переполнявшие сердца, не до конца рассосались...

Он пал как боец на поле битвы, когда его разящее Слово окрепло настолько, что стало действенной «материальной силой» в борьбе с силами тьмы и зла... Обширный инфаркт не оставил ему шанса, и он погиб на взлете своей творческой активности полной энергии, больших планов и радужных ожиданий. К счастью, как говорил древнеримский поэт Овидий, «все изменяется, ничто не исчезает».

Сегодня редкий форум ученых обходится без упоминания его имени. Научная интеллигенция, друзья и коллеги явственно ощущают брешь в своих рядах... В том, что до сих пор нет ни улицы, ни даже переулка имени Якуба, никто не повинен, кроме нас, его коллег и друзей. Может, эти заметки напомнят соплеменникам: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!...»

Бу къоман бийца къонахий! Уьш мел бу, довр дац къоман сий!

Дала гечдойла Якъубна. Дала декъал войла и.

**Мадина Ахмадова,
Ася Абубакарова**

Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20-30 гг. XX века

Можно много спорить об историческом прошлом, находя положительное и отрицательное в событиях, происходивших в нашей стране – бывшем СССР. Но любая эпоха, любой общественный строй оставляет свой след в судьбе каждого народа; познавая свое прошлое, мы часто находим ответы на происходящее сегодня.

В социально-экономических и культурных преобразованиях, которые происходили в 20-30-е годы XX века в Чеченской автономной области, существенная роль отводилась женщине-горянке. В этот период женщины принимают активное участие во всех сферах общественной жизни, что приводит к консолидации всех женщин независимо от возраста, социального происхождения, образования. Особое внимание советских властей в 20-30 годах XX века уделялось вопросу образования и вовлечения горянок в социально-экономических и культурных процессах в республике.

В 20-ые годы были созданы специальные учреждения для работы с горянками: женские отделы (женотделы), делегатские собрания, женские профорганизации, сектора по работе среди женщин. Эти организации сыграли большую роль в деле вовлечения горянок в общественно-политическую деятельность. Работе женщин в производстве придавалось большое экономическое и политическое значение, а участие в процессе социалистического строительства считалось одним из важнейших условий ее «раскрепощения».

Деятельность партийных и общественных организаций среди горянок разворачивалась в следующих основных направлениях: правовая работа, борьба с укоренившимися бытовыми предрассудками и законами адата, за улучшение быта горянок, культурно-просветительная работа, вовлечение женщин в промышленное и сельскохозяйственное производство. В осуществлении этих задач активную роль сыграли женотделы, проводя политбеседы, делегатские собрания, конференции, на которых разьяснялись решения партии и правительства по вопросам ликвидации неравноправия женщин, агитации с целью их вступления в комсомол и партию.

В Чечне систематически проводились конференции, съезды женщин, делегатские собрания. Так в 1924 году в Чечне было впервые избрано 203 делегатов. Делегатки регулярно собирались, обсуждали конкретные жизненные вопросы, вносили предложения, добивались их выполнения. Например, в селении Старый-Юрт большой активностью в работе делегатского собрания отличилась первая женщина-чеченка, выдвинутая на общественную работу, Зоя Матаева, которая в последующем была направлена на учебу в Грозный, а затем и в г. Ростов в совпартшколу (советскую партийную школу). К концу того же 1924 года в комсомол вступила 21 чеченка, одна из первых была Шумисат Хасанова. А уже в 1927 году в комсомол вступили 89 чеченок. В Чечне работали две комсомольские ячейки в селениях Комсомольском и Урус-Мартане. В том же году состоялся первый выпуск 16 учителей-чеченок. В рядах партийной организации Чечни к концу 20-х годов состояло более 50 чеченок.

В условиях Чечни наилучшей формой работы среди женщин оказалась организация «женских кружков» при женотдельских организациях на местах. К примеру, в селении Алхан-Юрт имелся женский клуб, который посещали

170 чеченок, клуб являлся постоянным местом женских делегатских собраний. Работа женских кружков и делегатских собраний дала реальные практические результаты; чеченка понемногу начинает выступать, как общественная и даже политическая работница, выходя за пределы своей пассивной роли. Среди первых женщин-активисток, которые принимали участие в общественной жизни, были такие, как Халисат Батукаева – председатель окружного трудового суда, М. Абдулаева – инструктор Чеченского облпотребсоюза, Б. Сулейманова, А. Азаева, Ю. Умалатова, М. Ибрагимова – женорганизаторы отдела работниц Чеченского областного комитета партии, З. Китаева – заместитель председателя Урус-Мартановского аульского Совета, З. Мухтарова – секретарь Мехкетинского аульского Совета (Веденского района). Марьям Исаева (одна из первых среди чеченских женщин-писательниц, стоявших у истоков советской чеченской литературы) – руководитель отдела дошкольного воспитания Чеченского областного ленинского отдела народного образования, с 1924 по 1929 годы она работает в женском отделе Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), а также занимается организацией для женщин-горянок изб-читален и пунктов по ликвидации безграмотности. В дальнейшем Марьям – редактор музыкального вещания при радиокомитете. Многие чеченки, следуя примеру передовых женщин-соотечественниц, стали принимать непосредственное участие в социально-экономическом развитии региона и страны в целом, втягиваясь в общественную и производственную деятельность.

Но, тем не менее, слабо была налажена работа с женщинами в горной части Чечни. Эту проблему одна из активисток, Салманова, вынесла на заседание II-го пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б), состоявшегося 22 октября 1928 года. В ее выступлении прозвучало, что в Национальных областях, в частности, в горной части Чечни работа Советов среди женщин не налажена на уровне. Председатели, как сельсоветов, так и окружных исполкомов не задействуют горянок на ответственных работах. Обратила внимание на то, что необходимо активизировать работу с чеченками именно в горной части Чечни.

Из архивного документа «Подготовка кадров по области в учебных заведениях и на краткосрочных курсах» следует, что за 1927-30гг.: «... по всем ведомственным линиям облисполкома: финотделу, земуправлению, отделу народного образования и другим обучалось 5924 чел. Из них 190 женщин». (ЦГА ЧИАССР, ф. Р-264, оп.1, д. 10, л. 49.).

Одной из форм вовлечения женщин в общественное производство была и кооперация. Если в первые годы организации потребительских кооперативов в них не принимала участия ни одна женщина, то уже к 1925 году в Чечне насчитывалось около 600 местных работниц. А спустя год только в Чечне всеми видами работы было охвачено более 4826 женщин, из них в кооперации – 2864 человека. В Чеченской автономной области членами сельсоветов в 1926 г. было избрано 529 женщин, а в 1929 г. – 701 человек. Первой из женщин в Чечне председателем сельсовета была избрана Абадат Асабаева, член партии, героиня Гражданской войны. Если к началу пятилетки в промышленности Чечено-Ингушетии не было ни одной чеченки, то уже в 1932 году их было – 614.

Большую роль в вовлечении горянки в общественное производство сыграли организованные при областных и окружных комитетах Советов комиссии по улучшению труда и быта женщин, оказавшие немалую помощь в создании женских колхозов. Особое внимание местные органы власти уделяли на подготовку колхозных кадров. В 1929 году в Чечне было организовано – 5 женских колхозов. Женщины-горянки становились руководителями колхозов. К примеру, известными руководителями колхозов были: П. Эсембаева – председатель колхоза «Свободная чеченка», А. Джабраилова – председатель колхоза имени Кирова, И. Аюбова – председатель колхоза имени Калинина, К. Эбаева – председатель колхоза «Ленинский путь» и многие другие. Женские бригады колхозов «Красный земледелец» (с. Самашки), «Красный чеченец»

(с. Закан-Юрт), «Красный труд» Гудермесского района, «Красный партизан», «Путь Ленина» Урус-Мартановского района были признаны лучшими ударными бригадами. Для подготовки колхозных кадров женщин направляли учиться на краевые колхозные курсы горянок. В числе курсанток-горянок при краевых курсах сельскохозяйственной кооперации и колхозного строительства Национальных областей Северо-Кавказского края, организованных в городе Орджоникидзе в 1930 году из 10 командированных от Чеченской автономной области были только две чеченки: Хасарова и З. Рожабова. С каждым годом возрастала роль участия женщины в коллективных хозяйствах (колхозах). Появились женщины-передовики, опережавшие по нормам выработки большинство мужчин.

С первых же дней становления Советской власти в Чечне начала проводиться работа по улучшению организации здравоохранения трудящихся, особенно детей и женщин. В целях охраны материнства и младенчества внедрялась санитарная культура, и строились объекты здравоохранения. В этой сфере соответственно была нужда в женских работниках, и здесь начали привлекать представительниц коренной национальности.

В 1927 году в городе Грозном состоялся I-й Областной съезд женщин-чеченок, членов сельсоветов. На съезде присутствовало 146 делегатов. Наибольшее внимание участников съезда было сосредоточено на задачах женского образования. Было признано необходимым не только учреждение ликпунктов (пунктов по ликвидации безграмотности), но, главным образом, устройство долгосрочных курсов для горянок, которые готовили бы работников-чеченок по ликвидации женской неграмотности, а также женорганизаторов. Участие горянок в общественной жизни, повышение их общесоветского культурного уровня невозможно было осуществить без ликвидации неграмотности. Была поставлена конкретная задача: пропустить через ликпункты всех членов кружков горянок, работающих в мастерских, а также горянок-делегаток. В этих целях увеличивалось отчисление средств до 30% из культурного фонда на масштабную культурно-просветительную работу среди горянок, эти деньги направлялись на организацию и расширение клубов, ликпунктов, кооперированных кружков и курсов. В газете «Грозненский рабочий» тех лет в публикации «Организация курсов по переподготовке женщин-председателей сельских советов» извещается, что: **«Президиум ВЦИК решил организовать двухмесячные курсы для повышения квалификации женщин-председателей сельских советов. Курсы должны быть организованы не позднее 1 июня 1930 года».**

По резолюции Краевого национального совета (Крайнацсовета) от 14-15 июня 1927 г. было предложено в целях продвижения женщины-горянки на общественную работу и создания для нее лучших экономических условий принять соответствующие меры. Эти меры должны были обеспечить более широкий доступ горянке во все типы национальной школы, в частности, профессиональной школы. Более того, расширялась сеть клубов, и создавались специальные учебные мастерские для женщин. К примеру, был организован Горский техникум кустарного производства и ремесел для женщин горянок. В целях содействия и развития кустарного производства советские органы активно подключали в кустарную промышленность женщин. Так в 1927 году в Чечне работали бурочно-войлочные артели в Старом Юрте и Ведено. В этих артелях работало до ста женщин. Это было и осязаемым материальным подспорьем в семейный бюджет трудоустроенных женщин. Вот как извещает об этой работе республиканская печать тех лет: **«Кустпромсоюз приступает к широкой организации женских артелей в Чечне. Сейчас в Чечне работают артели бурочно-войлочные – в Старом-Юрте и Ведено. В первой артели работают 46 женщин. Во второй артели работают 54 женщины. Организована и третья артель – портняжная – в городе. В нее входят 15 домашних хозяек»** (Газета «Грозненский рабочий», 14 декабря 1927 г.).

«В целях создания актива для работы среди женщин на местах женотделом организованы четырехмесячные курсы для чеченок из аулов. На курсах поведется работа по ликвидации технической неграмотности, кроме того слушательницы получают запас необходимых знаний для повседневной культурной работы: домоводству, воспитанию детей, санитарии, сельскому хозяйству, огородничеству и т.д. Оригинально будет проходить учеба на этих курсах. Учителей могущих преподавать много, но они не знают чеченского языка. Решено – эти учителя будут заниматься с группой городских женщин-чеченок, с тем, чтобы они выступали перед слушательницами с усвоенными уроками» (Газета «Грозненский рабочий», №18, 22 января 1927 г.).

Кружки и клубы горянок играли большую роль в быстром развитии женского образования. Но участию чеченок в общественной работе в зимнее время сильно препятствовало отсутствие теплой одежды. Это были тяжелые годы послевоенной разрухи Гражданской войны. Материальное положение населения нашего края, как и всей страны, находилось в начале возрождения.

В этой связи Краевой комитет партии в 1928 году предложил развернуть агитацию среди горцев за приобретение для горянок теплой одежды. В постановлении Секретариата Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) отмечалось «... в связи с отсутствием теплой одежды женщины не могут принимать активное участие в общественной работе в зимнее время, при наличии суровых зимних месяцев лишает девочек возможность посещать школы». Кампания «пальто – горянке» началась в 1928 году. Беднячкам, членам кооперативов, активисткам, женщинам, посещающим ликбезы и избы-читальни, пальто предоставляли в кредит, школьницам из малоимущих семей – бесплатно, хотя местами отмечались случаи «отказа взять пальто... по традициям». В течение года государство помогло одеть около 6,5 тысячи женщин и девочек: многие покупали их, конечно, за деньги. Отделы народного образования разрабатывали специальные планы по школьному образованию девочек и женщин. Горянок направляли на учебу в рабфаки (рабочие факультеты), на специальные курсы ликвидации неграмотности, медицинские курсы. II-ой Пленум национальной комиссии Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) подчеркивает необходимость организации во всех национальных областях в 1928 году 3-х годичных учительских курсов для подготовки кадров учителей из горянок и считает необходимым обеспечить максимальный рост и укрепление сети ликпунктов, школ I и II ступени малограмотных клубов горянок, изб-читален. Огромное значение в деле ликвидации неграмотности имела подготовка ликвидаторов неграмотности из числа самих женщин. Крайком ВКП(б) организует специальные бригады из грамотного актива горянок для их дальнейшей работы ликвидаторами неграмотности среди горянок. В 1927 году первые 16 чеченок – ликвидаторов (безграмотности) успешно окончили краткосрочные учительские курсы. В 1928 году в 8 ликпунктах Чеченской области обучалось 194 женщины, а уже в 1929 г. в школах I ступени насчитывалось 888 девушек, в детском городке – 28 девочек, в вузах и техникумах занималось 30 горянок. При Алхан-Юртовском клубе и в некоторых других местах были учреждены женские ликпункты, в которых обучались 259 чеченок. Чеченским отделом работниц было организовано несколько школ шитья, бурочного и чулочного производства, где обучалось свыше 100 женщин. Эти школы оказывали, сильное образовательное и развивающее влияние. В 1937 году на рабфаке обучалось 70 женщин-горянок, в медицинском техникуме 32 женщины, были организованы курсы секретарей-машинисток из числа горянок (фото). 20 чеченок окончили кооперативные курсы, 45 горянок – курсы трактористов. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 4 мая 1939 году за выдающиеся успехи в деле обучения и воспитания детей в сельских школах и активное участие в общественной жизни села 27 лучших учителей республики награждены орденами и медалями СССР.

В конце 20-х и в начале 30-х годов XX века, в решении вопросов культурного строительства на местах усиливается борьба за переустройство старого быта. Северокавказская краевая комиссия по улучшению труда и быта трудящихся женщин объявила широкую кампанию ежегодных культурно-бытовых походов. Такие походы проводились не только в городах, но и в селениях силами местных и городских активистов, с участием комсомольцев, пионеров, учителей, дошкольных работников, врачей. В Чечне такие походы устраивались студентами учебного городка имени А. Шерипова в г. Грозном».

Огромное значение для Чечни и Ингушетии имел Декрет Горской республики, изданный в 1922 году, о семейно-имущественных правах горянок, по которому воспрещались похищение женщин, калым, принудительная выдача девушек замуж.

Борьба с бытовыми преступлениями отразилась в участвовавших обращениях потерпевших в прокуратуру и суд, в резолюциях партийных и женских конференций. В прессе эта проблема Чечено-Ингушетии оставалась актуальной до конца 1930-х годов. Женщины начали бороться за улучшение своих бытовых условий, возбуждали в судах дела о разделе имущества при разводе, т.е. отстаивали свои гражданские права. Горянки активно начали привлекаться к работе судебных органов. В условиях Чечни женщины для решения различных правовых вопросов охотнее шли за помощью в те суды, где народными заседателями были женщины. Уже к концу 1928 года в Чечне было избрано народными заседателями 277 женщин горянок.

Так одна из первых женщин – судебных работников Сийлаха Даудовна Асиева из селения Алхан-Юрт с 1925 года начала трудовую деятельность в возрасте 13 лет, обучая грамоте сельских детей. Затем, после завершения учебы на двухгодичных курсах во Владикавказе, вернулась в село учительницей начального образования. В 30-е годы Асиева Сийлаха работает в Верховном суде ЧИАССР.

Начиная с конца первого десятилетия функционирования советской власти, наблюдается процесс отхода части женщин Северного Кавказа от патриархальных устоев адата. Этому способствовало ужесточение форм ответственности по советскому законодательству, в котором предусматривалось наказание мужчин лишением свободы сроком не менее одного года за нарушение прав женщины. Вместе с тем, необходимо отметить, что повышение социального статуса женщин и их юридического равноправия с мужчинами не всегда зависело исключительно от правовых нормативов правоохранительных органов государства.

В целом, как ни велики были общие сдвиги в быту горской семьи в первые два десятилетия Советской власти, ему еще была присуща традиционность, противоречащая советским условиям жизни. Таким образом, в 20-30-е гг. XX века целенаправленно решался вопрос вовлечения чеченской женщины в социально-экономическую и культурную жизнь общества в целом. Одной из самых положительных сторон развивающегося советского строя явилось частичное решение проблемы образования всех слоев населения (в частности чеченских женщин) т.е. ликвидации неграмотности. Чеченская женщина благодаря трудолюбию и упорству за короткий период достигла немалых успехов.

Прометей во плоти

Большинство людей к старости начинают поддаваться болезням: одни – раньше, другие – позже. Воспринимают они «сдачу» своих позиций также по-разному: одни – болезненно, другие – спокойно и стойко, считая это естественным процессом, а третьи – не смиряются с постигшей их участью, и по привычке проявляют активность, в свойственной им манере.

Именно такие люди вызывают у меня восхищение! Они не цепляются за жизнь, как многие в этом возрасте. Не жалуются и не ноют. Они знают – все в воле Творца! Они стремятся лишь за оставшееся время сделать как можно больше в той области, которой отдали всю свою сознательную жизнь!

Но что может сделать, к примеру, больной человек преклонного возраста, которому уже за семьдесят, если даже прожил богатую событиями жизнь; человек, занимавший видное положение в своей области – геологоразведке нефтегазовых промыслов бывшего Союза ССР, прошедший к тому же, более 26 лет в Тюмени в поисках новых месторождений; человек, возглавлявший в свое время Министерство нефтяной промышленности Чечено-Ингушской Республики; ученый с именем?!

Найдутся люди, способные скептически отнестись к «возможностям» такого человека. Даже те, которые считали за честь находиться рядом с ним, во времена его взлета, забывают о его существовании. Такова – горькая правда жизни!

Жизнь каждого человека – это маленькая история народа. Из вклада каждого складывается целостность истории. Сколько знаменитых людей покидает этот мир, унося с собой свой жизненный багаж, опыт, свои воспоминания. К сожалению, тем самым открывается возможность для отдельных «патриотов» искривлять или трактовать историю народа на свой лад.

И тем ценнее, когда отдельные личности, не являвшиеся в прошлом писателями или поэтами, в зрелом возрасте обращаются к писательскому труду: переключаются на бумагу свои чувства, свое понимание окружающего мира, прожитую жизнь! Этим они несут воспитательную функцию для подрастающего поколения: весомый нравственный вклад в развитие личности, всегда вызывает чувство гордости и патриотизма.

Сказанное имеет прямое отношение к Зайнди Дурдиеву, моему земляку и родственнику по матери, жизнь которого является ярким образцом беззаветного служения своей отчизне, а для меня – достойным примером для подражания.

Мужество человека проявляется не только во времена великих потрясений, но и в обыденной жизни. Я узнал, что Зайнди болен и находится на лечении в Москве. Увидел его спустя некоторое время, после не совсем удачной операции на почки. Было не привычно видеть его с тростью, передвигающегося по комнате не твердой походкой с плохо слушающимися руками. Был бледен и худ. Сердце защемило. Но все это отошло на задний план, как только он заговорил о своих творческих планах. Звонкая речь, сопровождающаяся коротким

смехом и горящие глаза, не увязывались с болезненным состоянием. Он, как «проснувшийся вулкан», говорил все, говорил – пока, после моих нескольких попыток не понял, что я устал...

После этой встречи, спустя несколько месяцев, я поймал себя на мысли, что постоянно думаю о Зайнди, как о неординарной личности. И в очередной раз, когда созвонились, сказал ему, что хочу написать о нем. Он, в свою очередь, предложил написать о некоторых знаменитостях – выходцах с нашего села. В этом проявилась скромность его. Но я хотел написать именно о нем, и с этой целью напросился на интервью. В назначенный день мы встретились...

Зайнди представляет то поколение чеченцев, которое испытало в свое время трудности депортации, восприняло с благодарностью возвращение народа на свою историческую родину после высылки, и с огромным желанием и жадой к знаниям включилось в созидательный труд, в соответствии с лозунгами коммунистической партии Союза ССР. Именно этот отрезок времени, совпавший с его становлением как личности, определило дальнейшую судьбу, мировоззрение и мироощущение. Он верил тому, что выполняя свой долг, укрепляет мощь страны.

И поэтому не случайно у этого поколения, распад могущественной страны, и хаос, порожденный перестройкой, сопровождавшийся трагическими событиями, и изменением всей политики страны, выбили почву из под ног. Оно оказалось, в массе своей, незащищенным, растерянным, беспомощным, и с трудом вписывалось в «новый» порядок, не желало примиряться с теми безобразиями, которые наблюдались в политике, экономике, социальной сфере. Но двадцатилетний отрезок такой жизни, наложили свой отпечаток. Поколение состарилось, поредели ряды, замучили «болячки», но не смирилось. И яркий пример тому – Зайнди Дурдиев.

По его словам, он родился в бедной крестьянской многодетной семье, члены которой, достигшие 16 лет и более, обязаны были трудиться в колхозном производстве (в поле, на ферме, на разных работах).

«Не было ни одного дня в нашей семье, чтобы родители не думали чем прокормить семью».

Колхозный труд по своей социальной защищенности был хуже, чем при крепостном строе в России. Оплата производилась один раз в год натуральной продукцией (зерно, сено, овощи), количество которой зависело от трудодней и погодных условий. При этом государство не гарантировало колхознику помощь при неурожае. «В нашей большой семье, как и в других, дети в школе не учились. Если начинали учебу, то заканчивали ее после четырех классов, или, в крайнем случае, в шестом-седьмом классе».

Дети в чеченской семье в те годы были предоставлены самим себе. О значении и роли образования, просвещения, профессиональной подготовки, культуры и искусства, сельский житель имел лишь смутное представление. Вот на этом фоне и был выселен 23 февраля в 1944 году весь народ. При этом на сбор вещей в дорогу, то есть ручной клади, было дано всего 10-15 минут. Все имущество было оставлено на произвол судьбы. Старших мужчин под конвоем, как арестантов, сначала вывели из села, а затем, вместе с семьями доставили на железнодорожные станции, погрузили в обычные товарные вагоны, абсолютно не пригодные для проживания даже на одни сутки, и отправлены в Казахстан и Среднюю Азию.

«Нашей семье, как и тысячам других, не повезло. Нас привезли в Северный Казахстан в трескучие морозы. По пути гибли люди. Поезд периодически останавливали, чтобы выгрузить трупы. Их оставляли по обе стороны железной дороги».

О лишениях, которые испытал чеченский народ в течение 13 лет в ссылке, написано и еще напишут немало. Не останавливаясь на этих трагических событиях, я задал свой первый вопрос:

– Скажите Зайнды, что вам нравится и что не нравится в нынешних временах?

– Мне радостно, я счастлив, что с начала двадцать первого века, наконец, в Чечне, наступили мир и спокойная жизнь. После страшных потрясений, трагедий, войн, репрессий, депортации в девятнадцатом и двадцатом веках, и братоубийственной войны в конце двадцатого века, наш народ нашел в себе силы, мужество, пережить человеческие потери, разрушения. Доказал народам Земли, что чеченцы не уступят свою свободу, не продадут и не изменят национальную самобытность, не изменят своей Чечне.

За короткое время наш народ сплотился в единую семью под руководством патриотов, – выдающихся организаторов Ахмад-хаджи и его сына Рамзана Кадыровых и их верных сподвижников, сумел не только восстановить разрушенную Чечню, вернуть в каждый дом и семью мир и счастье, но и небывало преобразить города, села, поселки всей республики.

Один журналист из центра сказал мне на радостях: «Вам, чеченцам, завидуют ваши соседи, а во всем мире вами восхищаются доброжелатели». Мне нравится, что наступило время свободы. Люди могут выезжать в другие страны на постоянное место жительства или учебу. Этого мы были лишены в Советское время. Многие возвращаются, но уже более высокообразованными. И это не может не сказаться плодотворно на жизни и политике республики.

А не нравится мне вот что: Россия одно из государств мира, которое обладает и владеет огромными минерально-сырьевыми и природными ресурсами. Тем не менее, по оценке международных аналитиков, по экономическому потенциалу и уровню социального благосостояния и защищенности населения, страна стоит на шестьдесят седьмом и сорок втором местах, соответственно.

Как ведущий специалист в своей профессии, я недоволен тем, что в Чечне не на должном уровне поставлена научно-исследовательская и поисково-разведочные работы в области топливных ресурсов – нефти и газа. Мало что делается для восстановления нефтяной промышленности и ее научно-исследовательской базы. Я возмущен состоянием сельскохозяйственного производства. В Чечне около трехсот тысяч гектаров пахотных земель, более ста восьмидесяти тысяч гектаров пастбищных угодий (степи, полупустыни, альпийские луга). По информации местных органов, да и сам я очевидец, большая часть земель не вовлекается в сельскохозяйственный оборот. Много безработного сельскохозяйственного населения.

Внушает тревогу положение в сфере высшего образования в республике. Много студентов не посещают занятия, не получают должных знаний. А ведь молодежь – будущее нашей республики. Я говорю об этом потому, что беседовал со многими преподавателями и студентами.

По сведениям академиков Академии наук Чеченской Республики производством не востребованы новые разработки, и не практикуется выполнение договорных работ по разным темам, проблемам: нефтяного производства, сельского хозяйства, использования природных и сырьевых ресурсов, здравоохранения, образования, истории... У нас нет общественных, инженерно-технических работников, учителей, медиков, которые активно трудились бы с государственными институтами, учреждениями, и обсуждали бы

проблемы жизни, быта, вопросы социального характера и т.п. Это безразличие интеллигенции накладывает отпечаток на нашей жизни.

– Как вы оцениваете свое здоровье, и есть ли надобность указывать чиновникам на их ошибки?

– Говорить, что кто-то допустил ошибку, например, действуя безответственно при проведении мне операции – было бы неприлично. В работе любой бывают промашки. Гарантии стопроцентной нам не даст никто. Моя болезнь – продукт времени, эпохи, которую пережили, испытали, перенесли мои сверстники.

Я достаточно здоровым и энергичным приехал (в тридцать четыре года) на Крайний Север, где жизнь осложнялась не только лютыми морозами, дефицитом кислорода в атмосфере (пятнадцать процентов), но и отсутствием нормальных жилищно-бытовых и социальных условий.

С начала зарождения Советской власти был один лозунг – покорять природу, дать стране нефть, уголь, строить железные дороги, города, при этом быт покорителей, строителей коммунизма, в основном, проходил в палатках, полевых вагончиках, на мерзлой земле. И здесь сохранить и сберечь здоровье удавалось не каждому. Спустя десятки лет такая жизнь и аукнулась болячками. Моя участь постигла тысячи и сотни тысяч покорителей Севера и Дальнего Востока. Поэтому, жаловаться не будем. А будем бороться доступными средствами, не теряя мужества, воли. Слава Аллаху, моя голова пока соображает; мысли и память позволяют заниматься и наукой и творческой деятельностью.

– Какие приоритеты вы видите для Чечни, для поднятия ее экономики?

– Приоритеты определяют те богатства, которые имеет республика, и которыми, к сожалению, пока пользуемся не совсем умело. В вину это никому не ставлю, ибо мы потеряли многое из-за прошлых трагических событий. Наша республика богата не только наземными природными богатствами (плодородные почвы, богатый растительный мир, горные реки, леса, горные альпийские луга), но также и запасами нефти, газа, термальных и минеральных источников. Кроме того, в горах и предгорьях неисчерпаемые богатые твердые ископаемые – сырье для производства строительных материалов, стекла и многого другого. Но самое великое достояние нашей Чечни – это плодородные земли с различным почвенным покровом, на которой можно развернуть всевозможное сельскохозяйственное производство. И народ наш, сам по себе, с испокон веков был привязан к земле, и даже в древнейшие времена кормил соседей.

Конечно, реальными стратегическими ресурсами для развития современной индустрии, остаются нефть и газ, а также богатые термальные воды. Наряду со сказанным нужно строить и развивать и другие отрасли. Большие возможности имеет туризм. Не тронутыми цивилизацией, первозданными остаются наши горы, которые привлекают тысячи туристов. Следовательно, необходимо создать соответствующую инфраструктуру. Радуюсь, что уже начато строительство крупных оздоровительных баз, курортов, горнолыжных объектов. Ну и, конечно, особое внимание нужно уделять вопросу подготовки кадров. Поднять на более высокий уровень образование, просвещение, развивать любовь к искусству, зодчеству.

Ясно одно – не следует вариться в собственном соку. Надо обмениваться опытом с другими регионами и странами. Развитие любых отраслей –

промышленности, медицины, образования, сельского хозяйства – освоение минерально-сырьевых и природных ресурсов, должно базироваться на научных изысканиях и разработках. Поэтому, в республике нужно срочно создавать отраслевые научные учреждения, институты, лаборатории. Надо идти в ногу со временем.

Я прожил интересную жизнь, достиг определенных результатов и многое видел. Это и дает мне право для такого видения. Я горжусь, что за двадцать лет работы в разведке нефтяных и газовых месторождений Тюменской области и Заполярья, в качестве начальника цеха, отдела, начальника нефтегазоразведочной экспедиции, главного геолога Объединения «Ямал-Нефтегаз-Геология», с моим участием открыто более тридцати месторождений нефти и газа, подготовлено около двадцати триллионов кубометров природного газа. Нашими научными исследованиями установлена перспективность поиска нефти в юрских (один из геологических периодов) отложениях Арктического бассейна Заполярья Тюменской области. Эти исследования легли в основу моей кандидатской диссертации. Как активный участник, внесший большой вклад в освоение Западной Сибири, отмечен в энциклопедическом издании «Биография великого подвига», подводящего итоги пятидесятилетия открытия нефти и газа в западной Сибири. В тысяча девятьсот девяносто первом году, после государственных «перестроек» я вернулся в Грозный и в феврале тысяча девятьсот девяносто второго года был назначен на пост министра нефтяной и химической промышленности Чеченской Республики.

Как профессионал в области нефтяной экономики могу свидетельствовать: при нынешней правовой, производственной, научной, исследовательской и финансовой форме управления, нефтяная промышленность Чеченской Республики, как экономическое предприятие, долго не продержится на плаву, по ряду причин. Судите сами. По договору с Федеральными органами Чеченское ОАО «Грознефтегаз» не имеет своих подразделений: научно-исследовательских предприятий бурения скважины, не может выступить со своей программой развития геологоразведочных работ, привлекать инвестиции, специализированные предприятия, заключать договора, получить кредит и так далее. Такое положение и привело за последние шесть-семь лет к снижению нефтедобычи с двух с половиной миллионов тонн – до ноль целых, четыре десятых миллионов тонн. Причем, за это время не пробурено ни одной разведочной скважины. Я вышел с обстоятельной запиской по данному вопросу в Правительство нашей республики, в которой предложил реальные шаги к тому, чтобы мы имели право управления и организации нефтяной индустрией, как самостоятельное предприятие по примеру «Татарстаннефть» или «Башнефть». Я остаюсь в строю и хочу быть полезным для своей республики и своего народа...

Уходя от Зайнды, я пожелал ему скорейшего выздоровления и удачи во всех начинаниях. Я шел по проспекту имени Кадырова со смешанными чувствами. Слева от меня высились ультрасовременные небоскребы, которые поражали воображение своим величественным видом. «Жизнь продолжается», – сказал я сам себе, и тут же поймал на мысли – это же ведь фраза Зайнды Дурдиева, из названия его первой повести, изданной в Москве много лет назад. И тут же предстало перед глазами его доброе одухотворенное лицо, излучающее внутреннюю силу и тепло.

Беседовал Али ЗАРМАЕВ.

Книжные новинки**Я верну тебя в жизнь**

Как-то тихо и без «пышных презентаций» вышла в свет книга, одним из авторов которой стала женщина, чье имя еще совсем недавно было на слуху не только в нашей республике и России, но и далеко за пределами страны. Книга «Я верну тебя в жизнь» написана Бирлант Касаевой (да-да, той самой!), при непосредственной помощи в работе над ней близкого родственника Бирлант, журналиста Рамзана Ибрагимова. В предисловии авторы подчеркивают, что «не претендуют на лавры писателей». Просто, случилось так, что неумная, эмоциональная Бирлант Касаева – педагог, директор социального приюта, обладатель премии ООН «Золотое сердце» – в одночасье оказалась не у дел. Непривыкшая к праздному времяпрепровождению, она взялась за ручку, дабы доверить свои мысли бумаге. Ее записи попались

на глаза подругам. Потом их прочитали некоторые знакомые, имеющие отношение к литературе, и выразили единодушное мнение, что это – готовый сюжет для романа».

Что в итоге вышло из этого сотрудничества, авторы предлагают судить читателю. В то же время этот труд, изложенный художественным языком, имеет все основания называться документальным, поскольку: «Практически каждый наш герой имеет своего прототипа. Многие из них, к счастью, живы и по сей день и фигурируют в книге под своими настоящими именами».

Что же, для всех, кому небезынтересно, как происходит становление большой личности, а сердца становятся золотыми, стоит открыть эту книжку в неброской мягкой обложке и присмотреться внимательнее к ее главной героине с красивым именем Лейла.

К нашим иллюстрациям**Арт-проводник в мире красоты**

Луиза Рассуханова родилась в Грозном 27 июля 1988 года. Среднюю школу окончила здесь же, в 2005 году. Любовь к изобразительному творчеству, как водится, зародилась еще в детстве, и однажды привела Луизу в детскую художественную школу в Ингушетии, где она находилась вместе с тысячами других чеченских беженцев. А затем, эта же любовь привела ее и на факультет искусств Чеченского государственного пединститута, который она успешно закончила в 2011 году. В начале 2012 г. на встрече Союза Художников РФ с начинающими художниками ЧР Луиза Рассуханова была замечена, как и другие члены арт-группы «Хазна», как талантливый, подающий надежды художник и приглашена известным чеченским художником Саид-Эми Юнусовичем в свою студию на практические занятия, с целью дальнейшего профессионального роста. Следуя примеру своего учителя, Луиза Рассуханова пошла по его стопам в благотворительной сфере – так, в 2012 году она приняла участие в молодежном форуме «Машук-2012», где ее проект «Художественная школа для малоимущих детей» успешно прошел и был отмечен Главой Республики Р. А. Кадыровым, как один из лучших волонтерских проектов.

В настоящее время Луиза работает в ЧГПИ преподавателем истории изобразительного искусства и в городской средней школе № 29 учителем рисования. Здесь, в школе воплотилась и ее мечта – открыть собственную художественную студию «Арт-мир» – для детей-инвалидов и малоимущих (правда, приходят сюда все дети, кому интересно рисование). Является членом Молодежного объединения в Союзе художников ЧР. Ее картины, как и прежде, в годы студенчества, принимают участие в различных художественных выставках республиканского, регионального уровня и за рубежом.

На обложке журнала представлены следующие работы художницы: 1 стр. – «Селение Хал-Келой», 2 стр. – натюрморт с нарциссами «У окна», 3 стр. – «Горный пейзаж», 4 стр. – «Озеро Кезеной-Ам».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Малика Гайсултанова (1961). Окончила Серноводский техникум в 1980 году, по специальности «бухгалтерский учет». Пишет стихи с детства. Публикуется в местной периодической печати.

Муса Арсанукаев (р. 1952). В 1975 году окончил филологический факультет ЧИГУ и стал работать учителем русского и чеченского языков в Чири-Юртовской СШ. В 1990-1991 годах работал преподавателем русского языка в национальном лицее в г. Бисау Республики Гвинея-Бисау. В настоящее время работает редактором отдела экономики республиканской общественно-политической газеты «Даймохк».

Мадина Абдулваганова. Проживает в Надтеречном районе Чеченской республики. Пишет рассказы, занимается театральной деятельностью – ставит спектакли в любительском театре. Учится на четвертом курсе филологического факультета Чеченского государственного университета (отделение журналистики). Публиковалась в журнале «Вайнах», в газете «Грозненский рабочий»

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень», романа «Имя Родины». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Вахит Акаев (1952). Ученый, доктор философских наук. Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. В периодической прессе публикуется с 1974 года (в газете «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», «Молодежная смена», а также в журналах «Нана», «Вайнах», «Конфликтология» (Санкт-Петербург), «Азия и Африка сегодня», «Кавказское обозрение» и др.). Автор нескольких научных монографий («Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение», Грозный, 1994 г., «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, 2004 г., «Национальная идея чеченцев: от постановки до разработки», Грозный, 2007 г., «Ислам в Чеченской Республике», М., 2008 г. и др.).

Казбек Гайтукаев (1937). Окончил Чечено-Ингушский государственный пединститут. Кандидатскую диссертацию («Тема Кавказа в русской литературе 30-гг. XIX века») защитил в Тбилиси; занимал должности зав. кафедрой русской литературы ЧГУ и ЧГПИ, декана филфака ЧГПИ; в 1994 г. ученым советом ЧГПИ избран профессором. Автор многочисленных научно-исследовательских трудов в области литературных и культурных связей, популярных статей и обзоров по творчеству местных писателей и русских классиков: «В пламени слова» (1979), «Писатель и его герои» (1999). Организатор первой юбилейной (1984) лермонтовской конференции в ЧИАССР; автор, составитель и редактор сборника участников конференции «Проблема творчества и биографии М.Ю. Лермонтова» (1987). С 1997 по 2002 гг. – Председатель Союза писателей ЧРИ, член Союза Писателей СССР, с 1998 г. – Сопредседатель Международного Сообщества Писательских Союзов (МСПС).

Мадина Ахмадова. В 2005 году окончила исторический факультет ЧГУ. С того же года работает на кафедре истории мировой культуры и музееведения ЧГУ. В настоящее время является старшим преподавателем данной кафедры. Публикуется с 2007 года как в местной печати, так и за пределами республики. Пишет научные статьи.

Асет Абубакарова. Окончила филологический ф-т в 1978 году. С 1993 года работает в Госархиве ЧР (ныне Архивное управление Правительства ЧР). Пишет статьи публицистического характера, публикуется с 1993 года в местной и российской печати.

Али Зармаев (1950). Родился в Казахской ССР. Окончил плодоовощной факультет Московской сельскохозяйственной академии им К. Тимирязева в 1973 году. В настоящее время является замдиректора Агротехнологического института зав.сектором АН ЧР. Академик, доктор с.-х. наук, профессор. Заслуженный работник с.-х., лауреат Премии Правительства РФ; засл. Деятель науки ЧР. Пишет стихи, очерки, эссе; пробует себя в прозе, занимается художественной фотографией. Автор четырех поэтических сборников: «Обо мне и о тебе» (2006, Нальчик), «И снова о нас» (2013, Грозный), «как разнообразен этот мир» (2013, Грозный), «От встречи к встрече» (2013, Грозный).

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и
в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.